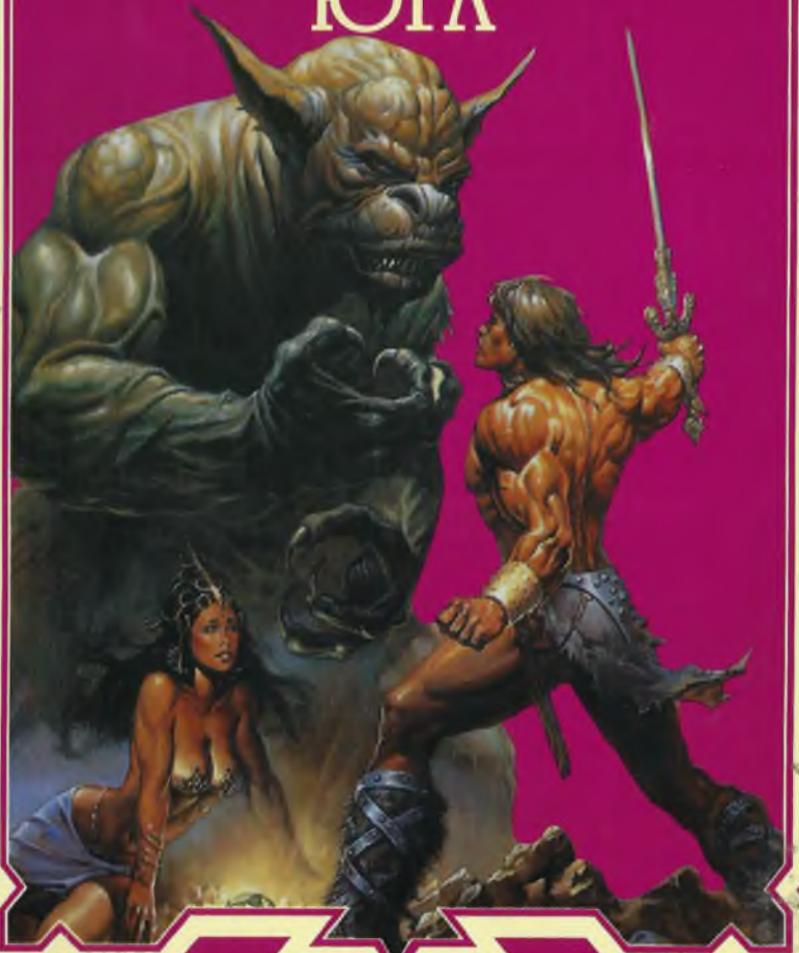

КОНАН И ЧАРОДЕЙ ЮГА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и четыре стихии 1	КОНАН и боги Тьмы 2	КОНАН и меч КОДУНА 3	КОНАН бросает вызов ПЕНДЕР 4	КОНАН и повелитель ПЕНДЕР 5	КОНАН и лесные снегов 6	КОНАН и немецкая СЕКИРА 7	КОНАН на дороге КОРОЛЕЙ 8	КОНАН принимает бой 9
КОНАН и карусель БОГОВ 10	КОНАН и дар МИТЫ 11	КОНАН и ночные КАИНКИ 12	КОНАН и гром ДАИОМЫ 13	КОНАН и зеркало ГРИДУШЕГО 14	КОНАН и времена КЛАДИЧИХ СТРЕЛ 15	КОНАН и псы ВОИНЫ 16	КОНАН и таинство ЗАА 17	КОНАН и бич НЕРГАЛА 18
КОНАН и город ПЛАНЕННЫХ ЛУН 19	КОНАН и источник СУДЕЙ 20	КОНАН и сердце АРИМАНА 21	КОНАН и багровое ОКО 22	КОНАН и призрачный ПРОИВОГО 23	КОНАН и вонючество МРАКА 24	КОНАН варвар из КИММЕРИИ 25	КОНАН и рыжий ЯСТРЕБ 26	КОНАН и плавники БЕЛНЫ 27
КОНАН и заговор ТЕНИЙ 28	КОНАН и копье КРОМА 29	КОНАН и брата ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН и ламазный ЛАБИРИНТ 31	КОНАН и раскомотый ИДОЛ 32	КОНАН и чаша БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН и агнценой СТРАЖ 34	КОНАН и история ГРЕЗАМИ 35	КОНАН и алтарь ПОБЕДЫ 36
КОНАН и битва БЕССМЕРТНЫХ ПЛОТИ 37	КОНАН и покорители ПЛОТИ 38	КОНАН и берег ПРОКАЛЫХ 39	КОНАН и оковы БЕЗМОДАВИЯ 40	КОНАН и властница НЕБЕС 41	КОНАН и дерево МИРОВ 42	КОНАН и колючая ВЛАСТИ 43	КОНАН и зов АРЕВИХ 44	КОНАН и пророк ТЬМЫ 45
КОНАН и гнев СЕТА 46	КОНАН и храм НОЧИ 47	КОНАН и король ВОРОВ 48	КОНАН и полумертвый ОГОНЬ 49	КОНАН и мячех ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и КАЛИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН и хозяин ОКЕАНА 52	КОНАН и корона МИРА 53	КОНАН и посланник СВЕТА 54
КОНАН и спящее ЗАЛО 55	КОНАН и звезды ШАДИЗАРА 56	КОНАН и склеп ХЛОСА 57	КОНАН и жрец ТАРИМА 58	КОНАН и сияющие ПРИКТОВ 59	КОНАН и гигантская МОЛНИЯ 60	КОНАН и глыбы ХАИБОРИН 61	КОНАН и всадники БУРИ 62	КОНАН и слада ИСПОЛИНА 63

КОНАН И ЧАРОДЕЙ ЮГА

акт

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва • Санкт-Петербург • 2005

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7Сое)

К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 30.03.2005. Формат 84x108^{1/32}
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 9 000 экз. Заказ № 2128

К64 Конан и чародеи Юга : [роман, рассказы] — М.: АСТ; СПб.:
Северо-Запад Пресс, 2005. — 403, [13] с. — (Конан).

ISBN 5-17-029822-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-264-5 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он
охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и искромагами от
Венеции до Китая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории,
спасая невиновных и карая злого.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2005
© С. Шикки, оборот, 2005
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2005

ЧАРОДЕЙ ЮГА

B

от уже несколько часов молодой наемник блуждал по подземельям, которые не без основания считал проклятыми. Он был строен, довольно высок. Пряди густых темных волос постоянно лезли ему в глаза, серые и выразительные.

На лице парня застыл ужас, однако он старался не поддаваться панике. Если здесь нет магических ловушек, то выход должен быть близок, очень близок! Возможно, он сумеет до него добраться...

Время от времени наемник останавливался, чтобы успокоиться и попытаться почувствовать движение воздуха. В его мыслях уже не осталось места для воспоминаний, которым он предавался после гибели последнего из товарищей. Сейчас он думал лишь о том, что сделает с тем человеком, по воле которого оказался здесь. Если, конечно, выживет.

* * *

...В отряде Эмилио был разведчиком, а также первым помощником Рузеса, командира отряда, стигийца по происхождению. Большими воинскими талантами Эмилио никогда не отличался — он предпочитал притворяться, обманывать, сыпать яд в бокал врага и бить в спину своим любимым стилетом. Родившись двадцать пять лет назад в пригороде Мессантии, он умудрился побывать почти во всех странах Заката и Полудня Хайбории, выучить аквилонский, шемитский, кофийский и стигийский языки. Он часто менял ремесло: побывал и гребцом, и бардом, и дипломатом, и купцом; успел примерить на себя рабские колодки, а в результате стал наемником.

Отряд Рузеса занимался тем, что выполнял неординарные поручения, исходившие от лиц, подчас совершенно неожиданных. Более того, если бы их имена в какой-то момент открылись, все обитатели Полудня испытали бы немалое удивление.

Задания случались двух типов: магические и незаконные. Эмилио предпочитал именно вторые. Благодаря своей внешности он мог втереться в доверие к кому угодно. Дамы приглашали его в свою постель, благородные господа звали к столу, а стражники запросто пропускали его в охраняемые ими помещения.

Что бы ни было его целью — секретный план крепости, алмазы знатной дамы, или чья-то жизнь, — Эмилио всегда добивался успеха. Ос-

тальные члены отряда лишь оказывали ему помощь. Аргосец резонно полагал, что мог бы обойтись и без посторонней помощи, но это, по его мнению, было бы слишком скучно.

Магией в отряде занимался Рузес. Будучи самоучкой, он никогда не входил ни в один из магических конclaveов, а потому вести обширную практику считал делом небезопасным. Не в пример большинству выходцев своей страны, Рузес имел репутацию честного и открытого человека. Имелось у него и трое учеников, практикующих магию школы Равновесия.

Прочие семеро наемников были простыми рубаками, но каждый из них стоил как минимум двух Черных Драконов аквилонской гвардии — обращаться с оружием люди Рузеса умели преотлично.

В подземельях в окрестностях Кеми они оказались благодаря некоему шемиту, предложившему «выгодную и безопасную работу». Шемит являлся младшим сыном одного богатого дворянинна, который лет пять уже находился при смерти. Прежде чем дойти до столь плачевного состояния, папаша умудрился произвести на свет девятерых сыновей и двух дочерей. Соблюсти местные традиции и перерезать всех братцев заказчик Рузеса не смог — ввиду их количества, — а потому отправился путешествовать. Исследовать богатства, приключений и славы. Братья настолько обрадовались бескровному устранению одного из претендентов на титул, что обеспечили его подорожными и немалыми деньгами.

Шемит оказался в меру везуч, так как приключения и славу он сумел стяжать за очень короткий срок, спустив при этом, правда, большую часть золота. Почему он был еще жив к моменту встречи с Рузесом, Эмилио понять не мог. Тем не менее, у него имелась при себе карта с обозначением богатого клада и сумма, вполне достаточная для того, чтобы заинтересовать командира наемников.

Рузес рассчитывал проверить помеченнное на карте крестиком место, убедиться, что там нет никакого разрушенного храма с подземным ходом, забрать деньги шемита и отправиться тратить золотишко ближайший город. Особенную радость стигийца вызывал тот факт, что в этих местах он бывал неоднократно и совершенно точно знал: нет там никакого храма!

Но каково же было всеобщее удивление, когда отряд обнаружил руины именно там, где и предполагал шемит! Эмилио уже тогда не понравилась эта история: храмы из-под земли не возникают, если, конечно, в дело не замешана магия. Однако, предложение прирезать шемита, взять деньги и побыстрее унести ноги соратниками Эмилио было встречено с негодованием. Вдобавок ученикам Рузеса не терпелось исследовать загадочные руины.

В этой ситуации Рузесу осталось только вознести молитвы Бэлу и Дэркето, коих он считал своими покровителями, прикрикнуть на своих подчиненных и поспешать вслед за неразумными магами.

Под развалинами храма обнаружился сложнейший лабиринт, но карта предупреждала и об этом. Ловушек или охраны кладоискатели на своем пути не встретили.

Факелы вскоре пришлось погасить — появилось ядовито зеленое свечение, исходящее от стен, потолка и пола. Дышать становилось всё тяжелее и тяжелее. Маги попытались сотворить что-нибудь с воздухом, и вроде бы у них это получилось, только вот свечение становилось всё ярче и вдобавок начало пульсировать.

Рузес принял решение оставаться на месте и посмотреть — не будут ли разрастаться магические явления.

Несколько воинов настаивали на том, чтобы повернуть назад. Шемит-наниматель был полностью с ними согласен: куда разумней найти человека, продавшего ему карту, и хорошенько расспросить об этом месте, благо тот ни от кого не скрывался. Эмилио пожалел, что эта светлая мысль не пришла ему в голову сразу.

Но свечение со временем вернулось к прежнему уровню, воздух был чист, а маги не чувствовали волшбы, творимой поблизости. Отряд двинулся дальше. Эмилио больше не убирал руки с эфеса меча.

Когда наемники увидели впереди большую пещеру, усыпанную золотыми монетами стигийской и кофийской чеканки, они позабыли о дисциплине и бросились вперед набивать заранее припасенные на случай удачи мешки. Рузес тихо выругался про себя, глядя на этот бардак, подо-

звал к себе магов, присоединившихся к остальным, и нецензурно объяснил им, что их задача не грабить, а следить за происходящим. Пара грозных окриков командира вернула наемникам чувство реальности.

Эмилио лишь наблюдал за сбором денег. Теперь грабеж обрел некое подобие порядка. Однако наемнику происходящее нравилось всё меньше и меньше. Помимо отсутствия охраны более всего удивлял состав найденных сокровищ. Никаких камней, произведений искусства или оружия. Только монеты. Нетрадиционно, а значит — подозрительно.

Поразмыслив над этим, Эмилио решил не следовать примеру большинства и не стал набивать свои карманы золотом. Содержимое четырех огромных мешков и так обеспечит каждого до конца жизни.

Маги тем временем начали проявлять беспокойство: свечение усиливалось, а заклинание по очистке воздуха отнимало слишком много сил. Рузес дождался, пока будет заполнен последний из мешков, и приказал срочно строиться и уходить.

Эмилио и одного из магов поставили в арьергард. В случае опасности аргосец на своего «напарника» не рассчитывал. Бедняга был совсем плохо: пот катился с него градом, из носа шла кровь, каждый шаг давался магу с невероятным трудом.

Неприятности начались, когда они преодолели примерно треть обратного пути. Свечение ста-

ло невероятно ярким, а миг спустя на отряд из боковых туннелей набросились твари, которым впору было прислуживать самому Сету. Каждое чудище — в полтора человеческих роста, покрытое по всему телу черными пластинами, с длинными конечностями, заканчивающимися острыми когтями. На невероятно подвижных головах горели ярко-зеленые глаза.

Встреча была краткой и кровавой. Пробить демоническую броню простой стали оказалось не под силу, а маги были слишком обессилены, чтобы что-то сотворить.

Несмотря на ситуацию, наемники все же проявили и выручку, и характер, встав кольцом и сдерживая в меру сил натиск подземных тварей. Исчезли демоны столь же внезапно, как и появились. Несколько секунд воины просто стояли, опустив мечи, обескураженные произошедшим.

Эмилио удивился, не услышав привычных команд Рузеса, а когда огляделся, понял, что главный теперь он.

Рузес и двое магов, шедших впереди, лежали мертвыми. У одного не хватало головы. Погиб также один из воинов, несший золото.

Маг, бывший с Эмилио, к счастью, оказался жив, и смерть от удушья спасшимся не грозила. Только у бедняги не хватало ноги: один из демонов отхватил её еще прежде, чем аргосец столкнулся с бесполезного в схватке мага в безопасный центр кольца мечей. Означало ли это, что твари выбрали в качестве цели именно магов — имевших доступ к Силе? Вполне возможно.

Когда кровотечение у мага остановили, Эмилио повел отряд дальше, вынув из неподвижных пальцев Рузеса проклятую карту. Пятеро воинов так и двигались кольцом, в центре которого находились раненый маг и шемит, тащивший мешок с золотом.

Оставшуюся часть найденного Эмилио велел бросить, догадываясь, что демоны просто так не отстанут, и в бою понадобятся все умеющие обращаться с мечом. Занимать воинов перетаскиванием мешков не стоит. К тому же аргосец допускал, что охотиться могут не только за магами, но и за ворами. Если в следующем схватке шемита убьют, то придется оставить всё золото, что есть у них. Жаль, конечно, но жизнь дороже.

Однако нападения всё не было и не было. Надежда выбраться — и выбраться богатыми — становилась всё ощутимей. Некоторые воины даже начали шутить.

Эмилио это не понравилось, но прикрикнуть на них он не нашел в себе сил. Слишком хотелось, чтобы спало напряжение. Мысли о грядущей смерти в забытой богами норе пугали.

Постепенно свечение становилось глушее, а это значило, что магия пещер слабеет. Когда они минули большую часть пути наверх, тьма стала полной. Продвигались наощупь, но это не мешало наемникам радоваться в предвкушении скорого спасения.

Эмилио хотел даже попросить мага осветить путь. И тут со всех сторон начал доноситься топот. Это могло означать только одно. И аргосец

принял единственно верное решение. Он побежал. В темноте у них не было шансов. Он не знал, последовали ли остальные его примеру. Судя по звукам — да.

Эмилио бежал так, как не бегал никогда в жизни, пытаясь отыскать путь по памяти. Сзади доносились звуки схватки. Раздавались крики тварищей. Рядом мелькнула пара зеленых глаз, и он почувствовал, как лапа твари рассекает воздух рядом с его ухом. Были потом и другие, но ни одна не подошла столь близко.

Внезапно стало тяжело дышать. Значит, маг уже мертв. Вскоре звуки вокруг стихли, но Эмилио не останавливался до тех пор, пока не потерял сознание, ударившись головой об одну из стен.

Очнувшись, он увидел, что стены снова испускают привычное тусклое свечение. А рядом с Эмилио, к невероятному удивлению аргосца, сидел один из воинов, выходец из Черных Королевств по имени Алой. На командира он смотрел без злобы, что позволило Эмилио сделать вывод о том, что Алой тоже бежал от схватки. Странно, правда, что направление совпало. Карту видели только он, Рузес и их наниматель.

— Очнулись, командир? — участливо поинтересовался Алой.

Эмилио пришла мысль, что, с учетом цвета кожи воина, демоны вполне могли принять его за своего.

— Да, вроде всё в порядке, — ответил аргосец.

— Сильно вы головой приложились, — сказал

Алой. — Но всё лучше, чем там с остальными вальяться.

— Это точно, — согласился Эмилио. — Только как ты сюда добрался? У тебя же нет карты.

— Какой? Этой? — рассмеялся воин, продемонстрировав идеальные белые зубы. В руке он вертел карту, изъятую у бессознательного агосца. — Она мне вообще не нужна. Я из любой норы выход найду. У нас это семейное. Чувство пространства!

Эмилио только раскрыл рот от удивления.

— А карту я всё-таки у себя оставлю, — продолжал Алой. — Не доверяю я вам. Вы уж прощите, командир. Может, вернусь сюда когда-нибудь. Она мне и сгодится!

«Вот ублюдок!» — пронеслось в голове у Эмилио. Он подумывал, не прикончить ли мерзавца, когда перед ними возник один из демонов. Тварь переводила взгляд со шпиона на воина, словно выбирая. И в итоге выбрала: когтистая лапа вонзилась в живот Алоя. Предсмертный крик несчастного сотряс стены пещеры. Демон поднял воина в воздух, словно пушинку, и скрылся так же быстро и беззвучно, как и возник.

Когда Эмилио пришел в себя, то осознал, что карты теперь у него нет. Хотя, может, это и к лучшему. Аргосцу казалось, что именно из-за неё выбор чудища пал на Алоя. Теперь уже ему придется выбираться, ориентируясь на то самое «чувство пространства». Решив не терять времени, он встал и двинулся в том направлении, которое считал верным. Спустя пять часов страха,

молитв и проклятий перед Эмилио забрезжил дневной свет.

Сейчас у него не было ни друзей, ни денег, ничего. Только жизнь и жгучая жажда мести.

* * *

«Вестрел» покачивался на волнах у небольшой пристани в городке с названием Сартос, располагавшемся на побережье Стигии. До пустыни было три дня ходу через полосу джунглей. Благодаря ним эта часть страны обладала определенной долей независимости. Население подобных поселений, раскиданных по побережью, составляли выходцы из множества стран. Они терпели здесь кораблекрушение, а затем оседали на этой земле. За долгие годы чужаки основательно перемешали свою кровь с аборигенами. Язык, на котором они изъяснялись, являл собой смесь стигийского, зингарского и аргосского.

Маги, заправлявшие в Стигии, несколько веков тому назад предприняли несколько попыток подчинить эти места централизованному управления. Их войска без труда заняли всю местную территорию. А затем в течение двух лет солдаты бесследно пропадали в джунглях, тонули в океане и погибали в бесчисленных кабачных драках. Целителей, чтобы лечить их раны, почему-то никогда не оказывалось рядом, поставщики провинцианта подвергались нападению диких животных, а пираты и контрабандисты неизменно угадывали места очередных засад.

Пришлось искать иное решение проблемы независимых поселений. Остатки войск вывели, а вместо них во всех мало-мальски крупных городах организовали торговые конторы. Неприметные одноэтажные домики вскоре стали главными объектами обсуждения. Стигийцы полностью переняли местную тактику. Никаких официальных сборов, никакого контроля за ввозимыми товарами, только ненавязчивые услуги по посредничеству, предлагаемые частными лицами. Капитаны посообразительнее от предложений не отказывались, благо суммы стигийцы требовали разумные, да и законностью путей приобретения товаров конторы не интересовались. У тех же, кто отказывался, грузы неизменно и непоправимо портились. Большинство предполагало, что без магии тут не обошлось. Подтверждение они получили спустя два года после начала новой стигийской политики.

Многие капитаны-отказники, привыкшие к тому, что местные порты свободны от какой-либо власти, решили положить конец негласному контролю стигийцев. План их был достоин всяческих похвал. Сохраняемая в строжайшей тайне операция должна была претвориться в жизнь одновременно на всем побережье. В качестве основной ударной силы мятежные капитаны выбрали фанатично настроенных митрианцев, поклонников бога Митры, пообещав им в случае победы введение в стране второго официального культа, наравне с поклонением Сету.

Каждый вплоть до рядового участника загово-

ра проходил тщательную проверку. Необходимо было удостовериться, что стигийцы ни о чем не про знают. Согласно плану, сначала должны быть умерщвлены те представители торговых контор, что находились в городах, затем сами здания окружались арбалетчиками и поджигались. Выживших оставаться не должно.

Но в ночь, предшествующую бунту, стигийцы нанесли упреждающий удар. Каждый из главарей мятежа, где бы он ни находился, сначала чувствовал головную боль и жар, а потом вспыхивал синим пламенем, которое однако ни на что не перекидывалось. Участвовавшие в заговоре митрианцы также поплатились: половина из них превратилась в местных дурачков, остальных поразили различные телесные недуги.

Утром следующего дня в сопровождение воинов, облаченных в черную броню, на центральные площади городов вышли люди, назвавшие себя «Хозяевами Побережья». Каждый Хозяин входил в число посвященных Черного Круга, о чем не преминул сообщить собравшимся вокруг людям. Рассказали стигийцы и о деталях раскрытого ими заговора, и о наказании, постигшем виновных.

С этого дня власть Хозяев объявлялась официальной, и каждый мог обратиться к ним с жалобами или просьбами. Однако, дабы уверить местное население в своем благожелательном отношении к нему, от формирования регулярной стражи и армии стигийцы отказались. Товары «сомнительного» происхождения по-прежнему раз-

решались к обращению. А в довершении всего теперь каждый мог поклоняться любому богу, какому пожелает.

Так завершилась история последнего местного восстания. Хозяева своих слов назад со временем не взяли, зато представили их в своеобразном ракурсе. За порядком, кроме местной дружины, наблюдала также «лиловая гвардия» — люди Хозяев. В их одежде непременно присутствовал этот цвет. Официальных полномочий у них не было, но все знали, на кого они работают. Вмешивались в происходящее «лиловые» редко, но когда это случалось, нарушившие их покой живыми не уходили.

За возможность молиться своим богам люди должны были платить — и немало. Вырученные деньги отправлялись на строительство новых храмов Сета. Факт был общеизвестным, но говорить о нем с чужаками местные почему-то не любили.

Новые власти ухитрились узаконить даже пиратство. Все морские разбойники были объявлены каперами Стигии. И это привело к совсем невероятному результату. Чем могли заинтересоваться пираты в портах вроде Сартоса? Вина, ткани, оружие. Всё это стигийцы, конечно же, скупали у своих «каперов», но и цены ставили с учетом того, что в других местах награбленное продать будет трудно, а самим стигийцам оно не сильно и требуется.

Но вскоре искомая золотая жила была найдена. Один ванир, по имени Кервин Хитрый, ре-

шил для себя так. Раз в этих местах полно магов, то, может, они заинтересуются старинными книгами шаманов Нордхейма? Хозяева заинтересовались. Причем настолько, что обеспечили северянина безбедной старостью в престижном районе Тарантии, а себя — неиссякаемым потоком различных артефактов и магической литературы. По большей части привозимое было бесполезным — совсем или частично, но время от времени попадалось и что-то действительно ценное.

Остальные государства просто не могли безучастно смотреть на происходящее, и вскоре в каждом из городков побережья Стигии можно было найти и аквилонских, и немедийских, и туранских конфидентов. Находились даже такие, кто работал на далекие Кхитай и Вендию. «Лиловым» и их хозяевам это, конечно, не нравилось, но так как предпринимать что-либо было уже поздно, да и с политической точки зрения небезопасно, то пришлось им приспособливаться к новому порядку вещей.

Таков был Сартос: смесь культур половины Хайбории, замешанная на магии, шпионаже и пиратстве. И здесь волею судеб пришлось причалить «Вестрелу».

Капитан корабля был высок, широкоплеч, с глазами, как две льдинки. Длинные черные волосы стягивал кожаный шнурок. Звали капитана Конан.

Стигию он не любил. Будь его воля, он и близко бы не подошел к этим местам, но штурм, накрывший корабль, седмицу назад не оставил ему

выбора. «Вестрел» истрепало так, что он еле держался на плаву. Лишь благодаря выдержке и воле матросов, корабль сумел достичь суши. И сейчас ему требовался длительный ремонт. А денег на это у пиратов не было.

Из всей команды в здешних краях раньше бывал только старший помощник Сигурда, громадный рыжеволосый уроженец Ванахайма.

Он и был одним из двух сошедших на берег. Вторым стал, естественно, капитан. Остальная команда под руководством боцмана Зелтрана пыталась хоть как-то починить верное судно.

Направлялись двое северян в прибрежную таверну. Как рассказывал Сигурд, в последнее время «клиновые» сами начали нанимать охочих до денег смельчаков и отправлять их на поиски различных магических побрякушек. Платили исправно, задания давали посильные.

Киммерийца выворачивало при одной только мысли о том, что он идет требовать работы у магов, да еще и у стигийских. Однако ситуация сложилась безвыходная: за два последних месяца, кроме бурь и военных галер, «Вестрелу» ничего не встречалось. Можно было бы заняться контрабандой, но местная торговая политика совсем искоренила этот вид промысла у окрестных берегов. Да и денег на ремонт требуется занять, а под незаконную операцию никто кредит давать не решится.

Называть таверну «Морской Змей» «прибрежной» было бы не совсем точно. Она была вообще единственной на весь Сартос и представляла со-

бой довольно чистое двухэтажное деревянное здание с множеством окон и площадкой для игр в дворе.

Сейчас там огромный лысый детина предлагал желающим помериться с ним силой. Время от времени кто-то решался на сей опрометчивый шаг, и тогда толпа, собравшаяся вокруг, разражалась криками. Заключались пари, раздавались вопли в поддержку одного из участников.

Конан и Сигурд задержались посмотреть пару схваток, в каждой из которых лысый легко взял верх. К чести бойца следовало отметить, что обходился он без членовредительства.

Сигурд было вопросительно посмотрел на капитана, явно желая поучаствовать в развлечении и немного подзаработать деньжат. Конан на миг задумался, а потом отрицательно покачал головой. Найти работу сейчас куда важнее, чем покрасоваться перед толпой бездельников. К тому же Конан сомневался в том, что он или Сигурд смогут победить лысого. Того, скорее всего, подпитывала пара придающих силу заклятий, иначе усталость рано или поздно взяла бы верх над бойцом, а терять прибыль от такого аттракциона было глупо. Наверняка несколько схваток в день лысый сознательно проигрывает, но бездумно ставить на то, что счастливчиками станут именно они, Конану не хотелось. Пересказывать эти размышления Сигурду киммериец не стал: сам догадается. Это только на публике ванир любил изображать глуповатого варвара, разумно полагая, что с помощью столь простого трюка сможет по-

черпнуть множество полезной информации. На самом деле он был далеко не так прост.

Была у Сигурда и еще одна примечательная черта, которую Конан намеревался сегодня использовать. Ваниру постоянно везло в кости. Долгое время команда «Вестрела», подозревала старпома в мошенничестве и всячими способами пыталась вывести его на чистую воду, но всё оказалось напрасно. Сам Сигурд утверждал, что это Имир помогает храбрецам, к коим он относил и себя. В ответ на что Зелтран возражал: напротив, это Иштар помогает слабоумным, к числу коих боцман без колебаний относил ванира.

Так или иначе, Сигурду предстояло с последним запасом корабельного золота прибыть к игральному столу, где он должен был своим примером продемонстрировать, насколько везучая у капитана Конана команда.

У двери в таверну сидело трое митриан-дурачков, которые играли в какую-то игру на пальцах. Призом служило небольшое колечко из латуни. Победитель любовно смотрел на «сокровище», затем корчил страшную рожу и призывал свергнуть одного из дарфарских царьков с непропизносимым именем, а остальные двое всячески с ним соглашались. Затем розыгрыш кольца повторялся.

Из таверны тем временем упорно пытались выйти какие-то люди, но один из играющих упорно не позволял двери открыться.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул Сигурд, подняв одного из дурачков и отвесив ему пинка.

Конан для верности выкинул подальше кольцо. Вывалившийся из двери пьяный моряк рассыпался в благодарностях и, пошатываясь, направился к одному из кораблей.

К обстановке, царившей внутри, Конан, несмотря на все рассказы старпома о Побережье и его Хозяевах, оказался не готов. Казалось, магия здесь была повсюду. Вместо ламп применялись заклинания, дающие различные световые эффекты в зависимости от местоположения в зале. В глубине таверны размещались две сцены. На одной танцевали обнаженные девушки, а на другой туманные образы рыцаря и дракона изображали отрывок из древней саги. Пол казался выполненным из агата, хотя на самом деле был деревянным.

Звучала музыка. Но как Конан ни старался, места, где могли бы скрыто располагаться музыканты, он не обнаружил.

В левой части залы находились столики и хозяйская стойка, справа стояли два игровые стола. Лестница, уводившая на второй этаж, была белоснежной и скрывалась в созданных магией облаках.

Рядом с одной из сцен находилось помещение, огороженное шелковыми тканями. Оно предназначалось для ведения торговых переговоров. Там же всегда можно было найти представителя Хозяев.

Время близилось к закату, а потому народу внутри собралось уже прилично. Северяне прошли к одному из свободных столиков, не желая

показывать, что они куда-то торопятся. Одна из официанток поинтересовалась, что благородные господа желают заказать.

— Вина. Два кувшина, — ответил Конан, слегка прихватив девушку за ляжку.

— Лучшего? — кокетливо поинтересовалась официантка.

— Местного, — с горечью в голосе уточнил заказ капитана Сигурда.

Официантка обиженно фыркнула и пошла за вином. Хоть клиенты были и прелесть, как хороши, но с тугостью кошельков у них явно были проблемы.

— Ну, как тебе Побережье? — поинтересовалась Сигурда у капитана, дегустируя принесенный напиток.

— Слишком много магии, — ответил Конан. — Без неё было бы лучше. Красиво тут, не спорю, но на душе зато неспокойно.

— Разве это магия? — усмехнулся Сигурд. — Сюда Хозяева ненужные им артефакты отдают, которые в магической подпитке не нуждаются. Игрушки, да и только.

— И уж тем более, — продолжил Конан, — у меня нет никакого желания знакомится с чем-либо серьезным. Почему нас шторм не в Коф закинул, а сюда?

— Потому, что Имир, — сказал Сигурд, — рассудил, что здесь мы быстрее найдем помощь. На местных сделках можно заработать, как нигде в Хайбории.

— Правильно Зелтран про любимчиков Иш-

тар говорил, — пробормотал капитан, вроде бы себе под нос, но так, чтобы ванир все-таки рассыпал. — Мало у нас было с волшебниками приятностей! Мы их теперь сами искать стали. И вообще, входи в образ. Пойдем решать судьбу корабля.

Конан встал и направился в огороженное шторкой помещение. Сигурд заказал еще вина и начал приглядываться к играющим в кости. Ему было интересно, кто из них умеет мошенничать.

У игрового стола крутилось трое стигийцев, довольно броско одетых, двое шемитов, один зингарец и четверо местных.

Стигийцы, судя по внешнему виду и совершаевшим ставкам, были купцами. Странно. Торговый люд обычно находит деньгам совсем другое применение.

Игроками они были не очень ловкими, хитростей не знали, так что их ставки раз от раза доставались шемитам или зингарцу. Торговцев это не сильно расстраивало, что подтверждало догадку Сигурда о какой-то провалившейся сделке, поставившей стигийцев на грань разорения.

Сейчас они спускали на ветер последние сбережения. Ванир был готов биться о заклад, что через пару дней их тела найдут в какой-нибудь тихой бухте.

Шемиты были довольно высокие и мускулистые. Скорее всего, охранники какого-нибудь каравана, прибывшего из глубины страны. Точно не моряки: двигаются совсем по-другому. Вина они почти не пили, предпочитая сохранять яс-

ную голову в игре, пусть и рассчитанной прежде всего на везение.

Черноволосого парня, обладателя пары красивых ярко-зеленых глаз, чарам которых поддалась, наверное, не одна красотка, Сигурд сначала ошибочно счел зингарским моряком. Но, последив за ним, понял: если тот в море и бывал, то нечасто. На уроженца Сартоса он совсем не походил: нет характерного кривоватого носа, глубоко посаженных глаз и тонких губ, свойственных местным жителям. Стало быть, выходец с Заката, причем в первом поколении, невесть как оказавшийся на Побережье. Сигурд внимательно осмотрел одежду «зингарца», пытаясь разглядеть какую-нибудь лиловую вещицу. Таковых не оказалось. Везло парню невероятно. Ставки он или забирал себе, или делил с шемитами. Разглядеть, мошенничает он или нет, Сигурд с такого расстояния не мог, но зингарца взял на заметку.

Местные ставок почти не делали, больше наблюдали. Их задачей было определить обладателя самого большого куша, а потом дать знак со-общникам, кого именно следует препроводить на Серые Равнины. Ваниру стало интересно, попытаются ли они как-нибудь вывести из игры купцов, пока те не просадили всё золото. Сигурд терпеть не мог таких шакалов. Но власти Побережья разрешали всё, что не мешало им увеличивать благосостояние, так что подобные дельцы чувствовали себя в Сартосе вполне уверенно.

Допив вино большим глотком, Сигурд, сделано пошатываясь, направился к игровому столу. «Ша-

калы» мимоходом бросили на него несколько взглядов, оценивая размеры его кошеля и степень опьянения. Зингарец приветливо улыбнулся, пропуская Сигурда к столу. Стол, между прочим, был самый обыкновенный. Деревянный, потрескавшийся, с пятнами от пролитого вина. Всем своим видом он показывал, что к магии никакого отношения не имеет.

Игра у Сигурда пошла привычно легко. Купеческие деньги стали улетучиваться с невиданной скоростью. Шемиты начали подозрительно поглядывать на варвара, то и дело прикладывавшегося к кувшину с вином. Повод для этого имелся. С приходом Сигурда от них удача отвернулась. На счастье ванира, они были достаточно трезвы, чтобы не обвинять того в жульничестве, не имея ни малейших доказательств, и сочли за лучшее удалиться.

«Шакалов» тоже как ветром сдуло. Подобные людишки опасность нутром чуют, а ванир таковую в данный момент олицетворял.

Стигийцы же оказались куда богаче, чем предполагал Сигурд, и раз за разом кидали деньги на стол.

Что же это за сделка должна была быть?! В порыве странной щедрости, столь свойственной нецивилизованным народам, Сигурд купил купцам вина на выигранные у них же деньги, надеясь услышать что-нибудь интересное. Зингарец же поставил ему кувшин белого офирского. Последний, как Сигурд успел заметить, всё-таки играл честно, а значит, был просто невероятно ве-

зуч. Ваниру сейчас доставалась лишь десятая часть выигрышей.

Узнать что-нибудь о том, почему стигийцы столь яростно просаживают нажитое и почему оно не заканчивается, Сигурду было не суждено. К игровому столу подошла пара распутных девиц и принялась всячески расхваливать свои прелести и умения, которые они готовы продемонстрировать хоть сейчас. Купцы сомневались недолго, видимо, решив получить за этот вечер максимум удовольствия.

— Ладно, эти хоть глотку не перережут, — с удовлетворением сказал зингарец, когда они с Сигурдом остались вдвоем за игровым столом.

— А чего их резать-то? — с глуповатым видом произнес Сигурд, кидая кости.

— Деньги, — философски заметил зингарец. — Помнишь, здесь четверо стояли, когда ты пришел? Эти бы не пощадили, дикие они. А девчонки сейчас позабавятся, усыпят магией или травкой, обчистят, разденут и работорговцам продают. Тоже плохо, конечно. Зато живы останутся.

— Вина еще хочешь? — спросил Сигурд, кляня про себя кубики. С тех пор, как они с зингарцем остались вдвоем, он уже проиграл три ставки подряд. Раньше с ним такого не случалось. Никогда.

— Давай! — сказал зингарец и подозвал официантку. — Тебя как зовут-то, моряк?

— Сигурд, — ответил ванир.

— А меня Счастливчик, — сказал черноволосый.

Сигурда передернуло, когда он услышал прозвище. Сразу же стало обидно, что показал, как проигрышу расстраивается, но было поздно.

— Первый раз вижу, чтоб купцы в кости играли, — совершенно честно заметил ванир. — Часто у вас такое бывает?

— Всю последнюю неделю, — сказал Счастливчик, пробуя принесенное вино. Судя по выражению лица, оно ему не слишком понравилось.

Сигурд с опаской поглядывал на кувшин: до этого он тоже брал другое.

Ванир отхлебнул и поразился, насколько же отвратительными наклонностями должен был обладать человек, такую пакость изготавливающий. Но в соответствии с образом «простодушного дурачка-варвара», лицо сделал благообразное и виноделу пожелал здоровья.

— А с чего это они? — поинтересовался Сигурд, тряся стаканчиком. Перед тем, как посмотреть, что выпало, он даже прикрыл глаза, призываая на помощь и Имира, и Иштар. Но боги оказались немилостивы. Сумма точек опять оказалась меньше, чем у Счастливчика. — Проклятье!

— Шторм на море стоит, — пояснил Счастливчик. — Вот вся торговля у них и сорвалась.

— Тогда ясно, — сказал Сигурд. Ясно ему было одно: что ему морочат голову. Ну, потеряют они из-за погоды часть прибыли, но с жизнью из-за этого не расстаются.

— Не веришь, — ухмыльнулся парень. — Зря. Так легче. Здесь всё на магии замешано, и многих вещей не знать лучше. «Аиловые» за всеми

следят, и оттого, что я тебе обо всем здесь творящемся расскажу, жизнь твоя приятней не станет.

— А сам магией не промышляешь? — поинтересовался Сигурд, отмечая, что зингарец в «глупого варвара» не поверил. — Больно кости у тебя хорошо ложатся.

— И ты туда же! — обиделся Счастливчик. — Думаешь, за что мне прозвище дали? Пытайся я колдовать, меня бы давно отсюда выставили. Нагости Хозяева не любят.

— Ладно, парень, — сказал Сигурд, вспоминая разговоры на «Вестреле», — извини. Это я так, в шутку. Мне самому в кости обычно фартит.

— Я и гляжу, — усмехнулся зингарец, прихлебывая своё мерзкое вино. — Половину денег проиграл. Причем, заметь, своих, а не купеческих. Не будет тебе удачи, варвар, в полуденных краях.

— Это мы еще посмотрим! — сказал Сигурд, широко улыбаясь.

Ванир чувствовал, что игру пора прекращать, пока он не проиграл все деньги. Деньги, собранные всей командой. Но упрямство оказалось сильнее.

— Сигурд, я не шучу, — уже абсолютно серьезно сказал Счастливчик. — Заканчиваем. У меня нет никакого желания разорять тебя. Я и так выиграл достаточно.

— Боишься, что отыграюсь? — поинтересовался ванир, хотя сам в это не верил. Парень казался ему довольно честным. Сигурд встряхнул стакан и бросил костяшки на стол. Выпало шесть и пять. Ну, неужели?!

Счастливчик понуро покачал головой и потянулся за стаканчиком. Тряс он его не особо долго, всем своим видом показывая, что не желает продолжения. Сигурда неотрывно следил за кувыркающимися по столу кубиками, и когда выпало две шестерки, на ванира было просто страшно смотреть. Зингарец просто стоял и грустно улыбался, словно знал, что будет так, а не иначе.

— Бери выигрыш, — расстроенно сказал Сигурд.

— Честное слово, я не виноват, — сказал Счастливчик. — Я хотел, чтобы выпало меньше твоего. Мне не нужно столько денег. Не хочу я брать, а то и меня однажды поплавать отправят, с искусно сделанными жабрами.

— Значит, предпочитаешь меня на Серые Равнины отправить? — шутя, спросил Сигурд.

Зингарец выиграл честно, и деньги свои получит. Что с ним самим потом Конан сделает, вопрос другой.

— Своего-то здесь не тронут, знаю. Не первый день на свете живу, — добавил ванир.

— Ладно, — согласился зингарец и забрал выигрыш. — Теперь уж точно хватит. Идем, угощу тебя лучшим вином, а потом познакомлю с парой красоток. Должно же у тебя остаться хоть одно хорошее воспоминание о Сартосе!

— Нет. Продолжаем.

— Сигурд, поверь, это бесполезно.

— Продолжаем.

* * *

Стоило Конану проникнуть внутрь импровизированной комнаты, где, по словам Сигурда, должен находиться «лиловый», как на него накатила волна холодного воздуха, к тому же наполненного ароматом незнакомых киммерийцу цветов. Стояло здесь всего четыре столика. Все были заняты. За одним сидел выходец с Восхода. Мысли его витали где-то очень далеко. Что тому было причиной — магия или лотос — киммериец не разобрался. За вторым расположилось трое жрецов Эрлика, Сета и Митры, которые о чем-то оживленно спорили, не забывая опустошать подносимые им блюда с едой. За третьим как-то молодой человек, сидящий к Конану спиной, беседовал с обворожительной жрицей Дэркето.

О том, что ему нужен человек за последним столом, Конан догадался бы сразу, даже не видя роскошного, украшенного золотой вышивкой и драгоценными камнями лилового камзола. Представитель Хозяев был очень дороден, гладко выбрит и постоянно улыбался, поглощая виноград из стоящей перед ним пиалы. Как Конан и ожидал, перед ним оказался не стигиец. Хозяева предпочитали расположить к себе клиентов, а коренные стигийцы у большинства вызывали опасение. Полный офицер с добродушным лицом на эту роль подходил куда больше.

— Присаживайтесь капитан, — произнес «лиловый» и широким жестом указал на стул напротив. — Я вас совсем заждался.

— Пожалуй, следовало догадаться, — с легким сарказмом ответил Конан, — и не испытывать ваше терпение уважаемый... э?

— Рашил, капитан, — закончил фразу офицер. — Просто Рашил. И не стоит забивать голову поиском никому не нужных титулов. К тому же я очень рад, что вы нашли время осмотреть порт и таверну. Я вовсе не собирался упрекать вас за неспешность.

— Прекрасный город, — сказал Конан. — Искренне жаль, что не получилось уделить ему чуть больше времени. Все мысли о корабле. Вы ведь понимаете?

— Конечно, конечно, капитан, — согласился «лиловый». — Вы, кстати, виноград пробуйте. Местный, куда лучше туранских и заморанских сортов. А какое из него вино делают! Потрясающий букет. Не желаете?

— Нет. Спасибо, — ответил киммериец. — Вино не всякому разговору спутник хороший.

— Прошу простить, капитан, — сказал Рашил. — Вы правы, сначала дело.

— Насколько я понимаю, — начал Конан, — вы в курсе нынешнего состояния моего корабля.

— «Вестрел»? — поинтересовался Рашил. Конан кивнул. — Ужасно. Просто ужасно. Но вы вполне можете собой гордиться. Никто из моих знакомых моряков не сумел бы довести подобное корыто до порта.

— Я бы хотел просить у вас денег и материалов на его починку, — сказал Конан. — Естественно, я верну вам средства. Хотя полагаю, един-

ственno приемлемым способом оплаты Хозяева сочтут добычу предмета достаточной магической силы.

— Вы не догадываетесь даже, сколь приятно мне слышать такие смелые слова, — заявил Рашил. — Да, капитан, подобные вещи практикуются на Побережье, и до сих пор никто еще не обвинял нас в непорядочности. Каждый в силу своих возможностей способен усLужить Хозяевам, и они ценят это, нё оскверняя себя отказами. — Рашил вздохнул, взял горсть винограда и начал медленно ее поедать. Конану оставалось только ждать. — Не желаете шербету, капитан?

— Благодарю, — Конан отрицательно покачал головой.

— А я не откажу себе в удовольствии, — молвил Рашил и хлопнул в ладоши, подзываая служу, — если позволите. Знаете, капитан, когда я волнуюсь, то начинаю непрестанно есть. Ужасная привычка, не правда ли?

— У каждого из нас есть свои недостатки, — философски заметил Конан, ожидая, пока Рашил сам не вернется к теме корабля.

— И опять вы правы! — сказал офицер. — И все-таки у меня есть маленькое оправдание. А впрочем... какое уж маленькое! Месяц назад передо мной точно так же сидел один молодой капитан. Он даже внешне вас чем-то напоминал. Он был амбициозен и горд, да и умен немало. Как и вы, капитан, он просил отправить его на поиски одного из древних артефактов. К нам в это время попала карта. Старая, неизвестного

происхождения, сильно смахивающая на подделку. Там указывались координаты острова, на котором якобы хранится артефакт, позволяющий... Одним словом очень сильный артефакт. И никакой охраны, никаких заклятий, просто затерянный в океане остров. Хозяева проверили её и выяснили, что создатель этой карты был и вправду Черным Магом. Но понять, являлся ли он еще и шарлатаном, не смог бы и сам Тот-Амон. И мы совершили чудовищную ошибку, решив, что всё это выдумка, для проверки которой вполне пригоден и юнец. Через неделю этот капитан уничтожил один из двух сигнальных амулетов, которые мы дали. Его выбор означал, что карта не врала. Но радость наша оказалась преждевременной. По мере приближения к Побережью над кораблем, везущим артефакт, начала зарождаться магическая буря. Вскоре она достигла такой силы, что никакие заклинания не могли пробиться внутрь неё. Две недели назад буря уничтожила корабль. Что там произошло, мы не знаем, но даже следов артефакта не осталось, а море вокруг словно с ума сошло. Да, капитан, это — та самая буря, от которой вы пострадали. Хозяева, как могли, пытались уберечь корабли внутри нее, но повезло немногим. Она бушует до сих пор, и наша магия в силах защитить лишь прибрежные воды.

— Когда она должна закончиться? — спросил Конан.

Как бы ни был Конан зол на проклятых змеепоклонников, сейчас он находился на их территории и должен был вести себя соответствующе.

— Если она будет гаснуть в прежнем темпе, то можно будет выйти в море через три седмицы. На это время мы обеспечим пицей всю вашу команду, но жилье, увы, предоставить не сможем.

— Так как насчет договора? — напомнил киммериец. — Вы чините корабль, а я беру задание. Могу даже сплавать на тот остров.

— К сожалению, не всё так просто, капитан, — сказал Рашил. — Инцидент с гибелью артефакта не остался не замеченным. В Сартосе не только мы занимаемся магией и всем с ней связанным. Здесь есть представители Руки, Павлина, Алого Круга и многих других магических сообществ. Вот, например, туранец за соседним столиком. Если приглядитесь, то увидите, что одно из его колец выполнено в форме Золотого Павлина. Этот сabbатеец в месяц приносит минимум две человеческие жертвы, и мы ничего с этим не можем поделать. Дипломатия. Конечно, большинство чужих магов довольно посредственны. Они выполняют посольские и контрольные функции, попросту говоря, следят за Черным Кругом. Иногда, правда, пытаются перехватить добычу. И сейчас настал их звёздный час! Магические ордена всей Хайбории потребовали от Черного Круга приостановить свою деятельность на Побережье на время проведения расследования, связанного с гибелю древнего артефакта и образования магического шторма. Представьте, капитан, какое невиданное единство! Тот-Амон решил, что лучше согласиться с требованием. Тем более что ничего противоречащего магическому кодексу чес-

ти мы не совершали. Но теперь, пока они не убеждатся, что мы невиновны, — а они будут очень долго в этом убеждаться, — Хозяева не вправе даже нанять плотника, чтобы починить крышу собственного дома. Простите, капитан, что вынужден вам отказать, но у меня нет другого выхода. Мне искренне жаль.

— Но можно же всё сохранить в тайне, — негромко проговорил Конан. В этот момент поклонник культа Золотого Павлина Саббатеи вернулся из небытия и очень нехорошо посмотрел на Конана.

— Видите, капитан, — с сожалением проговорил Рашил, — у меня действительно нет возможности вам помочь. Вы уж поверьте, вашим способностям мы бы нашли применение.

— В городе есть какая-нибудь работа, не связанная с Хозяевами?

— Конечно, капитан. Но к конкурентам можете и не подходить. Они сейчас тоже не вправе нанимать людей. Можете пойти в охранники к кому-нибудь караванщику, можете клад какой-нибудь поискать... В Сартосе всяких карт полно, и некоторые, поверьте моему горькому опыту, подлинные.

— Благодарю вас за помощь, Рашил, — сказал Конан, вставая. — Виноград у вас действительно очень вкусный.

Что делать дальше, киммериец не знал. Может, хоть у Сигурда дела обстоят получше.

...Их было семеро. Облаченные в серые и черные одежды, традиционные для местных жите-

лей, они расположились за четырьмя разными столами и следили за играющими в кости. Оружия не было видно, но это означало лишь то, что семеро проявляют необходимую осторожность. Наверняка и входили они в зал по одному.

Конан почти сразу отверг предположение о том, что им нужен Сигурд. Навряд ли на ванира устроили бы охоту в столь неподходящем месте.

Значит, убивать собираются черноволосого парня.

Конан быстрым шагом направился к игровому столу. На его лице было написано крайнее недовольство. Настроение было таким, что притворяться практически не пришлось.

— Идем отсюда! — сказал он, хлопнув по плечу первого помощника.

Сигурд смущенно потупил взгляд.

— Капитан, я всё проиграл. Все наши деньги.

— Ничего, — спокойно произнес Конан. — Зато не будет повода задерживаться здесь дольше. Проклятое змеиное логово!

— Конан, — обратился к капитану Сигурд, — ты нашел работу?

— Всё расскажу на корабле! — рявкнул Конан. — Идем!

— Может, лучше здесь? — возразил Сигурд. — У меня еще осталось вино.

Конан склонился к уху ванира, вознося мольбы богам, чтобы убийцы решили, будто пара пиратов просто не желает сообщать миру о своей будущей жертве.

— Не вертись и слушай, — прошептал кимме-

риец. — На твоего черноволосого приятеля, похоже, объявлена охота. Я заметил как минимум семерых, которые с вас, пьяниц несчастных, глаз не сводят. Почему они еще не напали, не знаю. Лучше убраться, пока не получили кинжалом по горлу.

— Боишься? — не поверил ванир.

— Если им местные маги нипочем, — отрезал Конан, — значит, у них в запасе есть нечто очень серьезное.

— Давай выведем и парня, — предложил ванир.

— Уходим, — сказал Конан. — Это не наше с тобой дело. Лучше пройдемся по купцам. Вдруг там всё-таки найдется работа?

— Отказали?! — удивился Сигурд.

— Хуже, — произнес киммериец.

Сигурд переборол желание увидеть потенциальных убийц собственными глазами и озираться не стал, просто грустно посмотрел на Счастливчика и вместе с капитаном направился к выходу.

— Ванир, постой! — вдруг крикнул зингарец и, когда Сигурд обернулся, кинул ему его кошель с деньгами. — Лови! Ты хороший игрок.

В этот миг один из семерки, замеченной Конаном, достал из-под рубахи метательный нож и прицелился. Сигурда, увидевший это движение, прыгнул вперед, повалив Счастливчика на пол.

Конан, страшно ругаясь, ринулся на двух убийц, стоявших у двери. Двуручный меч должен был достать обоих на одной дуге, но прошел сквозь них, словно противники были лишь фан-

томами. Тот, что повыше, нехорошо усмехнулся и, вытягивая из сапога кинжал, двинулся на киммерийца.

Времени на раздумья не оставалось, и Конан, схватив стоящий рядом стул, метнул его в противника Сигурда, готовящегося к очередному броску, после чего прыгнул рыбкой в ближайшее окно. Мгновение спустя Сигурд сделал то же самое. К удивлению северян, трюк оказался по силам и Счастливчику, правда, приземление у него вышло самым неудачным.

На улице было несколько человек, одетых также, как и недавние убийцы, но активности они не проявляли. Рядом с дверью расположился нищий старик. Лысый борец куда-то пропал. Конан счел наиболее разумным двинуться к кораблю, но, словно в ответ на его мысли, дорогу беглецам преградила многочисленная толпа безумных митриан.

Тем временем убийцы уже появились из дверей таверны.

— За мной, — неожиданно произнес зингарец. — Я знаю, где можно спрятаться.

Конан вопросительно посмотрел на Сигурда. Тот лишь пожал плечами, и пиратам ничего не осталось, кроме как побежать следом за черноволосым игроком в кости. Убийцы бросились за ними.

* * *

Когда погоня отдалась от дверей «Морского Змея», нищий старик встал, отряхнулся, выбро-

сил шляпу с собранной мёлочью и двинулся в том же направлении, что пираты и их преследователи. С каждым шагом различать его фигуру было всё труднее, а вскоре он и вовсе стал невидим.

* * *

Особняк Рашила представлял собой совершенно недоступное для воров сооружение. Для начала, немалым препятствием являлась стена в шесть локтей шириной, неизменно патрулируемая охранниками «лилового». Смельчак, умудрившийся одолеть ее, оказался бы в саду, в котором обитал десяток мастифов, специально натаскиванных на людей.

Внутри самого дома располагалось несчитанное множество магических ловушек, срабатывающих исключительно на незваных гостей.

Вообще-то местные воры и не пытались проникнуть внутрь. Задача казалась им невыполнимой.

Эмилио усмехнулся, удивившись тому, что довольно неглупые люди подчас упускают из виду элементарные вещи. На то, чтобы соблазнить одну из служанок «лилового», у аргосца ушло два дня. Первоначально каких-то конкретных планов по использованию девушки у него не было, но потребность оказаться в гостях у одного из самых влиятельных людей Сартоса могла появиться в любой момент.

Как выяснилось, он не ошибся. У Рашила ока-

залась нужная Эмилио информация. Аргосец решил, что в такой ситуации просто необходим разговор по душам в располагающей к доверию обстановке. Служанка почти сразу согласилась провести аргосца в дом. Ей даже не пришло в голову, что направляется он туда отнюдь не ради любовных утех. Стражникам она наврала, будто он — её брат.

Эмилио ужаснулся столь нелепой лжи, но возможности исправить положение у него уже не было. Надо было сразу обсуждать детали, а не поддаваться на девичьи уговоры. Теперь придется придумывать новый план. Но, вопреки ожиданиям аргосца, стражники и не подумали их останавливать, только пожелали удачи. Мастифы тоже не проявили большой прыти. Подошли, обнюхали и убежали, даже не стали лаять.

В дом они попали через заднюю дверь, ведущую на кухню. Внутри копошились повара, бегали туда-сюда слуги с подносами; и никто не обратил на Эмилио ни малейшего внимания. Скорее всего, они даже не могли представить себе, что кто-то посмеет тайно проникнуть в дом одного из самых влиятельных людей города. Впрочем, имелась и вторая возможность, о которой Эмилио также не забывал. Его могли ждать.

Уже давно стемнело, так что Рашил должен был уже выехать из таверны и сейчас находиться на полпути к особняку. Эмилио очень нравилось иметь дело с людьми, которые строго придерживаются распорядка дня. От таких меньше всего неприятностей. Оставалось тихо избавиться от

девчонки, незаметно проникнуть в хозяйские покой и ждать.

Тем временем служанка привела его в одну из пустующих кладовых. Внутри обнаружилась охапка соломы и недопитая бутылка вина. Аргосец даже не пытался скрыть разочарование. Видимо, кладовая постоянно использовалась для любовных утех, а потому просто прикончить девушку и оставить здесь ее бездыханное тело возможности не представлялось. Жаль. Служанка тем временем уже скинула с себя платье и разлеглась на соломе в самой неприличной позе. Эмилио, как мог, изобразил вожделение и принял раздеваться.

Дальнейшее большого удовольствия аргосцу не доставило: служанка была хоть и горяча, но очень уж неопытна, а самому ему не терпелось побыстрее выбраться отсюда и заняться делом. Какое-то время они, обессиленные, валялись в объятьях друг друга и потягивали прокисшее вино. Затем Эмилио очень показательно зевнул и перевалился набок.

Девушка шептала ему на ухо комплименты, требуя продолжения. Сначала аргосец лениво отмахивался, а потом и вовсе притворился спящим. Обиженная девушка начала искать утешение в вине.

Именно этого Эмилио и добивался.

Тихо перевернувшись, он в нужных местах сжал шею девушки, и она погрузилась в сон, который должен был продлиться не менее полусятка. А если девица и проснется раньше, то ре-

шил, что любовь и вино просто-напросто сморили её.

Эмилио быстро оделся и окинул взглядом комнату: обнаженная девушка, немного вина на полу, догорающий в углу фонарь. Ничего подозрительного.

Хозяйская спальня, к счастью, располагалась неподалеку, так что у аргосца было немного времени в запасе. На пути ему встретилось несколько слуг, спешивших по своим делам, и одинокий стражник, высматривающий воров по темным углам. Эмилио, однако, он не заметил.

Оставалась лишь одна задачка, которая казалась аргосцу интересной. Двери спальни наверняка имели магический замок, к тому же снабженный смертельно опасной ловушкой. Можно, конечно, истратить её заряд на одного из слуг, но тогда пришлось бы избавляться от трупа. У Эмилио нашлось в запасе более элегантное решение.

— Хозяин велел доставить ему воды для ванной! — крик аргосца облетел половину особняка.

В большинстве богатых домов из слуг начисто выбивали привычку думать. Они должны исполнять приказы — и только. И сейчас, Эмилио не сомневался, кто-нибудь да выполнит его распоряжение. Будь порядки у Рашила построже, он никогда бы не решился на такую авантюру, но в подобной ситуации риск вполне оправдан.

Скрывшись в тени, Эмилио стал ждать.

И действительно, вскоре появилось двое слуг, несущих чан с водой. Аргосец весь напрягся, пытаясь разглядеть, что они будут делать с замком.

Однако слуга просто повернул ручку и отворил двери. Никаких заклинаний. Или, напротив, что-то очень сильное, реагирующее исключительно на чужаков.

Рисковать Эмилио не хотелось, значит, надо незаметно проникнуть вслед за слугами. Он, не дыша, на цыпочках двинулся к открытой двери, стараясь всё время находиться за спинами идущих впереди. Если бы хоть один из них оглянулся, ему бы пришлось несладко. Пойманым ворам на Побережье рубили головы.

Но, похоже, что Бэл или Дэркето решили помочь своему любимцу, и Эмилио благополучно проник внутрь. Поставив чан рядом с огромной кроватью, слуги скрылись.

Из окон в комнату проникал лунный свет, который позволил аргосцу оглядеться и выбрать себе укрытие. В спальне, кроме кровати, было несколько шкафов, заполненных книгами, письменный стол со столом и великолепное кресло кофийской работы, стоящее перед дверью, ведущей на балкон. Эта дверь была слегка приоткрыта, и в комнату проникал прохладный воздух. Рядом с креслом стоял небольшой столик с графином и хрустальным бокалом. Видимо, «лиловый» любил перед сном выпить бокал вина, любуясь небосводом.

Эмилио решил исходить из того, что и сегодня он не изменит своей привычке. Для начала он оттащил чан с водой в дальний угол комнаты, где он не сильно бросался в глаза. Затем представил себе возможные передвижения Рашила по

комнате перед тем, как тот займет место в кресле, и выбрал себе такое укрытие, чтобы не попасться ему на глаза. Существовала лишь одна опасность: кто-то из слуг мог сказать хозяину про ванну. Тогда всё очень и очень усложнялось. К счастью, такая вероятность, по мнению аргосца, была ничтожно мала.

Ждать пришлось довольно долго. К еде «лиловый» относился с великим уважением, а потому процесс её поглощения проходил крайне неспешно. К тому времени, когда дверь в спальню отворилась, Эмилио уже немножко нервничал. Дыры в его плане начинали ему казаться слишком большими. Куда более крупными, чем это представлялось ранее. Рашил, тем не менее, полностью оправдал его ожидания, проследовав точно по проложенному для него аргосцем пути.

После того, как «лиловый» усёлся в кресло, Эмилио вынул из сапога кинжал и аккуратно подкрался к хозяину дома. Когда холодная сталь коснулась горла Рашила, тот вздрогнул. Хороший знак. Значит, визитеров он не ждал.

— Добрый вечер, — проговорил Эмилио, чуть-чуть отодвигая клинок. — Мне кажется, у нас найдутся общие темы для беседы.

— Полагаю, — ответил Рашил, — вы понимаете: я не в том положении, чтобы с вами спорить.

— Именно, — согласился Эмилио.

— И о чём же вы хотели поговорить? — поинтересовался Рашил.

— О человеке, которого вы зовете Счастливчиком, — сказал Эмилио. — Кто он?

— Человек. Самый обыкновенный, — сказал Рашил. — Может, уберете нож? Сет свидетель, у меня нет причин не побеседовать с вами.

— Нет. Я вам не доверяю, — сказал Эмилио. — Можете считать это комплиментом. Вернёмся, всё же, к заданному вопросу. На мой взгляд, человек, постоянно обыгрывающий всех в кости и продающий карты, ведущие прямиком к демонам в пасть, обычным отнюдь не является. Странно, что маги Черного Круга придерживаются иного мнения. Впрочем, я допускаю, что вы меня просто обманываете.

— Как вы могли такое подумать! — возмутился Рашил. — Эмилио? Вас ведь так зовут? Вы сегодня сидели за столиком с прекрасной Дэраной и слушали все мои разговоры. Я, впрочем, тоже кое-что слушал.

— Замечательно. Прекрасно, когда имеешь дело со столь наблюдательным человеком, — заявил Эмилио. — Это означает, что мне не придется вам рассказывать о том, что на Счастливчика охотились люди, которым нипочем добрая сталь.

— А вам он вообще-то интересен живым или мертвым? — полюбопытствовал Рашил.

— Я уже говорил, — ответил Эмилио, приблизив клинок к шее «лилового». — Мне нужно знать лишь одно: кто он такой. Я не верю, чтобы Хозяева не интересовались им.

— А я уже вам ответил, — сказал Рашил, — что он самый обыкновенный человек. Хозяева проверяли его. Дважды. Никаких способностей к магии.

— Тогда почему сегодня вы натравили на него киммерийца? — поинтересовался Эмилио.

— С чего вы взяли?! — возмутился Рашил. — Да если бы я и хотел нанять этого пирата, то не смог бы этого сделать. Вы же слышали наш разговор!

— С чего я это взял? Да с того, что вы предпочли закрыть глаза на убийц в таверне, — ответил Эмилио. — С того, что ваши люди начали обход территории у таверны с таким расчетом, чтобы спровоцировать нападение на Счастливчика в нужный момент. Попрошайки многое замечают. Даже переодетых магов. А за золотую монету они охотно делятся информацией.

Эмилио блефовал. Он ничего не узнавал о передвижениях патрулей «лиловых», но был готов поставить что угодно на то, что в точности угадал происходившее днем.

— Какое невероятное предположение! — возмутился Рашил. — Однако представим на мгновение, что описанное вами соответствует действительности. Что тогда?

— Тогда вы мне еще расскажете, — ответил Эмилио, — что это за парочка пиратов такая, ради которой вы устроили так огорчившее купечество штурмовое представление.

— Ничего мы не устраивали, — обиделся «лиловый». — Всё, что я рассказал киммерийцу, — чистейшая правда. Если не верите, то можете хоть сейчас перерезать мне глотку. Хотя бы избавлюсь от проклятых разбирательств со всеми этими магическими ищёйками. Мы действительно потеряли тот артефакт!

— Ну, даже если это и так, — согласился Эмилио, — то почему именно эти двое?

— Разве сцена в таверне не показала, — ответил Рашил, — что именно эти двое лучше всего подходят для третьей проверки?

— А чем закончились две предыдущие? — осведомился аргосец.

— Полагаю, вы знаете об этом больше, чем я, — сказал Рашил. — Карта, клад, демоны. Больше нам ничего неизвестно. Исследовать природу этого места невозможно: маги оттуда живыми не возвращались. Известно, что подземелье каждый раз оказывается на новом месте. Иногда люди оттуда выбираются живыми. Однажды даже вынесли часть клада. Большинство выживших в подобной экспедиции больше не показываются ни в Сартосе, ни на Побережье. Некоторые, подобно вам, ищут мести. Кто-то пытается лично расплатиться по долгам, кто-то нанимает убийц. Парень, однако, до сих пор жив и вовсю продает свои карты. Так что искренне советую отказаться от вашей затеи.

— Благодарю, — ответил Эмилио, — и за совет, и за содержательный рассказ. К сожалению, должен с вами рас прощаться. Дела. Надеюсь, ваши слуги не будут меня чинить мне препятствий.

— Что вы! — вскрикнул Рашил. — Я провел прекрасный вечер за беседой с вами и не намерен портить его ненужными кровавыми сценами. Я попрошу, чтобы вас проводили.

Эмилио улыбнулся и убрал кинжал назад в

сапог. В искренности последних слов «лилового» он не сомневался. Он был нужен ему. Как и те двое пиратов. В провожатые ему достался старик-слуга, лицо которого показалось Эмилио смутно знакомым.

* * *

Вокруг была абсолютная темнота.

Ни звуков, ни запахов.

Покой.

Внезапно яркий синий луч прорезал пространство. С ним пришли чувства.

Боль. Ярость. Одиночество.

Свет становился сильнее.

Бессилие. Обречённость.

На одном конце луча возникла фигура девушки. Черные волосы её разметались по плечам, одежда была изорвана.

Ему захотелось приблизиться к ней, и он не видел причин, по которым не должен был этого делать. Он скользил сквозь тьму, оставаясь незамеченным.

Девушка двигалась вдоль линии. Бежала. На её лице был написан ужас.

Причиной этому были три огромных черных зеленоглазых существа, что преследовали девушку.

Он решил какое-то время не вмешиваться. Понаблюдать, находясь в определенном отдалении от синей линии. Она его пугала. Слишком много новых ощущений рождалось вблизи неё.

Существа приближались к девушке. Впереди возникло огромное синее поле, за которым темнота исчезала. Оно пылало. Искры от него разлетались на десятки шагов, освещая пространство. Одна мелькнула совсем рядом с девушкой, и он смог различить черты её лица. Она была воистину прекрасна.

Страх исчез.

Девушка оглянулась, чтобы оценить расстояние, отделявшее беглянку от преследователей, и содрогнулась всем телом, когда поняла, что не успевает выбраться из тьмы. Из глаз её текли слёзы. Она пыталась бежать быстрее, но силы оставляли ее.

Тогда он решил вмешаться. В темноте, как он уже понял, можно было двигаться с любой скоростью. Он приблизился к девушке и вступил на путь позади нее.

В его руках возник длинный двуручный меч. Девушка, видимо, что-то услышала, а потому в очередной раз оглянулась.

Удивление, надежда, благодарность. Это он прочел в её взгляде.

Преследователи были совсем близко, и он махнул девушке рукой, чтобы та продолжала путь.

Существа приблизились на расстояние, достаточное для удара мечом. И он не замедлил воспользоваться этой возможностью, расколол голову первой твари пополам. Вторая попытка ухватить меч зубами, а третья — проскользнуть под ним.

Он отпрыгнул, несколько раз перевернувшись в воздухе. Нападавших это немного смущило. С таким они прежде не сталкивались. Этим необходимо было воспользоваться, и он совершил еще один прыжок. На сей раз за спины тварей. Те развернулись довольно быстро, но всё-таки недостаточно.

Один из демонов лишился головы, а второй получил ранение в лапу. Тварь взмыла и начала медленно отступать.

Девушка тем временем достигла синего поля, и её фигура начала постепенно растворялась в нем. Ему захотелось уйти вместе с ней, но проклятая тварь загораживала дорогу. Сначала было необходимо справиться с монстром.

Бросившись вперед, он принялся вращать мечом, как крыльями мельницы. Тварь пятилась, пытаясь улучить момент для атаки. Он сделал вид, что совершил слишком сильное движение правой рукой и из-за этого в его обороне появилась брешь. Тварь поверила, за что расплатилась раной в живот, которая оказалась смертельной.

Он отбросил бездыханное тело прочь с пути и рванулся к исходящему искрами полю. Но девушка уже исчезла. Обессиленный, он опустился на путь. Он был рад хотя бы тому, что сумел спасти ей жизнь.

И тогда Счастливчик проснулся. Кошмар всегда обрывался на этом месте. Иногда он задумывался, почему считает этот сон кошмарным, но никакого логического объяснения в голову не приходило.

* * *

Конан и Сигурд сидели за столом в доме у Счастливчика и обсуждали сложившееся положение. Зингарец в это время прескокойно отсыпался. Прошлым вечером он привел их к себе, заявив, что место безопасное: он всех в этом квартале знает, и семерке призрачных убийц их никто не выдаст.

Квартал, разумеется, был воровским. Сигурд выражал определенные сомнения, утверждая, что за звонкую монету тут и родную мать продадут. Конан, проживший в подобных местах отнюдь не малое количество времени, с ним активно не соглашался.

Спор длился долго. Время от времени в него включался и зингарец. Потом ему это надоело, и он, улегшись в гамак, заснул.

Гамак являлся одним из пяти предметов местной обстановки. Остальным были: стол, два стула и сундук с вещами. Потолок лачужки всем своим видом показывал, что вполне готов обвалиться на головы гостей и мирно почивавшего хозяина.

К полуночи пираты сошлись на том, что надо не спорить, а распределить дежурства. Первым на вахту заступил Конан. Сигурд улегся прямо на полу, использовав в качестве подушки пару скомканых хозяйственных рубашек.

Ближе к утру киммериец разбудил его. Ничего подозрительного за это время не произошло. Сигурд недовольно зевнул, но всё-таки поднялся, уступив спальное место капитану.

Сидеть и просто плятиться на дверь ваниру не хотелось, и он занялся полированием секиры. Вскоре начали раздаваться первые крики петухов, а сквозь щели в двери стали пробиваться лучи восходящего солнца.

Ванир решил, что пора будить капитана! Необходимо было решать, что делать дальше. Причем Счастливчику о деталях этого разговора было лучше не знать.

— Ты половину своей вахты скостили, — пожаловался Конан, нещадно растолканный первым помощником.

— Лучше поговорим, пока он спит, — сказал Сигурд, кивнув в сторону Счастливчика.

— И еще проспит неизвестно сколько, — пророчал Конан, но всё-таки поднялся.

Сигурда уже сидел за столом, явно ожидая, что капитан к нему присоединиться. Однако Конан сначала подошел к Счастливчику и простоял рядом с ним с полсотни ударов сердца, пытаясь определить, крепко ли тот спит. Наконец, удовлетворенный результатом, он уселся напротив Сигурда и предложил тому высказать свои соображения по поводу их дальнейших действий.

— Надо выбираться отсюда и искать того, кто даст денег на ремонт «Вестрела». Хотя, насколько я понял из твоих слов, задача эта почти невыполнима. Если ничего не получиться, выберем из команды ребят покрепче и попытаемся наняться охранниками в один из караванов. От платы за постой «Вестрела», я думаю, мы сумеем отговориться. В конце концов, это местные маги винов-

ны в том, что корабль сейчас немногим отличается от решета, — произнес старший помощник.

— А что с нашими вчерашними знакомыми? — поинтересовался Конан. — Думаешь, нас с тобой оставят в покое?

— Кто их знает?! — философски заметил ванир. — Может, да, а может, и нет.

— Надо будет спросить у нашего хозяина, — сказал Конан, — что это вообще за люди и почему за ним охотятся. Похоже, настроены они серьезно. Если бы мы вчера не вмешались, ему бы не жить.

— Узнаем, — заверил Сигурд. — Можно еще разок навестить твоего знакомого... Как его там?

— Рашила? — подсказал Конан.

— Рашила, — продолжил Сигурд. — Не могли же местные власти оставить подобное без внимания! Пытались убить человека практически на глазах у представителя Хозяев, да еще с использованием магии!

— Могли, — не согласился Конан, — если они сами этих молодчиков и наняли. А если и не так, то, возможно, увидев, что мы ими интересуемся, убийцы заинтересуются и нами. А у нас и без этого проблем предостаточно. Так что пока зингарец не просветит нас насчет произошедшего, из лачуги лучше не вылезать. Странно, что мы вчера забыли расспросить его хорошенько.

— Не до того было, — с сомнением в голосе проговорил Сигурд. — Хотя... Действительно — странно. Даже имя его настоящее не узнали.

— А я его и сам не знаю, — вмешался Счаст-

ливчик. Он уже сидел в гамаке и сонными глазами смотрел на приятелей. — Я вообще очень многоного о себе не знаю.

— Как это? — удивился Сигурд.

— Около года назад, — начал свой рассказ Счастливчик, — я проснулся в одной из комнат «Морского Змея». Я был одет в недорогие штаны и рубашку светло-серого цвета, вроде тех, что носили те вчерашие наши преследователи. На столе валялся кошелек с небольшим количеством серебряных монет зингарской чеканки.

Я не помнил ничего: ни кто я такой, ни откуда родом. Не знал и того, где я сейчас нахожусь. Очень странное чувство.

Я немного посидел на кровати, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. В голове мелькали смутные образы, понемногу приходили на ум названия вещей, меня окружавших. Я догадался, что нахожусь в одном из тех мест, где люди платят деньги за еду и кров. Но ничего более конкретного в голову не приходило, и я решился покинуть комнату.

Тогда «Морской Змей» произвел на меня просто неизгладимое впечатление: все эти иллюзии, множество непохожих друг на друга людей, не прекращающийся шум. Я так и стоял с открытым ртом, пока одна из официанток не поинтересовалась, чего я желаю.

Желал я одного: узнать, что же со мной происходит. Но что-то мне подсказало, что вряд ли девушка способна ответить на подобный вопрос, и я попросил порцию жаркого и фруктов.

Увидев мое легкое замешательство и, видимо, приняв его за последствия бурно проведенной ночи, официантка взяла меня под руку и усадила за один из свободных столов. Через какое-то время она вернулась с заказом. Я поинтересовался его стоимостью, и когда выяснилось, что еда мне вполне по карману, поблагодарила девушку и приступил к трапезе.

Постепенно возвращались некоторые воспоминания. Главным для меня стало то, что я понял, у кого могу узнать что-нибудь о себе. В подобных заведениях обязательно есть человек всем заведующий, в том числе и сдающей комнаты.

Хозяин...

Я попытался определить, кто из присутствующих подходит на эту роль. Наиболее вероятной кандидатурой мне показался полный лысеющей человек, сидевший рядом со стойкой и покрикивающий на прислугу.

Я подошел к нему и вежливо поинтересовался, на чье имя записано моя комната. Его мой вопрос премного позабавил. Комнаты с тем номером, который я назвал, в таверне никогда не было. Я предложил ему подняться наверх и показать то место, где я очнулся. Он рассмеялся и сказал, что было бы неплохо, если бы я сначала сходил и убедился в своей правоте в одиночку.

И я последовал его совету. К величайшему своему удивлению, на том месте, где располагалась дверь моей комнаты, я обнаружил глухую стену.

Я не в силах описать, что нашло на меня в тот

момент. Величайшая тоска стиснула мою душу. Я был совершенно одинок в мире, мне абсолютно не знакомом. Хотелось исчезнуть, перестать существовать. Даже мысль о том, что если я покончу с собой, а мое тело будет всё еще здесь, в материальном мире, пугала меня до дрожи в коленях...

Счастливчик попытался улыбнуться, давая понять, сколь глупым теперь ему кажется его тогдашнее состояние. Но вышло это у него не очень убедительно, и он продолжил рассказ.

— Иногда это чувство возвращается. Жутко тяжело ему противиться. Может, однажды я и поддамся... Если хватит храбости... Вообще, в то утро я, совершенно не понимая, что делаю, двинулся прочь из таврены.

Тогда меня окликнул один из игроков в кости, предлагая присоединиться к игре. Почему он так поступил? Жаждал легких денег? Хотел мне помочь? Не знаю. Играя я, не задумываясь, происходящее вокруг меня мало интересовало. Я жаждал забвения.

Но постепенно с каждой выигранной ставкой во мне стал просыпаться вкус к жизни. Я загреб все деньги, что ставились на кон в тот день.

Тогда я и заработал прозвище Счастливчик. Меня считали кем-то вроде тех несчастных служителей Митры, что смешат заезжих моряков.

Подумав, я решил снять комнату в «Змее». На этот раз она оказалась вполне реальной. Хозяин заведения, звали его Хирамом, за кружкой вина втолковывал мне, что я, скорее всего, перебрав-

ший лотоса зингарский моряк, отставший от своего корабля. Я попросил сказать его что-нибудь на зингарском. Фразу эту я понял, но сам произнести что-нибудь на языке, который должен был быть для меня родным, я не смог.

Жил я в гостинице недолго. Постояльцы стали подозревать, что я мошенник, состоящий в заговоре с Хирамом. Произошло это оттого, что на игром столе я раз от раза собирал все деньги.

Тогда Хирам нашел для меня этот дом. Хороший человек. Мне не хотелось ставить в неудобное положение и себя, и его, и я перебрался из таверны сюда.

Не самое плохое место, если не иметь здесь врагов и регулярно платить кому надо. Благо, суммы вполне приемлемые. В «Змее» я теперь появлялся реже. Только в тех случаях, если очень требуются деньги.

— Занимательный рассказ, — подытожил Конан. — Только он ничуть не объясняет того обстоятельства, что за тобой охотятся люди, не боящиеся даже местных магов. Навряд ли они настолько расстроились из-за проигрыша в кости. Очень хотелось бы знать, в какую именно историю ты нас втянул. Не хочешь ли просветить нас на сей счет?

— Это произошло позднее, когда я уже жил здесь, — продолжил Счастливчик. — По соседству со мной обитал один зингарец, Камилес. В Сартосе он жил с самого детства, но происхождением своим гордился страшно. И, разглядев во мне соотечественника, да еще и подобно ему ис-

конной родины ни разу не видавшего, он сразу же проникся ко мне симпатией.

Он занимался тем, что продавал заезжим морякам поддельные карты с сокровищами. В Сартосе многие этим занимаются, но Камилес был настоящим профессионалом. В юности он служил охранником у одного шемитского купца. Его караваны исходили половину всего хайборийского Полудня. Камилес зарисовывал многие участки пути, не задумываясь тогда еще о будущей профессии. Он делал это просто из любви к искусству. И на случай, если придется очутиться там в одиночку.

Случай ему представился, когда на его караван напало одно из кочевых племен, обитавших на границе Стигии и Шема. Тогда лишь несколько человек из десятка выживших смогло добраться до цивилизованных районов. После этого Камилес решил распрощаться с мечтами о воинской карьере и обосноваться в родном Сартосе.

Здесь нехватка денег и толкнула его на скользкий путь мошенничества. Он наносил на папирус маршруты своих странствий, пытаясь делать места захоронения сокровищ максимально правдоподобными. Это принесло определенный результат, и вскоре он уже мог не задумываться о том, где переночевать и чем набить желудок.

К своему занятию он постепенно начал привыкать и меня. Камилес показывал, что делать с папирусом, чтобы его «состарить», рассказывал, какие обозначения использовались картографами

разных стран и времен, учит правильно обращаться с покупателями.

Вскоре я нарисовал свою первую карту. Ей было очень далеко до шедевров Камилеса, но один золотой аквилонской чеканки я тогда за нее выручил. Ох, и набрались же мы по этому поводу!

Постепенно у меня стали получаться всё более удачные образцы, некоторые было даже жалко продавать. Сначала я не понимал, почему я этим занялся: игра в кости меня вполне обеспечивала. Потом догадался. Когда я рисовал, та самая тоска отступала и не решалась нападать на меня. Я впервые был счастлив.

Но однажды случилось нечто невероятное. В Сартос прибыл один из моих бывших покупателей и принял меня разыскивать. В этом-то ничего необычного не было. Я скрылся у одного из знакомых, и обнаружить меня он, разумеется, не смог. Просто позднее выяснилось, что он нашел сокровище, обозначенное на моей карте, и все-головавшего собирался меня отблагодарить. Я ничего не понимал. Камилес объяснял произошедшее моей невероятной удачей.

Счастливчик остановился, чтобы перевести дыхание. Между делом он достал из сундука с одеждой бутыль вина и поочередно предложил её Конану и Сигурду. Когда оба отказались, он непонимающе хмыкнул и отпил сам.

— Как бы то ни было, — продолжил зингарец, — теперь от желающих приобрести карту отбоя не стало. Я даже не успевал рисовать. Ситуация сложилась двоякая. С одной стороны, я

начал зарабатывать столько, сколько мне и не снилось. С другой, я понимал, что тот случай был лишь невероятным совпадением, и теперь, когда все эти искатели сокровищ поймут, что их просто-напросто обманули, мне придется несладко. Но произошло то, чего я не мог и представить. Посреди пустынь, где я «зарывал» вымыщенные сокровища, действительно обнаруживались развалины древних храмов, оазисы с крепостями из алого камня, а несколько раз встречались пирамиды. То есть — всё то, что выводил я своей рукой на папирусе.

Только добыть денег больше не удавалось никому. И лишь немногим случалось вернуться живыми. Некоторые из них решили, что я послал их на гибель намеренно.

За мной устраивали настоящую охоту. Раз от раза мне удавалось избегать гибели, но сказать, что я рад этому, значит соврать. Многих моих друзей убили люди, нанятые кладоискателями, в том числе и Камилеса.

«Лиловые» закрывали глаза на то, как мы зарабатывали деньги. Теперь они закрывают глаза на эту травлю.

— Ты пытался объясниться с этими людьми? — спросил Сигурда.

— Без толку, — ответил Счастливчик. — Большинство из них наемники. У остальных же в глазах лишь безумие и страх. Они ни с кем не собирались делиться тем, что с ними случилось. Тем более, со мной.

Однажды я сам попытался пройти по своей

карте, но увы... Я обнаружил лишь пустыню. Я думал о том, чтобы уехать куда-нибудь на Полночь... Но дальше планов дело не пошло. Сартос — единственное место, которое я знаю. Я привык жить здесь.

— И что теперь? — поинтересовался Сигурд. — Ты вернулся к игорному столу?

— Нет. Вчера я просто зашел выпить, — сказал Счастливчик. — Ну, и не смог удержаться и не метнуть пару раз кости. Что было дальше, вы знаете. А рисовать я, наверное, не перестану никогда. Даже если эти проклятые карты перестанут покупать. А их и сейчас берут с удовольствием.

Счастливчик сделал пару больших глотков, полностью осушив бутылку, чем расстроил Конана, только-только собиравшегося попросить вина. Сигурду показалось, что у капитана как-то нехорошо загорелись глаза.

— Много ли денег нашел тот кладоискатель, первый? — поинтересовался Конан.

— Хватило на имение неподалеку от Сартоса, на гарем, придворного мага и лекаря. По-моему, еще немного осталось. Во всяком случае, именно такие слухи ходят.

— Так! — проговорил Конан, поднимаясь со стула. — Пошли к тебе в мастерскую. Ты ведь не здесь рисуешь, верно? Будем искать ближайшее к нам сокровище. Из города всё равно убираться надо, а то нас эти наёмнички быстро к Нергалу отправят. Заодно раздобудем денег на ремонт корабля.

Счастливчик закатил глаза. Очевидно, он сильно сомневался в разумности принятого киммерийцем решения. Сигурд тоже колебался.

Киммериец заметил их замешательство.

— Кром! — расхохотался Конан. — Вы, что за дурака меня принимаете?! Никто не собирается опрометью бежать в пустыню. У меня появился один план, вернее его наметки. Если всё пойдет, как надо, мы добудем деньги. Ну, а если нет, то уже тогда и будем думать, стоит рисковать — или нет.

Сигурд посмотрел на зингарца и пожал плечами, показывая, что ничего не понял. Счастливчик на секунду задумался, а потом вздохнул так, словно только что принял непростое решение.

— Ладно, — произнёс черноволосый мошенник. — Идем. Я проведу вас в свой храм.

С этими словами он распахнул дверь лачужки, и, не дожинаясь своих спасителей, вышел наружу. Пиратам не оставалось ничего, кроме как в очередной раз последовать за ним.

На улице было еще прохладно. Солнце только появилось над горизонтом, а с моря дул довольно сильный ветер.

Сигурд с Конаном наконец получили возможность оглядеть окрестности того места, где им суждено было провести ночь. Во время вчерашней погони им и в голову не пришло любоваться местной архитектурой.

Впрочем, смотреть здесь особо не на что: убогие одноэтажные домики, узкие улицы, грязь. Вонь нечистот мешалась с запахами соли и под-

гнивших фруктов. Людей было мало, зато повсюду сновали тощие собаки.

Правда, по непонятной причине сюда тянуло еще и безумных митрианцев, к которым у Конана за время его пребывания в Сартосе выработалась стойкая неприязнь. Последняя замеченная им шайка этих ненормальных, встав на четвереньки, гонялась за парой дворняг, оглашая окрестности невообразимым лаем. Псы, чуя недоброе, даже не пытались сопротивляться, приложив все силы к бегству. Однако митрианцы не намного отставали от животных. Конан от души подивился той скорости, которую они умудрились развить.

Внезапно один из безумных жрецов остановился, повел носом, развернулся в сторону пиратов и тихо тявкнул. К счастью, большая часть его товарищей уже скрылась за поворотом, и он, немного подумав, побежал вслед за ними.

Конан про себя вознес молитву Крому.

— Счастливчик, Сигурд, — обратился киммериец к своим спутникам, — ведь то восстание против магов лет двести назад произошло. Почему эти безумцы еще живы? Их что, бессмертием наградили?

— Не-а, — ухмыльнулся зингарец. — Это просто Хозяева с противоборствующим культом борьбу ведут. В качестве наказания за тот заговор лет пятьдесят назад они для митриан вот что придумали. Теперь каждый второй присланный сюда с Полуночи жрец примерно месяца через два рассудка лишается. Желающих нести свет Митры

людям, конечно же, сразу поубавилось. Так что теперь сюда стали ссыпать монахов, провинившихся в телесных грехах. Говорят, если ты, мол, воистину раскаялся в грехах своих, то защитит тебя Пресветлый от магии змеиной. Ну а если нет, то пеняй на себя.

— Политика, — многозначительно протянул Сигурд.

— Угу, — согласился с ним Счастливчик.

После этого глубокомысленного замечания разговоры надолго стихли. Настроение у всех было довольно мрачное.

Сигурду поспешность принятого Конаном решения очень не понравилась. Впрочем, истории, рассказанной Счастливчиком, он поверил. Но когда стоит вопрос жизни и смерти, на одну только веру полагаться глупо.

Капитан — человек довольно осторожный, и, значит, думает точно так же. Получается, Конану интересно не сокровище, а нечто совершенно иное. Желает скрыться от убийц? Навряд ли. Из рассказа стало ясно, что им нужен только Счастливчик, и можно было бы совершенно спокойно перебираться на «Вестрел». Непонятно. Ванир решил при первой же возможности выяснить, что же за план у капитана.

Улица тем временем становилась всё уже и начала совсем безбожно плутать. Вокруг стало очень тихо, даже собаки не попадались на глаза. Дома стояли без окон. Приземистые постройки отличались удивительной прочностью. Воздух вокруг стал заметно чище, но всё ощущимее стано-

вился непонятно откуда взявшийся запах жареного мяса.

Когда он стал для голодных пиратов почти невыносимым, Счастливчик вполголоса сообщил, что они пришли, и указал рукой на один из домиков, внешне ничем от других не отличающийся.

Зингарец приблизился к двери и постучал, выбивая известный лишь ему ритм. Через какое-то время внутри что-то щелкнуло, и Счастливчик сделал Конану с Сигурдом знак, чтобы те подходили. Из-за двери донесся неприятный писк, от которого заломило виски. Счастливчик жестом показал, что всё идет, как надо. Неожиданно шум прекратился, и дверь распахнулась.

Зрешище, открывшееся внутри дома, заставило содрогнуться даже повидавших виды северян. У дальней стены стояла статуя Золотого Павлина. Перед ней горел костер, рядом с которым лежало два расчлененных трупа. Пятеро людей стояли на коленях перед Павлином и самозабвенно наслаждались запахами, исходящими от костра. Еще один человек — вероятно, жрец — аккуратно отделял от трупов кусочки мяса и бросал их в пламя. Десяток маленьких ступочек, стоявших рядом со служителем культа, был заполнен различными порошками. Время от времени он брал оттуда щепотки и вскидывал их над костром. От этого пламя выбрасывало вверх языки и на какое-то время меняло свой цвет.

Заметив, что людей в домике поприбавилось, жрец обернулся. Конан узнал в нем вчерашнего туранца. Тот тоже узнал киммерийца и улыбнулся.

ся ему, как старому знакомому. Счастливчик удостоился жеста, который можно было истолковать, как приглашение присоединиться к церемонии.

Зингарец отрицательно покачал головой, и жрец вернулся к своему занятию. На этот раз он обратил своё внимание на правый глаз одного из трупов. Пара умелых движений ножом, и вскоре его пожрало пламя.

Тем временем один из послушников достал из-за пояса кинжал с гардой в виде павлина, подцепил им один из обуглившихся кусков мяса, вынул, и, не давая остыть, впился в него зубами.

Конан и Сигурд стояли, как завороженные, не в силах отвести взгляд от ужасающего зрелища. Счастливчик же в это время костяшками пальцев выбивал ритм на правой стене. Раздался режущий уши треск, и часть стены, казавшейся до того монолитной, повернулась вокруг своей оси, открывая проход.

Зингарец окликнул пиратов и нырнул внутрь. Конан с Сигурдом не замедлили присоединиться к нему. Внутри обнаружилась винтовая лестница, ведущая куда-то вниз. Слабое освещение давали факелы, располагающиеся на стенах.

На глубине приблизительно в двенадцать локтей находилось помещение, заметно отличающееся от находящегося наверху храма. Конану оно напомнило одну из мастерских Дворца Искусств Мессантии.

На площади, не уступающей основной зале «Морского Змея», находилось великое количество

стендов для рисования, всевозможных скульптурных заготовок, шкафчиков для хранения инструментов. Кое-где на полу валялись папирусы. Людей внутри было человек пятнадцать, но создавали они суету неимоверную. Кто-то из них, пробегая мимо, кивал Счастливчику, кто-то подозрительно смотрел на Конана с Сигурдом, но большинству не было никакого дела до пришельцев.

— А вот и наш храм! — с гордостью заявил Счастливчик.

— Да, хорошенькое укрытие вы себе выбрали, — с немалой долей иронии в голосе сказал Сигурд.

— Что поделаешь? — отозвался Счастливчик. — За возможность спокойно поработать приходится платить. Вы бы стали искать здесь подобную мастерскую? Вот. И никто бы не стал. Саббатейцам мы платим, и они хранят молчание. Недавно даже предложили ауру всех приходящих проверять. Мыслей не читают, но настроение улавливают. И окажись это настроение не совсем обычным для этого места, ваши шансы выбраться отсюда живыми заметно бы упали.

— А почему мы вчера здесь не укрылись? — поинтересовался Сигурд.

— Ты доверяешь людям, питающимся человечиной? — спросил Счастливчик.

Ванир энергично замотал головой.

— Вот и я не доверяю, — заключил Счастливчик.

Конан тем временем восхищенно озирался во-

круг, вспоминая свою воровскую молодость. Даже в Шадизаре изготовление поддельных произведений искусства, магических артефактов, драгоценностей и тому подобных вещей не было поставлено на столь широкую ногу.

Особенно его поразили два увиденных здесь типа людей. Первые занимались тем, что посредством неприятно пахнущих жидкостей растительного происхождения придавали пергаментам и папирусам нужный возраст. Вторые оценивали уже изготовленные подделки, указывая на обнаруженные в ходе проверки недостатки. После увиденного Конан зарекся покупать в Сартосе что-нибудь, кроме фруктов.

— Ну а это — моя маленькая сокровищница, — объявил Счастливчик, подводя друзей к одному из ящиков.

Он немного провозился с замком. Ввиду сложности конструкции тот время от времени даже ключу сдаваться не желал. Когда же зингарцу, наконец, удалось распахнуть дверцу, к его ногам вывалилась целая гора свитков.

— Никак не получается их нормально расположить внутри, — сказал он, извиняясь.

* * *

Небольшой кораблик с перепачканными смолою бортами и оттого совершенно неподходящим ему названием «Блистающий» находился в порту Сартоса около месяца. В его трюме не было груза. На палубе не было приспособлений для рыб-

ной ловли. Из этого следовало сделать вывод, что кораблик промысловым не являлся. Для прогулочного же корабля «Блистающий» был слишком неопрятен.

Портовые рабочие, проходящие мимо него, ни разу не замечали людей на его палубе. Однако плату за простой «Блистающего» вносили в срок и в должном размере, так что никаких претензий у властей к кораблю не возникало.

Но иногда, чаще всего перед самым восходом, на корабль всё-таки приходили люди. Смуглые, небольшого роста, одетые в черное с серым. Их вид был слишком типичен для Сартоса, чтобы кто-нибудь ими заинтересовался.

Появились они и в ночь после разгрома в таверне «Морской Змей», о котором судачил весь город. Первый прибыл на корабль почти сразу после того, как солнце скрылось за горизонтом, последний — незадолго до рассвета.

Каюту, в которой собирались визитеры, была под стать «Блистающему», маленькая и неказистая. Обстановку составляли здесь семь стульев и круглый стол, на котором чадила масляная лампа, наполняющая воздух гарью. Шесть стульев были заняты людьми, настолько похожими друг на друга, что впору принять их за близнецов. Последний присутствующий на встрече человек стоял. Казалось, он был чуть-чуть выше и постарше остальных.

Он обвел взглядом каюту, внимательно всмотрелся в глаза сидящих за столом, словно пытался заглянуть в их души. Затем достал из-за пояса

кинжал, сделал надрез у себя на ладони и поднес руку к столу, чтобы кровь стекала на поверхность. Одновременно с этим он начал читать заклинание на языке, по звучанию напоминавшем один из полуночных.

Один за одним сидящие добавляли к творимому заклинанию свою кровь, используя такие же кинжалы, как и у их товарища. Слов при этом они не произносили.

Под воздействием магии кровь растеклась по всему столу и постепенно начала испаряться. Воздух в каюте стал приобретать алый оттенок. То здесь, то там вспыхивали искры. Когда их стало столько, что от блеска зарябило в глазах, человек, находившийся по правую руку от стоящего, начал плести собственное заклинание.

Рой искр устремился к нему, полностью скрыв его фигуру от глаз присутствующих. Голос говорящего тонул внутри магического кокона, становясь всё тише и тише. Когда он смолк совсем, искры начали разлетаться в стороны, освобождая заклинателя. Облик его претерпел разительные перемены.

Пред взорами собравшихся предстал очень красивый человек со светлыми волосами, голубыми глазами и высокими скулами. Аристократичность пропитывала весь его облик. Одет он был во всё красное.

В это время человек, находившийся справа от него, приступил к сотворению своей магии. И вновь искры окружили заклинателя, а затем разлетелись прочь, также изменив его внешность.

Одежды его стали желтыми. Волосы были цвета пшеницы, глаза — зелеными. Был он очень молчуч, высокого роста, с огромными плечами. Подобные же изменения вскоре произошли и со всеми собравшимися..

Третий, облаченный в серебряные одежды, был невысок и кряжист, имел очень коротко остриженные черные волосы и серые глаза.

Четвертый, одетый в зеленое, обладал приятным лицом с небольшими, очень аккуратными чертами лица. Длинные черные волосы были собраны в хвост.

На его соседе красовались синие одежды. Единственный из присутствующих он носил бороду. Этот факт уравновешивало полное отсутствие волос на голове.

Последний из сидящих, предпочитающий коричневое, характеризовался прежде всего огромным выпирающим вперед подбородком. Небольшие черные глаза были очень глубоко посажены, а каштановые волосы выглядели под стать одежде.

Перемены коснулись и самого первого заклинателя, так и не прервавшего своего речитатива ни на миг. Его рубаха и штаны стали снежно белыми. Седина тронула на висках его черные волосы. Глаза у него были небесно-голубые, лоб отметил несколько неглубоких морщин.

Когда искры метнулись прочь от его фигуры, все семеро собравшихся запели новое заклинание. Изменилось произношение, скорость, ритм. В некоторых словах стал угадываться староаквилонский.

Постепенно каюту наполняло нежно-голубое свечение. Искры оседали на предметах обстановки, меняя свою структуру и растягиваясь по ним, словно масло. Не касалась появившаяся пленка исключительно людей. Сначала она была золотистой, подобно искрам, потом поменяла свой цвет на голубой, затем — на темно-алый.

Человеческий глаз к тому времени мог различить лишь общие очертания предметов. Точная форма и цвет исчезли.

При последних словах заклинания пленка заходила волнами, которые всё сильнее сотрясали её поверхность, а потом внезапно исчезла. Теперь каюту было не узнать. Она стала больше в три раза. Все её стены заполнились шкафами. В нескольких стояли книги. Довольно древние тома, если судить по истерости корешков и названиям на них. Один шкаф был доверху забит склянками с непонятными жидкостями совершенно жутких оттенков. В другом находились шкатулки, с начертанными на них охранными рунами. А в ближайшем рядками были выставлены вина и семь бокалов, соответствующих цветам одежды собравшихся людей.

Стол представлял собой красиво выполненную карту Сартоса, отделенную от людей тонким слоем стекла. Лампа, стоявшая на нем, бесследно исчезла.

— Помолимся! — возгласил человек, облаченный в белое.

Все сидящие сложили руки ладьей и опустили глаза.

— Митра Пресветлый, — начал Белый, — благодарим тебя за то, что не оставил нас милостью своей на земле врага твоего. Благодарим, что очистил помыслы наши, не подпустил злых чар к слугам твоим верным. Благодарим за хлеб, коим ты насытил нас. Благодарим за оружие, что позволяет без устали разить врагов твоих.

— Благодарим, Пресветлый! — произнесли одновременно все семеро собравшихся.

— Если ни у кого нет возражений, — сказал Белый, усаживаясь на свой стул, — то мы можем начать наш совет.

Возражений не последовало.

— Итак, мы потерпели неудачу, впервые за время нашей миссии на Побережье. Наша гордыня и невнимательность тому виной. То была самая последняя наша цель, казавшаяся самой легкой.

— Нет уж! — возразил Синий. — Мы здесь совсем ни при чем. Дурацкий купец захотел публичной мести за сынка. И где?! В центре Сартоса! Мы могли бы спокойно прирезать зингарца в его клоповнике.

— Не забывайся, — спокойно сказал Красный. В его тоне звучало плохо скрываемое презрение к собеседнику. — Ты — самый младший в Кольце и не вправе говорить подобным тоном. Достопочтенный Жэран — один из самых уважаемых слуг Пресветлого в этой прогнившей змеиной мерзостью стране. Его пожертвования — это половина всех денег, получаемых нашими храмами на Полудне. Так что нет ничего удивительного в том,

что наше Кольцо взялось выполнить его маленькую — подчеркиваю, маленькую, — просьбу.

— Граф Сизарлик снизошел до бедного палача из Пуантена! — притворно восхитился Синий.

— Молчи! Или следующее слово станет последним в твоей жизни, — сурово пригрозил Белый. — Я много раз повторял, что вступивший в Кольцо Кинжалов теряет своё имя навсегда. У тебя есть только цвет. Ни лица, ни памяти, ни любви. Только твой цвет и вера в Митру Всеблагого.

— Прошу простить меня, — проговорил Синий, склонив голову.

— Прощаю, — сказал Белый.

— Несмотря на некоторую резкость своих высказываний, — произнес Зеленый, — наш Синий вложил в свои слова немало истинного. Жэран мог просить лишь Верховного Жреца в Тарантии, чтобы тот помог изничтожить слугу Сета. Но о Кольце Кинжалов он ничего не знает. А значит, не знает ничего о нашем провале. Мы совершили попытку, и, да будет Пресветлый мне свидетелем, она стоила всех купеческих денег!

— Зеленый с Синим правы, — присоединился к разговору Коричневый. — Мы рисковали раскрыть саму тайну существования Кольца. Из моих запасов убыло три ценнейших амулета. Нам здесь больше нечего делать. Из-за своего честолюбия Жэран лишился возможности отомстить за сына. Во всяком случае, нашими руками.

Белый с определенным сомнением посмотрел на остальных членов Кольца Кинжалов Митры.

Дольше всего он задержал взгляд на Зеленом и Серебряном.

— Всё не так просто, — промолвил он, глубоко вздохнув. — Я открыл вам не всю правду про нашу миссию на Побережье.

При этих словах Красный аж подскочил на стуле. На его лице явственно выступил гнев, которого он не считал нужным скрывать. Зеленый удивленно приподнял одну бровь. Остальные новость восприняли спокойно.

— Поручение убить зингарца по прозвищу Счастливчик, — продолжил Белый, — исходило от Верховного Жреца, и только от него. Жэран здесь не при чем. Его сын погиб, когда мы уже находились на Побережье. Тогда из Тарантии прислали новое предписание. Мы должны были действовать так, словно выполняли просьбу Жэрана. Стигийцев о ней информировали нужным образом. В Аквилонии посчитали, что именно так мы можем продемонстрировать свою силу. К тому же никто не должен был подумать, будто основной нашей целью является именно устранение зингарца.

— Так кто же он такой? — поинтересовался Коричневый.

— Я не знаю, — сказал Белый. И, заметив недоверие в глазах собравшихся, добавил: — Правда, не знаю. Но ради его головы нам приказано идти на любые жертвы.

— Не нравится мне это, — высказался Красный.

— Вера пошатнулась? — язвительно поинтересовался Синий.

Бывший граф собрался было ответить наглецу, но потом, видимо, решив, что не стоит распылять своё красноречие на подобную мелюзгу, лишь криво усмехнулся.

— Братья, — обратился к собравшимся Белый, — я бы всё-таки хотел услышать, кто с какими известиями пришел сюда сегодня.

— Мы с Желтым, — начал Красный, — пытались преследовать нашу жертву и двух сопровождавших её северян. Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что стигийцы полностью контролировали происходящее ночью. Их отряды встречались на нашем пути чаще местных псов, количество коих, я полагаю, присутствующим хорошо известно.

— Пройти сквозь патрули не пытались? — спросил Синий.

Красный на мгновение задумался, стараясь понять, не издеваются ли над ним. В итоге он все-таки решил, что нет.

— Хозяева именно на такой наш ход и рассчитывали, — пояснил он. — У каждого из патрульных было по амулету, который он мог активировать, если бы заметил что-то необычное. В случае смерти своего владельца амулет также срабатывал. Наверное, все-таки можно было проскочить к дому зингарца, но мне кажется, на этот случай у них припасено нечто особое.

— Полагаешь, они знают о существовании Кольца Кинжалов? — спросил Зеленый.

— Наверняка, — ответил вместо Красного Белый. — Ты не первый день и даже не первый век

в Кольце, и должен понимать, что, кроме Верховного Жреца и шести его помощников, о нашем существовании догадываются и в Черном Круге, и в Алом Братстве и еще много где. Только они не знают, кто мы такие, как действуем и где нас ожидать. И, да поможет нам Митра, не узнают этого никогда.

— Тогда почему мы должны были так подставляться вчера?! — рявкнул Синий.

— Потому что зингарец этот, — ответил Белый, — важнее и меня, и тебя, и всех нас вместе взятых.

— Хотелось бы всё-таки узнать, — заговорил Красный, — ради чего мы так рискуем? Видимо, наша жертва знает нечто очень важное.

— И если ты доберешься до этого секрета, — ответил ему Зеленый, — то станешь следующим, кого нам поручат устраниТЬ.

— Мудрые слова, — согласился с ним Белый. — На этом закроем тему неразрешимых тайн. Что удалось выяснить о северянах, помешавших нам вчера?

— Пираты, — ответил Зеленый. — Прибыли вчера на корабле «Вестрел». Черноволосый — капитан. Зовут его Конан. Моряки в порту отзываются о нем с уважением. Обитает в основном на Бараах. Имя рыжего помощника — Сигурд. По мнению большинства, болван круглый, но лично я сомневаюсь в правдивости подобных характеристик. Судя по всему, пираты пытались наняться в услужение Хозяевам. «Вестрел» выглядит совсем плохо. На ремонт потребуется кругленькая сумма.

— А если стигийцы их и наняли? — спросил Красный.

— Побоялись бы. Слишком большой риск, — ответил Зеленый. — Хотя, сам понимаешь, ничего гарантировать не могу. Лишь предполагаю.

— Что будем делать с ними? — спросил Красный.

— УстраниТЬ для надежности, — высказал своё мнение Синий.

— Ничего мы с ними делать не будем! — объявил Белый, недовольный тем, что его опередили. — У нас другая цель. Будут мешать — убьем, ну а нет, так пусть живут.

— Можно ли бедному магу вклиниться в вашу занимательную дискуссию? — поинтересовался Коричневый.

— Конечно, — сказал Белый.

— Вчера я заметил кое-что очень интересное, — продолжил Коричневый. — В «Змее» находился некто, обладающий не совсем понятной мне магией. Он не использовал каких-то сильных заклинаний. Просто тихо и ненавязчиво за всем наблюдал.

— Кто-то из стигийцев? — спросил Белый.

— Нет, — сказал Коричневый. — Структура заклинания не такая, как у магов Черного Круга. Я о подобном даже не слышал. И еще: он был полностью закрыт от наблюдения. Никто не смог бы догадаться, что он имеет хоть какое-то отношение к Силе. Для вчерашней охоты я использовал одно из самых древних заклинаний нашего ордена. Простенькое, одноразовое, но, если не

знать принципа работы, закрыться не сумеешь. Черный Круг, к счастью, его не знает. Правда, я думаю, что у них тоже имеется подобный незамысловатый наборчик, и получше нашего. Получилось, что и тот маг не сразу заметил моё заклятье, и я сумел его засечь.

— Стигиец, — заявил Зеленый. — Не исключено, что даже один из Хозяев. Не забивай себе голову всяким вздором. Мы и так знаем, что в магическом оснащении мы местным магам заметно уступаем. Одним больше, одним меньше, хуже уже не станет. Главное — скрытность. Через наши амулеты всему Черному Кругу не пробиться.

— Это вторая тема, которую я хотел затронуть, — неуверенно произнес Коричневый и вопросительно посмотрел на Белого. Когда тот кивнул, он продолжил: — У нас недостаточно средств, чтобы спокойно довести операцию до конца. Я могу перезарядить часть амулетов. Но их силы хватит от силы на двое суток.

— И потому я запретил это делать, — прервал его Белый. — Задание слишком важно. Нам нужны новые личины, новое оружие, новые заклятья. И сроком не на два дня.

Красный и Зеленый при этих словах помрачились.

— Нам вполне хватит двух дней! — яростно проговорил Зеленый. — Мы разыщем место, где он работает.

— Район уже определили, — согласился с ним Красный.

Он произнес пару слов на староаквилонском,

и один из участков карты Сартоса резко увеличился в размерах, заполнив собой половину столешницы.

— Двух дней определенно хватит. Коричневый справится с магией этого места. Пусть она сильна, зато примитивна. Служит только для того, чтобы путать следы. Здесь зингарец наверняка чувствует себя в безопасности, и мы сможем спокойно его прикончить.

— У нас нет права на такой риск, — сказал Белый. — Нам потребуется много магии, и поэтому нужна жертва. Тот, чья кровь позволит нам пройти весь путь. Будем кидать жребий. Участвуют все, кроме Коричневого. Лишь он знает нужные заклятья.

— Не нужно жребия, братья, — это были первые слова, произнесенные Серебряным за столом.

На его губах возникла мягкая, добрая улыбка. Затем он достал тот самый ритуальный кинжал, которым вскрывал себе ладонь, и вонзил его в своё сердце. Коричневый не растерялся и сразу же начал плести заклинание. Зеленый смотрел на исходящее кровью тело Серебряного и едва сдерживал слезы.

— Кем он был? — тихо спросил бывший палач, ныне облаченный в синее.

* * *

Базар Сартоса, как ни странно, от большинства своих полуденных собратьев отличался не сильно. Он был разбит на пять частей. Самая

большая из них звалась «Рыбной». Она прилегала непосредственно к побережью, но не в районе порта, а около причалов, которые закрепили за собой местные рыбаки. От них и пошло название, но на самом деле на «Рыбной» торговали различными морскими снастями.

Помимо мелких лавочонок здесь находилось несколько крупных контор, заключавших сделки, связанные с ремонтом и строительством новых кораблей.

На «Рыбной» отсутствовали толкотня и непрекращающийся гам, столь характерные для любого из хайборийских базаров. Попрошаек и воров давным-давно отсюда прогнали, а патрулированием территории занималась не городская стража, а специально нанятые наиболее крупными торговцами охранники. Для того, чтобы уменьшить количество праздношатающегося люда, на «Рыбной» было решено брать плату за вход в пять медных монет стигийской чеканки.

К «Рыбной» прилегали две другие части — «Хлебная» и «Разбойная». На «Хлебной», как не трудно догадаться, торговали практически всем, что можно съесть или выпить. Больше всего здесь было рыбы. Казалось, жители Сартоса пытаются только ею, а мясо и хлеб держат в доме только на случай прихода гостей.

Торговались на рыбных прилавках со всей свойственной жителям Полудня страстью. Наличие шума около лавки практически полностью могло гарантировать отменное качество предлагаемого товара.

Неподалеку от рыбных лавок обосновались торговцы мясом и хлебом. Их хозяева были по большей части не местными, и торговаться они, по мнению жителей Сартоса, не умели совершенно. За это их не слишком жаловали.

Почти на самой границе между «Хлебной» и «Разбойной» частями располагали свои товары торговцы фруктами и вином. Десяток рядов, занятых ими, был одним из самых популярных мест города. Обстановка, царившая вокруг винной и зеленой торговли, складывалась на редкость дружеской и непринужденной. Сюда приходили отдохнуть и моряки, и горожане, а иногда даже заглядывали маги и архитекторы некоторых храмов.

Довольно часто городские власти организовывали здесь различные представления, приносившие неплохой доход, как артистам, так и виноторговцам. Правда, и воров тянуло сюда со всех концов Сартоса.

Тратить силы на карманников Хозяева не желали, а потому предоставили горожанам самим разбираться с пойманными воришками. Любимым наказанием было следующее. На все обнаруженное у несчастного золото покупалось самое дешевое вино, из тех, что можно было найти вокруг, и бедняга должен был выпить всё до последней капли.

В «Разбойной» торговали свезенными со всех уголков Хайбории тканями, изделиями из дерева и металла, посудой, одеждой, оружием, доспехами и многими другими вещами.

Постоянных лавок здесь было мало. Большинство из них арендовалось капитанами прибывших в Сартос судов. Хозяева давно прекратили скупать у моряков немагические товары, а потому реализовывать их приходилось самостоятельно. Качество здесь, естественно, никто не гарантировал, но и цены были таковы, что попытка устроить торги воспринималась как дурной тон.

Местные купцы давно научились неплохо зарабатывать на перепродаже привезенных товаров. Многие капитаны подчас были просто не способны оценить стоимость предлагаемых ими вещей, так как последние ими не приобретались, а «заимствовались».

Рядом с «Хлебной» находилась «Пустынная» часть. Одной из своих сторон она соприкасалась с дорогой, ведущей к пустыням Стигии и Шема. Отсюда и пошло название. Торговали здесь живым товаром. Это утверждение в равной степени можно было отнести и к животным, и к людям. Животные были представлены в основном свиньями и верблюдами, а также птицей. Кое-что скучалось местными жителями для собственного хозяйства, а верблюдов чаще всего приобретали караванщики.

Лошадей в Сартосе встречалось мало: им отводили только два загона в «Пустынной» части. Хозяевами их были двое шемитов, которые приходились друг другу братьями и люто друг друга ненавидели. Однако это обстоятельство нисколько не мешало им договариваться о ценах, которые были просто запредельными.

В той части «Пустынной», где торговали рабами, было не менее людно, чем на «Хлебной». Люди в Сартосе считались очень выгодным товаром.

Большую часть рабов составляли моряки из экипажей взятых на абордаж судов. На Побережье их скупали за бесценок, а затем в Асгалуне или Кеми продавали в несколько десятков раз дороже.

Пользовались спросом и симпатичные пленницы, захваченные в прибрежных деревушках Аргоса и Зингары. Наименее ходовым товаром были рабы из Черных Королевств. Работоторговцы из пустынных частей Стигии, снаряжавшие сухопутные экспедиции в Дарфар, назначали за них более приемлемые цены.

Последняя, пятая, часть базара носила выразительное название. «Магическая». Именно здесь Хозяева сбывали ненужные артефакты, не представляющие для окружающих особой опасности, а маги-самоучки предлагали свои услуги в составлении смертельных заклятий. Здесь продавались и карты с сокровищами, и книги с жизнеописанием святых всех возможных религий. Лучшие магические мечи и доспехи можно было найти в этой части базара. Колдуны и ведуны рассказывали о будущем, прошлом и настоящем.

Всего за один золотой предлагалось приворожить или сглазить любого человека, независимо от рода и происхождения. За два предлагалось поставить заклинание, защищающие от сглаза и приворота.

Разумеется, большая часть местных торговцев

была мошенниками, а товары представляли собой обычные подделки. Хозяев подобное положение вещей устраивало, и свои товары они сбывали тайно, не привлекая к ним никакого внимания. Это было известно всем, от мала до велика, а потому многие продолжали покупать совершенно бесполезные предметы, желая обнаружить подлинно ценный экземпляр.

В «Магической» части базара обитало множество конфидентов, представляющих как магические организации, так и тайные службы отдельных хайборийских государств. В толпе мошенников, обитавших на «Магической», можно было просто затеряться, и никакое, даже самое сильное заклинание распознания не могло пробиться сквозь царивший здесь магический хаос.

Конан и двое его спутников к полудню уже миновали «Хлебную» и «Пустынную» части. На базар они отправились почти сразу после того, как выбрались из мастерской Счастливчика.

Там они просидели довольно долго, выбирая, какая из карт, нарисованных в данный момент Счастливчиком, наиболее полно соответствует географии их будущего путешествия. Конан со свойственным северянам pragmatizmom несколько раз предлагал зингарцу попробовать нарисовать новый экземпляр, расположив сокровище так, чтобы максимально сократить путь до него. Сигурд выражал полную солидарность с капитаном, и зингарцу стоило немалых трудов убедить пиратов в том, что он не может этого сделать.

В итоге пришлось смириться с тем, что выбор

ограничен лишь пятью экземплярами, изготовленными к настоящему моменту. Три из них были отмечены сразу: сокровищница там располагалась на расстоянии от шести до девяти дней езды от Побережья. Две другие оказались получше. На первой расстояние до цели от полосы джунглей равнялось двум дням, на второй — трем, но зато путь пролегал сразу мимо четырех колодцев. Это и явилось решающим фактором при выборе: страдать от жажды никому не хотелось.

По пути на базар Счастливчик отловил одного из знакомых мальчишек, промышлявшего карманним воровством. Тот за десять медяков согласился найти боцмана «Вестрела» и передать ему, что капитан и первый помощник собираются отлучиться из города примерно на две седмицы. Если через месяц ни Конан, ни Сигурд в Сартосе не появится, то Зелтрану надлежит взять на себя командование. Конан заставил мальчишку два раза повторить сообщение, затем вручил ему обещанные десять монет и пообещал еще пять, если тот сегодня вечером придет к Счастливчику и передаст ему, Конану, слово в слово ответ Зелтрана.

Когда парнишка убежал, Счастливчик недовольно заявил Конану, что обманывать детей нехорошо, тем более, за то, что мальчишке можно доверять, он сам поручился. Конан ответил, что в их ситуации лучше перестраховаться, а деньги он отдаст, когда они добудут сокровище.

Последнее золото пиратов было спущено вчера Конаном и Сигурдом (ванир-таки вернул ко-

шель с проигранными монетами зингарцу) в таверне, а потому припасы и верблюдов покупали на деньги Счастливчика, предложившего их в благодарность за спасение своей жизни.

В «Пустынной» части пираты провели немало времени, делая выбор между лошадьми и верблюдами. На верблюда ни один из северян садиться не желал, Счастливчик же напрочь отказывался платить зарвавшимся шемитам неслыханные суммы за двух паршивых кляч.

Первым сдался Конан, согласившийся, что в пустыне верблюд полезнее лошади, а возможность того, что им всё-таки придется ехать за сокровищем, полностью отбрасывать нельзя. Сигурду, непрестанно поминавшему неестественное происхождение киммерийцев, зингарцев и проклятых двугорбых созданий, пришлось смириться с выбором капитана.

Так, в сопровождении четырех верблюдов, — двух больших, для Конана с Сигурдом, и двух поменьше, одного для Счастливчика и одного выручного, — они и вошли в «Магическую» часть. Многие из местных торговцев знали Счастливчика в лицо, поэтому с предложениями ни к кому из троих спутников особо не приставали.

Вот только совершил покупку, казавшуюся на первый взгляд такой элементарной, никак не получалось. Для воплощения в жизнь плана Конана, которым он уже успел поделиться с друзьями по пути на базар, требовалась две человеческие головы со стандартными стигийскими чертами лица, засушенные. Но обыкновенных голов

здесь, похоже, не предлагали. Только маги, мыслители и полководцы, стоявшие, как приснопамятные лошади.

Но это была только первая проблема.

Второй явился обычно здравомыслящий Сигурд. Первый помощник капитана держал у себя в каюте огромного попугая, который время от времени (и, как подозревала команда, не без деятельного участия первого помощника) выбирался из клетки и летал по всему кораблю, обкладывая каждого встречного отборными ругательствами на наречии закатного Ванахайма.

Сигурд в птице души не чаял, однако последнего шторма попугай не перенес и, к общей радости, благополучно скончался, во время качки неудачно ударившись головой об одну из стен каюты.

В «Магической» же части базара взору первого помощника открылся целый ряд клеток с птицами невиданных пород, говорящих на всех языках Хайбории, да еще и понимающих, что они говорят. Огромный рыжебородый ванир, как ребенок, бегал от клетки к клетке, заводя беседу с каждым из пернатых.

— Выбирает, — со знанием дела заявил Счастливчику Конан.

— Напрасно он это, — ответил зингарец. — В них речь с помощью магии втравливают. Это они сейчас такие умные и спокойные. Без мага-анимиста они начнут меняться, а как — в точности никто не скажет. Известно одно: живут недолго, от силы три седмицы. Только торговцы этого ни-

когда не признают, будут заявлять, что сдох от неправильного обращения.

Тем временем Сигурд уже затеял торги по поводу понравившейся ему птицы, представлявшей собой смесь попугая и сокола серо-синей расцветки с небольшим количеством оранжевых перьев. Торговался ванир столь яро, что запрашиваемая цена достигла ушей Конана и Счастливчика, стоявших на значительном расстоянии.

Услышав сумму, Счастливчик скроил такую возмущенную рожу, что можно было предположить, будто на недавних лошадиных торгах ему предлагали взять кобылку просто задаром. Быстрым шагом он направился к ваниру, желавшему его разорить. Торговец движение это заметил, а потому как можно скорее согласился на предложение Сигурда и пожал северянину руку.

Счастливчику не хватило нескольких мгновений. Конан, наблюдавший эту сценку издалека, от души расхохотался. Счастливчик какое-то время злобно вглядывался в довольное лицо ванира, потом выразительно сплюнул, попав торговцу на туфлю, и присоединился к веселью киммерийца. Сигурд лишь непонимающе смотрел на товарищющей.

— Пошли! — крикнул ему Конан, когда наконец отсмеялся.

Пернатый уже успел перебраться из клетки на широкое плечо ванира.

— Как зовут покупку? — поинтересовался Счастливчик.

— Зелт, — ухмыльнулся Сигурд.

Конана сотряс очередной приступ смеха.

— Культ Иштар, — неожиданно произнесла птица, — восходит своими корнями к Древней Валузии.

Все, включая Сигурда, удивленно посмотрели на Зелта, но продолжать мысль тот, похоже, не собирался.

— Мне твой старый любимец больше нравился, — сказал Конан.

Сигурда лишь грустно вздохнул.

Вопрос с птицей был разрешен, а вот найти головы никак не получалось. В трофеиных лавках, как и в прочих, были представлены только отдельные части тел знаменитостей. Некоторые даже дублировались у разных торговцев.

Вопрос о том, сколько рук было на правой части Сигиберта Завоевателя на долгое время увлек капитана и первого помощника «Вестрела». Конан насчитал восемь, а Сигурда — только шесть.

Потом отправились искать товар в лавки с магическими компонентами. Высущенных голов взрослых стигийцев, убитых примерно полгода назад, не сыпалось и здесь. Только дети и девственницы. Цены были заоблачными.

Когда и пираты, и Счастливчик было уже совсем отчаялись, они натолкнулись на лавку старика, торговавшего головами разной степени разложения и разных возрастов.

Здесь нашлось всё: от черепа младенца до только что отрубленной головы какого-то китайца.

Стоил этот товар недорого, и выбор был достаточным, чтобы можно было не спеша подобрать нужные экземпляры. Полупопугай ванира очень заинтересовался одним из черепов, который по непонятным причинам приобрел желтый оттенок.

— Латунь? — поинтересовалась птица, ударив череп клювом, а затем выразительно посмотрев на торговца.

Старик лишь недоуменно хлопал глазами, не зная, что ответить на подобное.

— Не обращайте внимания, — сказал Счастливчик, забирая покупки и укладывая их в мешок, заранее приобретенный специально для этой цели.

— Тебе лицо этого старика знакомым не показалось? — спросил Конан у Сигурда, когда они отошли подальше от лавки.

— Показалось, — сознался Сигурд. — Вот только где я его видел, не вспомню.

— Я его, кстати, никогда на рынке не встречал, — добавил Счастливчик.

— Давайте убьем его, — предложил попугай Зелт. — Ученые мужи Ахерона считали мясо старого человека, умерщвленного посредством четвертования, весьма полезным для пищеварения и мозговой деятельности. Зелт — хороший! Зелт — хороший!

— Меня пугает твоя птица, — сказал Конан, глядя, как ванир чистит перышки на шее своего нового любимца.

— Зато какое впечатление он произведет на

нашего будущего приятеля, — ухмыльнулся Сигурд. — Определенно, стоит отвести Зелту место в нашем плане.

Конан опасливо посмотрел на птицу, ожидая, как та отреагирует на слова ванира. Но серо-голубой попугай, похоже, взял за привычку говорить только тогда, когда от него этого не ждут.

— Ладно, Сет с ними! — сказал Конан. — И со стариками, и с попугаями. Мы и так потеряли больше времени, чем планировали. Нам сейчас в «Пустынную»?

— Да. Оттуда идет единственная дорога в нужную нам часть страны, — сказал Счастливчик. — Через джунгли довольно сложно строить. Если я не ошибаюсь, те караваны, о которых я говорил, уже покинули Сартос. Надо спешить, если хотим догнать их до рассвета.

— На этом мы никого не дожоним! — заявил Сигурд, от души хлопнув своего верблюда по одному из горбов. Животное издало звук, который ванир истолковал, как одобрение, хотя и не отмел вероятности недовольства.

Часть «Пустынной», занятой работорговцами, путники миновали молча. Однако звуков, раздававшихся вокруг, им хватало. В основном это были стоны рабов и крики надсмотрщиков. Земля во многих местах пропиталась кровью и желчью. Запах стоял отвратительный. Единственным, кому нравилось происходящее, был Зелт. Он летал над клетками с рабами и что-то восторженно вопил на одном из древних языков.

— Человек всегда должен быть свободным, —

заключила птица, перейдя на стигийский и приземлившись на плече Сигурда. — Всегда и во всем. В мыслях и в бытии, в жизни и в смерти. Но оковы, что несет с собой существование, не могут быть сброшены мгновенно. Человек должен постепенно двигаться от простого их осознания к обретению подлинной свободы. Как попки у кушиток хороши и как упруги грудки! Свобода, как пленит твоя близость.. Мне уже тяжело дышать. Дайте Зелту рыбки! Зелт хочет рыбку! Рыбку! Рыбку!

— Он безумен, — без намека на шутку сказал Счастливчик.

— Торговец сказал, что это пройдет, — ответил Сигурд. — Ему необходимо время, чтобы привыкнуть к новой обстановке.

— Увидишь, что с ним произойдет, — мрачно сказал Счастливчик, — когда пройдет это самое время.

Когда они оставили за спиной базар да и, собственно, сам Сартос, птица немного успокоилась. Сигурда же наконец окончательно примирился с тем, что ему придется ехать на непонятном двугорбом животном, и даже начал находить в нем положительные отличия от лошади.

Солнце миновало зенит и начало опускаться, придавая показавшимся впереди джунглям золотой оттенок. Дорога, бежавшая сквозь них, оказалась довольно многолюдной. Кто-то, подобно пиратам с Счастливчиком, спешил, пытаясь нагнать ушедшие вперед караваны, кто-то двигался не торопясь.

Далеко впереди, у самой границы деревьев, можно было разглядеть отряд из пяти стражников. Счастливчик объяснил, что такие патрули отвечают каждый за определенный участок дороги протяженностью в полдня пути, но разбойники всё равно довольно часто нападают на зазевавшихся путников. Из-за этого те, кто путешествуют на большие расстояния, предпочитают присоединяться к караванам, имеющим надежную охрану.

Конан пытался вызнать у Счастливчика особенности данной дороги — на случай, если все-таки придется выбирать место для самостоятельной ночевки. Сигурд тем временем о чем-то мирно беседовал со своей птицей.

* * *

Эмилио снимал небольшой домик в одном из бедняцких районов Сартоса. Деньги у него водились, но выкидывать их впустую, просто для того, чтобы обеспечить себе чуть больше комфорта, он не считал нужным.

За последнюю неделю, проведенную им на Побережье, сюда он заглядывал всего три раза. Это случалось в те моменты, когда ему необходимо было подумать.

После визита к Рашилу он отправился в «Морского Змея», где также арендовал комнату. Аргосцу не хотелось, чтобы слуги «лилового» узнали о его жилище. Вернее, он не сомневался в том, что рано или поздно они все-таки узнают об

уединенной хижине, но облегчать им работу не желал.

Рано утром он проснулся и отправился искать местных мальчишек, готовых за звонкую монету последить за зингарцем и двумя северянами. К полудню он точно знал лишь то, что они держались по-прежнему вместе, а ночь провели в доме у Счастливчика. Куда они делись утром, никто сказать не мог. О таинственных убийцах, совершивших вчерашнее нападение, тоже было ничего не известно.

Эмилио, конечно, огорчился столь скучному количеству информации, но впадать в отчаяние не спешил. Имелось в городе одно место, куда стекались все слухи: ряды виночерпие в «Хлебной» части базара. Там под навесами с кувшинами холодного вина любили пережидать полуденную жару многие горожане. А вино, как известно, обладает свойством развязывать языки.

Эмилио пил и болтал наравне со всеми. Опьянения он не боялся, от местных напитков оно держалось недолго, а вот в том, что на человека непьющего и задающего много вопросов непременно обратят внимание, он не сомневался.

О вчерашнем происшествии в таверне говорили мало. Видимо, люди четко усвоили, что в дела, хоть как-то касающиеся «лиловых», лучше не соваться.

Услышал, правда, Эмилио одну вещь, которая его заинтересовала. В последнее время погибло несколько известных людей, имена которых раньше связывали с храмом Митры, а сейчас — с Чер-

ным Кругом. Все они умерли своей смертью, и никаких расследований по этому поводу не проводилось, но слишком уж их было много для простого совпадения.

Эмилио отметил для себя, что произошедшее вполне может быть связано с людьми, устроившими вчерашнее нападение. Не то чтобы онставил Счастливчика в один ряд с бывшими митрианцами... Просто та семерка, по его мнению, могла спокойно отправить людей на Серые Равнины так, чтобы никто не заподозрил убийство. Конечно, скорее всего, это «лиловые» устранили негудных им людей, но нельзя отмечать и другие варианты.

К полудню появились первые сведения и о Счастливчике с двумя его новыми спутниками. Эмилио стали даже известны их имена. Конан и Сигурд, капитан и первый помощник с пиратского корабля «Вестрел», прибывшего в Сартос вчера днем. Один из мальчишек сообщил ему, что черноволосый северянин передал боцману корабля, что его в течение двух седмиц в Сартосе не будет.

Сюда же, на «Хлебную», доставлялась вся информация о покупках, совершаемых Счастливчиком и его товарищами. После новости о приобретении верблюдов, Эмилио направился к торговцу картами, державшему лавку в «Разбойной» части базара. Денег здесь он потратил немало, зато теперь мог спокойно попытаться понять, куда именно может направляться зингарец.

На выходе из лавки его встретило известие о

приобретении попугая и двух высушенных голов. Для чего эти вещи могут понадобиться, Эмилио не знал, а потому решил пока о них не думать.

Со свертком карт под мышкой он спешил в свой домик. О направлении, в котором отбыл Счастливчик, аргосцы сообщили, но об этом он и сам догадался, благо дорога, ведущая к пустыне, для передвижения по которой могли понадобиться верблюды, была только одна.

Эмилио интересовала конечная цель путешествия этой троицы. Конечно, можно было предположить, что они отправились за золотом в ту проклятую пещеру. Но, если задуматься, то становилось ясно: рассчитывать на подобное просто глупо. Зингарец наверняка знает, что там погибли целые отряды, и трем воинам бессмысленно надеяться на удачное завершение предприятия.

Возможно ли, что они просто пытаются скрыться из города, чтобы избежать очередной встречи с убийцами? Нет. В городе, несмотря ни на что, безопасней.

Значит, тут кроется что-то другое. Причем в шести-семи днях пути от Сартоса, а возможно, и ближе. Карта Побережья предлагала Эмилио пять возможных вариантов. Речь шла о поместьях с прилегающими к ним домами ремесленников и крестьян. Все они располагались почти на самой границе с пустыней, где джунгли не столь непроходимы, а земля все еще плодородна. В каждое из них можно было попасть, если свернуть в нужном месте с дороги, что начинается прямо от «Пустынной». Два поместья располагались

вдоль дороги, ведущей в Кеми, каждое из оставшихся — на путях в другие города-государства Шема.

Эмилио вознес молитву Дэркето, восхваляя богиню за то, что не поскучился и приобрел дорогие варианты карт, на которых, помимо прочего, были указаны и сведения о владельцах поместий.

Одно из тех двух, что находилось на караванных путях в Кеми, принадлежало старому магу из Луксуря. Если он когда-то и входил в Черный Круг, то сейчас совершенно отошел от дел. Само поместье было невелико и от окружающих закрыто.

Путники могли остановиться только в таверне, расположенной за его пределами. Цены были там высокими, так как хозяин поместья людей не жаловал и предпочитал одиночество.

В графе «Дополнительные сведения» значилось, что маг вполне может продолжать свои магические эксперименты, так как в окрестностях его жилья довольно часто пропадают люди, а в джунглях встречаются непонятные животные.

Второе поместье раньше тоже принадлежало одному стигийских магов, но примерно десять лет назад его выкупил один богатый кофитянин. Собственно, с тех пор самого поместья и не стало. Стена была снесена, а хозяйские строения вкупе с крестьянскими лачужками составили небольшой городок.

Сам владелец в поместье не показывается. Заправляет всеми делами его наместник. За десяти-

летие нового владычества в этом городке появилось три постоянных двора с разным уровнем цен. Можно найти оружейную лавку, торговцев верблюдами и лошадьми. За небольшую плату предлагалось нанять проводника через пустыню. Здесь Эмилио бывал уже дважды.

Третье поместье было самым новым из всех. Его возраст составлял около пятидесяти лет. Тем не менее за это время там сменилось целых семеро владельцев. Последний из них вступил в права всего полгода назад. Все семеро оказались приверженцами разных религий, а потому возводили храмы каждый своему божеству. Два из них впоследствии снесли.

Как и в предыдущем случае, хозяйские дома не были отделены стеной от остальных строений.

Постоянных дворов имелось два. Торговля здесь была развита не сильно, но составитель карты — точнее, какой-то из её позднейших владельцев, наносивших те самые пометки, с которыми знакомился Эмилио, — отметил, что и коня, и меч при желании приобрести там вполне реально.

В дополнительных сведениях говорилось, что последнего из хозяев поместья никто и никогда не видел. Кто-то утверждает, что у него не хватает одной из конечностей, кто-то считает его карликом или уродцем. Точно известно лишь одно: он сказочно богат.

Четвертое поместье, напротив, было самым древним. До такой степени, что никто даже не знал, когда заложили первый камень. Говорили — около десяти столетий назад. Единственное

из всех, к которому не прилегали строения бедняков. Собственно, оно представляло собой замок со рвом и крепостными стенами, стоящий в одиночестве посреди джунглей. О владельцах не известно ничего, внутрь никого не пускают.

Составитель заметок предполагал, что там находится отделение секретной службы одного из государств Восхода. На основании чего он сделал такой вывод, не сообщалось.

Последнее поместье располагалось на дороге в Асгалун и находилось в собственности этого города. Здесь проходили проверку вооруженные отряды, направлявшиеся в Шем. Часть товаров уже на этом этапе пути облагалась налогом. В основном это касалось вещей, продаваемых с пиратских судов, чья дешевизна могла плохо скажаться на экономике Асгалуна.

Поместье это было самым крупным из всех пяти. Отличительных особенностей имелось две. Во-первых, здесь как нигде наличествовало много стражи. А во-вторых, несмотря на это количество охранников, неизвестные злоумышленники минимум два раза в год устраивали пожары на местных складах. В заметках говорилось, что это почти наверняка дело рук стигийцев, которым не нравится иметь форпост Шема на своей территории.

Эмилио также вспомнил, что один из убитых митрианцев, о котором говорили на базаре сегодня, жил именно в этом поместье. Возможно, простое совпадение, а возможно, и нет.

На улице уже начинало темнеть, и Эмилио

был вынужден поторопиться. Он собрал в дорогу необходимые вещи, вышел на улицу и направился к таверне. В «Морском Змее» его ждал давным-давно приобретенный жеребец. Аргосец радовался тому, что ему удалось сохранить хорошие отношения с «лиловыми», иначе сейчас у него было бы куда больше трудностей.

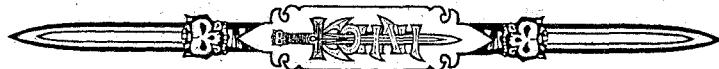
По пути он прикидывал возможные варианты действий. Возможностью того, что целью зингарца и северян является четвертое поместье, он пренебрег как несостоятельной. Зачем им могла понадобиться эта неприступная цитадель, он даже представить не мог.

К первому и третьему варианту он отнесся как к равновероятным. И то, и другое место казались подходящими для такого человека, как Счастливчик.

Пятый вариант он бы не принял в расчет, если бы не убитый митрианец, но даже с учетом этого факта Эмилио сомневался в том, что это поместье может оказаться целью путешествия той троицы.

Второй вариант все же представлялся самым вероятным. Покупка верблюдов говорила либо об отсутствии достаточного количества денег, либо о желании посетить пустыню. А до пустыни легче всего добраться, воспользовавшись дорогой на Кеми. К тому же кофитянское поместье — самое густонаселенное.

До «Морского Змея» Эмилио добрался, когда солнце уже наполовину скрылось за горизонтом. Скакун Эмилио был местной, не очень быстроно-

гой породы, но всё же перед верблюдами он обладал некоторым преимуществом в скорости. Мысль о том, что придется скакать через джунгли ночью, Эмилио не радовала, но он должен успеть нагнать Счастливчика и пиратов и незаметно проскользнуть мимо них до того, как они догонят ушедшие вперед караваны.

Если они присоединятся к одному из них, то Эмилио будет точно знать, в какое из поместий они направляются. Если же нет, то отбросит два ненужных варианта. Эмилио считал, что он просто обязан прибыть на место назначения первым. Тогда у него будет достаточно времени на подготовку и сбор информации.

Прикончить Счастливчика аргосцу очень хотелось, но раскрыть связанную с ним тайну он жаждал не меньше. Тем более, как он подозревал, Рашил ради неё наверняка раскошелится на очень крупную сумму. Надо только заранее придумать, как сторговаться с ним без опасности для собственной жизни.

* * *

На закате они вновь собирались в каюте «Блистающего», которая на сей раз уже была преображеной. Седьмой стул исчез. Настроение у собравшихся было разным: от безразличной отрешенности до готовности хоть сейчас идти убивать во имя Митры.

Когда все расселись, Белый поднял руку, привлекая к себе внимание и требуя тишины.

— Мы закончили приготовления, — сказал он, кивая головой в сторону Коричневого. — Надеюсь, вы хорошо отдохнули. Есть у кого-нибудь пожелания? Если нет, то давайте начнем.

— Я хотел бы сохранить свой облик, — непривычно тихо произнес Синий.

— Опять? — переспросил Белый. — Учти, однажды ты доиграешься.

— Здесь нет никого, кто мог бы меня узнать, — настаивал Синий. — Мне намного привычней работать, когда я точно знаю, как именно выглядит моё лицо. Я же имею право на эту просьбу.

— А я имею право ее отклонить, — сказал Белый, но после паузы добавил: — Но в данной ситуации я думаю, что она разумна. Принимается. Кто-нибудь еще?

Молчание.

— Тогда начнем, — сказал Белый. Потом негромко спросил у Коричневого: — Справишься?

— Да, — отозвался тот и сделал знак остальным, чтобы они поднимались.

Когда все встали, он начал негромко петь. Гласные буквы маг сначала очень сильно растягивал. Затем неожиданно стал произносить захлинианье так быстро, словно это была скороговорка. Начинал он пение, используя современные аквилонские и немедийские слова, правда, чередуя их без видимого смысла, затем немедийские выражения начали постепенно исчезать, сменяемые староаквилонскими.

Когда различить отдельные слова уже стало

невозможно, Коричневый начал совершать пассы руками, постепенно ускоряя и усложняя движения. Дождавшись нужных слов, Белый достал из-за спины сосуд с ярко-красной жидкостью, откупорил его и начал ронять по капле на разные части стола до тех пор, пока сосуд не опустел. Когда это произошло, он присоединился к пению. Жидкость начала испаряться, образовав над столом столб непонятного газа розового цвета. Через какое-то время он стал очень плотным на вид.

Тогда Красный опустил в него сложенные ладони, как если бы хотел зачерпнуть воды. Часть газа осталась клубиться у него в руках, и он опрокинул его себе на голову. Опадая вниз, тот менял облик митрианца. Волосы с его головы исчезли. Появились длинные черные усы. Маг стал приземистей и шире в плечах. Одет он был теперь, как пират с Барахас: красная косынка на голове, красно-белая полосатая рубаха, широкие штаны, кожаные сандалии.

Затем каждый из присутствующих в каюте повторил действия своего товарища. Желтый стал похож на купца из Шема. Длинные пшеничные волосы стали жестче, короче и поменяли окрас на иссиня-черный. Новая одежда была слишком теплой для Побережья, зато полностью соответствовала стандартам, принятым в Асталуне. Тем не менее в ней по-прежнему преобладал желтый цвет. Гигантские размеры митрианца остались неизменными.

Зеленый был теперь одет, как моряк. Его но-

вое лицо, когда-то казавшееся привлекательным, теперь украшал огромный уродливый шрам. В каждом ухе появилось по три серьги, одна из которых была золотой. Полосы на рубахе были зелеными. Новый облик его был похож на новый облик Красного, только Зеленый был старше: волосы его уже затронула седина.

Черты лица Синего остались прежними. Выглядел он как довольно богатый выходец из стран Заката. Множество удобных легких тканей, из которых была сшина его одежда, позволяли ему не обращать особого внимания жару. Лысую голову украшала шикарная синяя треуголка.

С Коричневым произошли самые большие изменения. Он невероятно постарел, стал ужасно худ и высок. Голова его была обрита, как и положено жрецу Сета, чей облик он принял. Единственное, что осталось неизменным, — это выдающийся вперед подбородок. Коричневых деталей в его одежде не осталось, но кожа его сделалась столь смуглой, что можно было подумать, будто именно она призвана компенсировать этот недостаток.

Белый, как и Синий, избрал для своего костюма закатные одежды. Единственный из присутствующих он помолодел и выглядел не старше семнадцати лет. Все детали его туалета были на редкость щегольскими, а многочисленные недостатки лица кое-как скрывала обильная косметика.

Когда внешность каждого из митрианцев претерпела изменения, они спокойно расселись на свои места и стали ждать, пока опадет вызван-

ный заклятьем столб газа. Тот опускался постепенно, словно издеваясь над людьми, но все же был вынужден склониться перед неумолимым потоком времени.

— Все довольны? — ухмыляясь, осведомился одетый в белую рубаху с золотой вышивкой юнец.

— Вполне, — сказал Синий, окидывая Красного насмешливым взглядом.

— Тогда будьте добры послушать, что мы будем делать дальше, — продолжил Белый. — По прибытии на место — а я надеюсь оказаться там раньше наших друзей, — мы будем действовать следующим образом. Привычных пар на этот раз не будет, ваши таланты лучше использовать по-иному. Красный будет работать с Зеленым, Желтый и Коричневый по одиночке, а я — вместе с Синим. Теперь — детали...

* * *

Ночевка прошла на удивление спокойно. Как ни гнали Конан, Сигурд и Счастливчик бедных верблюдов, настичь караван им так и не удалось. Дежурили ночью по очереди киммериец и ванир, решив, что от бодрствующего Счастливчика в случае опасности толку будет не очень много. Тот такому решению и противиться не стал.

С рассветом трое друзей двинулись в путь. Джунгли, после ночного общения с ними, наутро особенно страшными не казались. Вдоль дороги время от времени попадались затушенные кост-

ры других путников, вынужденных ночевать вне каравана.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы назойливо напекать спину, Конан углядел впереди место стоянки одного из караванов.

Был ли это тот, который направлялся в нужное им поместье, Счастливчик сказать не мог, так как не знал, какой из двух вышел из Сартоса первым.

По расчетам киммерийца, догнать караван они должны были уже к полудню. Даже если это и окажется другой, то в том, что вскоре они увидят и следующий, Конан не сомневался. Как оказалось, был он совершенно прав, и вскоре перед их глазам предстал арьергард охраны.

— Кто такие? — поинтересовался один из воинов, когда путники приблизились к каравану.

Оставшиеся шесть стражей недвусмысленно положили руки на эфесы своих сабель.

— Путешественники, — ответил киммериец. — Хотели узнать, ваш ли караван направляется в Эрук.

— Да, но только до переправы, — ответил охранник. Говорил он на неплохом стигийском, но в его речи явственно звучал акцент центральных земель Шема. — Грузим товары на паром — и снова в Сартос. Так что если желаете присоединиться, помните: на Стиксе будете предоставлены сами себе.

— Нас это вполне устроит, — сказал Конан. — В какую часть каравана нам двигаться?

— Сначала деньги, — усмехнулся охранник и

хлопнул рукой по кошелью, висевшему у него на поясе.

— Сколько? — недовольным тоном поинтересовался Конан. В том, что еще и у гостевых повозок с них возьмут плату за ночлег, он не сомневался.

— Две серебряные монеты за всех, — сказал охранник.

— Заплати им, — сказал Конан Счастливчику.

Зингарец скрчил недовольную физиономию, но всё-таки спорить не стал, и деньги из его рук перекачивали в руки караванщиков.

— Ладно, это стоит того, — сказал Сигурд, когда семеро воинов остались далеко позади, — чтобы можно было спокойно провести ночь.

— Да и безопаснее, — добавил Конан. — Мне ничуть не улыбается встретить наших знакомых из таверны, когда никого не будет поблизости.

Караван этот, как, впрочем, и любой другой, издавал невероятное количество шума. В единый звук сливались стоны рабов, ругань погонщиков, всевозможное мычание и кудахтанье домашней скотины и птицы и непрекращающиеся даже в дороге торговые споры.

Путникам стоило немалых усилий найти три крытые повозки, предназначенные для перевозки пассажиров. В них ехали женщины и дети, а также все те, у кого не хватило денег на лошадь, верблюда или хотя бы на мула. Ночью, когда караван останавливался, из повозок доставались шатры, в которых путешественники могли уютно провести ночь. За подобное удовольствие, ра-

зумеется, приходилось платить. На этот раз цена составила по серебряной монете с человека.

Счастливчик почти сразу же перебрался в повозку, сославшись на то, что провести полдень в тени намного приятнее. Конан и Сигурд предпочтли перетерпеть жару, решив, что ехать среди женщин и детей недостойно северян.

— В Эрук собрались? — спросил пиратов один немногих путников, подобно им, не пожелавший укрыться от палящего солнца.

Конан бросил на незнакомца пристальный взгляд. Стигиец, довольно молодой. Одет как купец средней руки: ярких вещей много, только подобраны они на редкость безвкусно. Лицо довольно красивое, с тонкими чертами лица и большими умными глазами.

— Да. Вот только в поместье Бирафир на пару дней остановимся, — ответил Конан и после небольшой паузы многозначительно добавил: — Дела.

— Торгуете чем-нибудь? — опять спросил стигиец. — Наверное, винами. Я угадал? Едете договариваться о поставке товара?

— Ха! Да вы парень не промах! — восхликал ванир. — Сразу догадались, в чем дело. Мы с моим другом уже лет шесть занимаемся поставкой лучших аргосских вин в города Побережья. Как раз только что доставили партию в Сартос.

— А сейчас пытаетесь наладить новые торговые контакты? — проницательно поинтересовался стигиец.

— Вы же слышали о том, что произошло в

Сартосе! — сказал Конан. — Из-за этого проклятого магического кризиса пострадал один из наших лучших покупателей. И мы вынуждены заниматься поиском новых. Говорят, граф Бирафир является большим ценителем вин.

— О! О графе Бирафир много чего говорят, — сказал стигиец.

— Может, пойдем в тень и посудачим, — предложил Сигурд, — что говорят о графе Бирафир за бокалом одного из наших вин?

— Почему бы и нет! — воскликнул стигиец. — Только не в одну из этих повозок. Даже отсюда я чувствую исходящие от них миазмы. Впереди есть прекрасный шатер, принадлежащий одному моему другу, который сейчас отдыхает еще у одного моего друга. В общем, нас там никто не беспокоит.

— Замечательно! — объявил Конан и направил своего верблюда вслед за двинувшимся вперед стигийцем.

Сигурд ненадолго задержался, чтобы передать Зелта на хранение Счастливчику и взять с собой пару бутылок вина получше.

— Что-то случилось? — спросил зингарец.

— Похоже, кое-кто хочет поделиться с нами информацией, — сказал ванир. — Если случится что-нибудь странное, отпусти Зелта: он сумеет найти нас с Конаном.

— Осторожнее там, — предупредил Счастливчик, забирая птицу.

— Ладно, — сказал Сигурд и послал верблюда в направлении удаляющейся фигуры капитана.

Когда Сигурд нагнал капитана и стигийца, те уже отдали своих верблюдов одному из слуг и перебирались в фургон, украшенный, подобно одежде их нового знакомого, пышно и совершенно несуразно. Сигурда присоединился к ним.

Внутри оказалось достаточно прохладно, что наводило на мысль о магии, хотя в Сартосе и его окрестностях небольшое колдовство могло ровным счетом ничего не значить.

Капитан и стигийский купец сидели за небольшим резным столиком, заполненным чашами с различными фруктами. Сигурд умело забрался в фургон, умудрившись по пути не выронить ни одну из бутылок.

— А вот и вино! — возрадовался купец, весело всплеснув руками.

Конан принял у Сигурда бутыль, вскрыл её ножом, лежавшим на столике, и начал разливать напиток по кубкам, которые стигиец достал откуда-то из-за спины.

— Чудесное вино, — сказал купец, небольшими глотками уничтожая напиток. — Вы его собираетесь продавать в Бирафере?

— Да. Правда, замечательный букет? — с видом знатока осведомился Конан. — Помимо этого сорта, у нас есть еще два других, но это — лучшее.

Сигурд с огромным трудом сдержал усмешку. В Сартосе они действительно купили себе немногого вина. Две очень дорогие бутылки розового аргосского на случай, если понадобится произвести на кого-нибудь впечатление (вот он и настал,

этот случай!). Остальное же было, мягко говоря, для сугубо личного пользования, на случай беспросветного горя и полного отсутствия денег.

— Превосходно! Воистину, превосходно, уж поверьте мне, — сказал стигиец. — Только вот боюсь, что в Бирафире не найдется человека, способного по достоинству оценить ваше вино.

— Это было бы более чем печально, — негромко сказал Сигурд. — Что же заставляет вас так думать?

— По большей части слухи, которые ходят об этом месте, — ответил купец, — и о его хозяине. Вы ведь слышали историю о ста храмах Бирафира? На самом деле их там не более восьми. Официальных. Множество мелких учений там возникает и преображается в нечто новое практически ежедневно. Кто-то практикует человеческие жертвоприношения, кто-то — темную магию. Культ Сета Бирафирского или, скажем, Иштар Бирафирской в корне отличаются от основных религиозных течений. И многие жрецы ограничивают своих последователей и аколитов в некоторых благах мирских, в том числе и вине, даже в столь замечательном, как ваше. Может, лучше поискать какое-нибудь другое место для поиска покупателя? Или вы знаете какого-нибудь конкретного человека в Бирафире, которому намерены предложить заключить с вами договор?

— Собираетесь перехватить нашего покупателя? — усмехнулся Конан.

— Что вы, что вы! — начал яростно отрицать молодой стигиец. — Наоборот, надеюсь помочь

вам. Советом. Все купцы — братья и должны помогать друг другу.

Сигурд не выдержал и рассмеялся.

— Конечно, когда речь не идет о пересечении интересов, — поправился стигиец. — Но это ведь не наш случай?

— Разумеется нет,уважаемый, — сказал Конан. — Мы хотим договориться с хозяином этого места, графом Бирафирем.

— Ах так! — стигиец казался искренне удивленным. — А вас не смущает тот факт, что никто и никогда его ни видел? Я слышал, что даже «ливовые» ничего о нем не знают.

— До нас дошел слух, что он показывался в Сартосе, — сказал Сигурд. — Примерно полгода назад. О нем говорили как о человеке богатом. И щедром.

— Слухи! Не более, — опроверг информацию стигиец. — Я находился в это время на Побережье, никак не мог избавиться от груза фиг. В Сартосе видели только его людей, вернее — тех, кто назывался его людьми. Платили они и впрямь щедро. Жили, как и я, в «Морском Змее». Только седмицы через две они пропали куда-то, и больше о них никто ничего не слышал.

— Даже если они и не люди Бирафира, — сказал Сигурд, — это вовсе не отменяет того факта, что именно тогда граф и приобрел поместье. Вы ведь не станете отрицать этого? А на такую покупку деньги требуются немалые.

Конан тем временем открывал уже второе аргосское розовое.

— Стану, Немножко, — нехорошо улыбаясь, сказал стигиец. После той первой чаши он до вина больше не дотрагивался. — Когда Бирафир покупал свое нынешнее поместье, прежний хозяин находился при смерти. Говорят, граф заплатил ему лекарством, а отнюдь не деньгами. Темная история. Этот прежний владелец был верным последователем культа Сета, и в доставшемся ему от брата поместье попытался навести порядок. Уничтожал мелкие культуры, казнил жрецов враждебных ему течений, и немудрено, что столь нелегкое занятие быстро исчерпало его силы. До царства Нергала ему оставалось сделать всего пару шагов.

Стигиец ненадолго замолчал, запустил руку в густую шевелюру, а потом потянулся за кубком, предусмотрительно наполненным Конаном.

— Самое интересное, — продолжил стигиец, — что в недолгой истории этого поместья уже встречались люди, подобные предшественнику Бирафира. Они тоже пытались разрушить этот религиозный гадюшник, но все неизменно плохо кончали. И очень скоро.

— К чему вы ведете? — поинтересовался Конан. Что хочет сказать стигиец, он давно уже понял, но ему хотелось всё-таки выслушать собеседника до конца.

— Возможно, графа Бирафира не существует, — сказал стигиец. — Ни графа, ни его легендарных богатств. Возможно, бирафирцы, хотя правильнее их будет называть «леросцы», по имени предыдущих владельцев, устроили заговор с

целью захвата власти. А сам граф Бирафир — не более, чем призрачная фигура, которая никогда и не существовала. Как иначе объяснить, что его никто и никогда не видел?

— Может, он действительно урод, как говорят люди? — предположил Сигурд.

— Который в состоянии излечить человека от смертельной болезни, — продолжил мысль стигиец, — а от собственного недуга избавиться не в силах? Может быть. Только вот я в это не верю.

— Значит, предложим наше вино, — самоуверенно заявил Конан, — кому-нибудь из приближенных этого призрака. Или у вас найдутся более заманчивые предложения?

— Нет. Откуда? — сказал купец. — Впрочем, ваша идея не столь уж плоха.

В этот миг повозка подпрыгнула на кочке, и стигиец пролил вино себе на рубаху.

— Сет! — воскликнул купец. — Теперь лиловое пятно останется. Как некстати! Да, прошу извинить меня, что я вас так задержал. Ваш друг, наверное, уже беспокоится. Удачной торговли!

— Благодарим! — в один голос отозвались Сигурд с Конаном.

Стоило им выпрыгнуть из фургона, как слуги купца подвели пиратам оставленных им на попечение верблюдов. Ничуть не медля, северяне забрались на животных и направились к гостевым повозкам, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от гостеприимного купца.

Около повозки, в которой отдыхал Счастливчик, собралось немало караванщиков — как ох-

ранников, так и купцов. Но к тому моменту, когда Конан и Сигурд оказались на месте, они все уже расходились. Впрочем, несчастный вид оставленного в одиночестве зингарца хороших новостей не сулил.

— У нас больше нет денег, — «обрадовал» он друзей. — Совсем. Твоя птица, Сигурд, сбежала. Как выяснилась, направилась она в голову каравана, где находились предназначенные для продажи лошади. Твой полоумный попугай убил одну из них, и вдобавок догадался, гад, вернуться сюда. Вместе с ним пришли и те люди, которых вы сейчас встретили, и потребовали плату за погившую лошадь. Взяли все наши деньги и еще недовольны остались. На предложение прихватить еще и попугая не согласились.

— У нас новости не лучше, — сказал Конан, велев Счастливчику вылезать из фургона, где разговор могли подслушать, и перебираться на верблюда.

Когда трое друзей отъехали на расстояние, достаточное для того, чтобы не бояться быть услышанными, Сигурд начал рассказ о разговоре со стигийским купцом.

— Мы только что имели беседу с одним из «лиловых», — сказал он. — А может, с человеком, который хочет выдать себя за «лилового». Он предостерег нас от поездки в Бирафир. При том дав понять, что о нашем плане догадывается. Насстроен вроде был благожелательно, правда, имени своего не назвал.

— Счастливчик, ты видел графа Бирафира,

спросил Конан, — когда он приезжал в Сартос, чтобы отблагодарить тебя? Его кто-нибудь вообще тогда видел?

— Нет. Я встречал только его людей, — ответил зингарец. — Но я думал, что это не имеет значения.

— Похоже, что имеет, — сказал Сигурда.

— И немалое, — добавил киммериец.

— Бирафир! — воскликнул Зелт. — Бирафир! Культ, проклятый жрецами Кхарии. Бирафир-бессмертный! Бирафир-вечный! Тот, что был и будет! Бирафир!

— Проклятая птица! — прорычал киммериец и попытался ударить попугая тыльной стороной ладони, но тот ловко избежал подлого покушения на своё здоровье и перепорхнул на противоположное от Конана плечо Сигурда. — И без тебя настроение хуже некуда. Надеюсь, хоть с новостями на сегодня покончено.

По лицам спутников капитана «Вестрела» было понятно, что они полностью с ним согласны.

* * *

Эмилио стоял на коленях. Голова его была опущена. Из-за этого длинные волосы постоянно попадали в глаза, и ему приходилось отодвигать их рукой назад. Тщательно подбирая слова, он возносил молитву своей богине.

Храм Дэркето в поместье Бирафир был одним из самых первых строений, которое видит путник, прибывший со стороны Побережья. Это бы-

ло одно из самых высоких зданий в Бирафире. И одно из самых красивых. Наибольший интерес вызывали фрески из разноцветной слюды, на которых были изображены девушки, предававшиеся всевозможным любовным утехам. Эмилио, к своему стыду, признал, что кое-что из увиденного он даже вообразить себе до этого дня не мог.

Желание вознести молитву богине было совершенно импульсивным. Свою благодарность Дэркето он обычно выражал простым упоминанием ее имени, ну и тем, что иногда проводил ночи с кабацкими девицами, которые вроде как тоже считались жрицами богини.

Однако в последнее время удача стала ему сопутствовать слишком уж часто, и чтобы ее не отбивать, наемник решил пожертвовать квадрантом своего времени и парой-тройкой серебряных монет.

Служба во имя Дэркето, как выяснилось, коренным образом отличалась от поклонения другим богам. Когда Эмилио вошел в двери храма, его взяла под руку хорошеная темноволосая девушка и начала рассказывать о том, что ему предстоит совершить внутри. Сначала Эмилио показалось, что все очень даже просто. Когда он войдет в основное помещение храма, то в противоположном конце увидит статую богини. Он должен опуститься на колени и начать созерцать красоту Дэркето, а потом, глядя в пол, в молитве описать все прелести богини, расхвалить красоту тела ее, признаться в вожделении, что охватывает каждого при виде ее, — ну, и прочее.

Затем надлежит снова поднять взор на богиню, и попытаться увидеть что-то новое, что не сумел он заметить сразу, ну и, конечно же, рассказать об этом в следующей молитве. И так далее. Чем больше, тем лучше. Богиня отблагодарит. Правда, есть одна мелочь: нельзя ни что отвлекаться. Ни в коем случае, иначе богиня обидится.

Когда девушка отодвинула штору, закрывающую вход, аргосец подумал, что вряд ли можно назвать увиденные препятствия мелочью. Еще он понял, почему внутри, кроме него, только два паломника.

Мало кто захочет навлечь на себя гнев богини. Разве что, как он, по незнанию.

Помимо статуи перед его взором предстали два десятка соблазнительнейших девиц, у которых из одежды были только венки на головах (точно такой же красовался и на статуе). Чтобы отвлечь от молитвы двух предшественников аргосца, они разыгрывали перед ними представление, некоторые детали которого были явно почерпнуты из фресок, помещенных снаружи.

Мысль о том, что придется возносить хвалу какой-то каменюке, пусть и олицетворяющей богиню, когда вокруг творится подобное, казалась Эмилио сродни бреду.

Тем временем один из молящихся не смог больше просто наблюдать за девушками, его соблазняющими, и набросился на одну из них, желая принять самое непосредственное участие в творящихся игрищах. Жрицы Дэркето к такому

повороту событий оказались готовы, за несколько мгновений доведя мужчину до экстаза.

Вскоре ясность мысли вернулась к нему, и он осознал, что нарушил запрет, а значит в храме ему больше делать нечего. Кинув последний взгляд на статую богини, он направился к выходу.

На первом шаге его лицо было лицом крепкого тридцатилетнего мужчины. Сделав второй, он постарел лет на пять, что не заметил этого и по-прежнему шел вперед. После третьего шага лицо украсили старческие морщины, глаза утратили прежний блеск. На четвертом его волосы стали пепельно-серыми. Так с каждым шагом он становился всё старше и старше. Казалось, он понял, что происходит, но уже не мог остановиться и продолжал двигаться вперед.

Эмилио был настолько загипнотизирован этим зрелищем, что лишь в самый последний момент успел отскочить с пути несчастного. Когда рука того дотронулась до шторы, чтобы её отодвинуть, тело, не выдержавшее груза лет, рассыпалось прахом. Дэркето очень ревнива.

С этого момента жрицы для аргосца существовать перестали. Когда это требовалось, Эмилио умел спокойно подчинить плоть велению разума. Мысль о собственной смерти пугала, однако не стоило забывать и о другом. Коль скоро богиня быстра на наказания, то возможно, что и за наградой она не постоит.

Эмилио шесть раз поднимал взгляд на статую Дэркето и отыскивал все новые и новые прелести у каменного изваяния. Когда последняя хвалеб-

ная молитва подошла к концу, он решил, что пора убираться из проклятого храма. Но мысль о возможности скорой смерти вернулась и давила сильнее и сильнее, не позволяя спокойно обдумать сложившуюся ситуацию.

Начали раздражать самые простые вещи: волосы, что лезли в глаза, луч солнца, напекающий правое плечо, крики ребятни, доносящиеся с улицы. Аргосец понимал, что нужно просто встать и выйти, но... не мог. Слишком многое останавливало его. Боязнь того, что он был недостаточно почтителен, что речи его прозвучали неубедительно... В конце концов, и в храме-то он первый раз в жизни... Мысль о том, что, возможно, и он, подобно тому бедняге, рассыплется прахом возле красной шторки, крепко сковывала его по рукам и ногам.

— Встань, возлюбленный богини, — обратилась к Эмилио одна из жриц, невысокая светловолосая бритунийка, незаметно подошедшая к нему со спины.

Аргосец даже не подал виду, что услышал её слова. Интересно, они всех здесь «возлюбленными» называют или только особо отличившихся? Решили погубить не делом, так словом. Ничего у них выйдет!

— Встань, прошу тебя, — настаивала девушка. — Иначе богиня обидится.

Эмилио подумал, что она вытворяет совсем уж нечестные трюки! Что делать дальше, совсем непонятно. Чтобы он ни сделал, у Дэркето есть полное право его прикончить.

Жрице, видимо, надоели его сомнения, и она с немалой силой, которой Эмилио даже в его нынешнем состоянии успел подивиться, тряхнула наемника за плечо. Тот сначала никак не отреагировал и на это. Однако через несколько мгновений встал, встряхнулся и бодрым шагом направился к выходу, отвешивая встречным девушкам улыбки. Богине Эмилио послал напоследок пару воздушных поцелуев.

Выйдя из храма и обнаружив себя в полном здравии, Эмилио от души расхохотался. Теперь он понимал, что чувствует осужденный, идя на эшафот. Чувство полной свободы и уверенности в своем будущем. Мысль о том, что, если бы он погиб, то погиб бы красиво, смело приняв свою участь, грела аргосцу душу и заставляла гордиться собой.

Что делать дальше, Эмилио не знал. Заниматься делами в таком состоянии просто глупо. Сейчас он был ничем не лучше пьяного.

— А почему бы, собственно, не напиться, парень? — сказал Эмилио сам себе. — Кувшин розового офирского я уж точно заслужил. Надо же! Выбрался живым из такого места!

Оставалось только выяснить, где находится таверна. Этим вопросом аргосец и принялся досаждать мирным гражданам Бирафира. Те, видя, что молодой человек немного не в себе, удовлетворять его любопытство не спешили. Просветил в итоге наемника один из слепых, побиравшихся у храма Йштар Бирафирской. Таверна стояла практически по соседству с домом графа Бира-

фир, что Эмилио более чем устраивало, и он, не медля ни мгновения, отправился уменьшать запасы её винных погребов.

* * *

Таверна «Бирафир» была заполнена только на половину. Солнечный диск лишь недавно миновал точку на небе, отмечающую половину его пути, и местные жители еще и не помышляли о прекращении своих дневных трудов. Так что посетителями были в основном заезжие купцы да наемники. Попадались среди них и моряки. Поэтому Красный и Зеленый, сидевшие за столиком неподалёку от двери, вполне гармонично вписывались в общую картину. Двое пиратов, прибывших из Сартоса заработать денег за то время, пока маги разбираются с созданным ими штормом. Вот только работы в поместье не оказалось, и они вынуждены пропивать последние денежки. Самая обычная картина.

Пили служители Митры охлажденное вино местного выдела. Если Красный не пытался скрыть своего отношения к этому пойлу, то Зеленый просто наслаждался тем, что ему даровано в данный момент времени. Разговаривали они между собой довольно громко, не боясь быть услышанными. Ушёй остальных посетителей слова, произнесенные ими, не достигали. Одно из самых полезных боевых заклятий иногда использовалось и в обычной жизни.

— Как думаешь, — поинтересовался Красный

у своего собеседника, — дойдут они до нас или нет?

— Пожалуй, нет, — сказал Зеленый. — Мы всё-таки второй рубеж. Белый и Синий должны встретить зингарца у храмов. Там он и останется.

— Только в том случае, если Белый не сочтет ситуацию слишком опасной, — сказал Красный, покручивая ус и, видимо, пытаясь привыкнуть к появлению растительности на своем лице. — Или наш дорогой Синий выкинет какую-нибудь глупость.

Зеленый вздохнул, с сомнением посмотрел на кувшин с вином, который за квадранс их находления в таверне он осушил практически полностью, и в очередной раз к нему приложился.

— А я хочу, чтобы они до нас дошли, — суро-во заявил он, хлопнув рукой по столу. — Хочу сам прикончить этого ублюдка, из-за которого погиб Серебряный.

— Успокойся, ты, — произнес Красный, нехорошо посмотрев на приятеля. — Ты с такими идеями нас всех до Серых Равнин доведешь.

Зеленый наклонил голову, запустив руку в волосы, и какое-то время сидел молча.

— Знаешь, что мне кажется? — произнес он в конце концов. — До того, как мы убьем этого Счастливчика, наш отряд на два-три человека сократится. Это точно. Поверь, бывал я уже в таких переделках. Видимой опасности никакой, но всё идет наперекосяк.

— И тогда тоже выбирали добровольца? — спросил Красный.

— Да. На моем веку так случалось четырежды, еще трижды кидали жребий — ответил Зеленый и, вздохнув, добавил: — Но это не были мои друзья.

Красный молча продолжал теребить ус.

— Хотя странно, что он не сделал этот выбор раньше, — продолжил Зеленый. — Серебряный ненавидел то, что мы делаем. Он был совсем другим. Совсем.

— А кто он? — спросил Красный, наплевав на запрет разговаривать о жизни адептов вне Кольца Кинжалов. — Он ведь появился в отряде после тебя.

— Ты точно хочешь это знать? — с некоторой грустью в голосе спросил Зеленый.

Красный кивнул.

— Ладно слушай, — согласился Зеленый. — Это было триста с небольшим лет назад. На восточной границе Аквилонии свирепствовала чума. Никто не знал, откуда пришла болезнь. Она уносила на Серые Равнины всё больше и больше людей. Лекари, жрецы и маги ничего не могли поделать. В одном только Шамаре погибло две трети населения. Сёла вымирали целиком.

Однако, в итоге одному из магов повезло, и он разобрался, в чем дело.

Болезнь по непонятной причине не трогала его. В каждой сотне попадался лишь один такой человек. Говорили, будто их бережет Митра. Чушь! Самые обыкновенные люди...

Одним словом, этот маг пробыл в окрестностях Шамара достаточно, чтобы почувствовать

мощное, однако невероятно грамотно завуалированное заклятье.

Это было последнее, что он в своей жизни почувствовал. Но в гибели своей он виноват сам. Не стоило ему соваться в то село, где он рассчитывал найти мага, сотворившего болезнь.

Герой выискался! Хорошо, что хоть успел сообщить начальнику городской стражи, куда он направляется.

Чума же разрасталась с невероятной скоростью, причем, к нашему несчастью, она перекинулась и на Немедию. Тогдашний их король, Коэн, сгорячонка в Нергаловом пламени, был болван редкостный. Поставить грамотный заслон перед болезнью он не сумел, а вот собрать армию и повести её на соседа, чуму принесшего, оказался в состоянии. Видите ли, это мы так военную мощь Немедии подорвать хотим, что даже своих людей нам для того не жалко, и чуму наши маги сами создали. Болван!

Аквилония тоже выдвинула войско к Шамару. Происходящее напоминало бред. Латерана, наша тайная служба, попыталась тогда устроить в Немедии переворот, передав власть старшему сыну короля, который противился войне. Быстро сделать это у них не получилось, так что когда мы прибыли в Шамар, здесь царил полный хаос.

Отхлебнув вина, Зеленый продолжил:

— Нас снабдили амулетами, которые должны были обеспечить защиту от чумы. Только в них никто не верил. Правильно не верили, как выяснилось. Двое из отряда заболели и умерли еще до

того, как мы достигли той деревеньки, в которой скрывался маг.

Только чумы мы тогда и боялись.. Никому в голову не приходило, что мы не сможем с магом справиться. Мы — слуги Мирты, облеченные его милостью. Мы, отправившие на Серые Равнины стольких служителей Тьмы, что примись в Немедийской Академии наук составить их список, со счету бы сбились. Мы — Кольцо Кинжалов Мирты!

Только произошло всё совсем не так, как мы рассчитывали. В деревне всё ходуном ходить начало, только мы там появились. Бревна, топоры, вилы — чего только в нас не летело! Трупики скотинки разной на рога посадить норовили.

Сначала мы даже посмеялись над всем этим и спокойно шли к дому, где маг засел. Через нашу защиту такой мелочевке было не пробиться. Нас пятеро, а он один. Казалось, всё предрешено.

Но, когда до нужного дома оставалось шагов десять, вся наша магия вдруг сгинула без следа. Защита испарилась в один миг. Коричневого тогдашнего сразу доской зашибло. Один из наших к магу в дом полез. Что с ним стало, так и не знаю. Ну а я, Белый наш, и Желтый к выходу из деревни, что было сил побежали. Желтый, правда, так и не спасся: его два полуразложившихся быка на рога подняли. Гадкое было зрелище.

Красный выглядел более чем удивленным. Подав служанке знак, чтобы она принесла еще вина, он кивком попросил приятеля рассказывать дальше.

— Знаешь, в тот день многое в моей жизни поменялось. Я ведь и вправду верил, что если погибну, то непременно к Митре на небеса попаду. Я же его слуга истинный, и все те мерзости, что творю, делаю исключительно во благо света.

Если всё действительно так, то не хочу я Митре служить. Не мой это бог! — Зеленый глубоко вздохнул, еще раз глотнул вина и продолжил: — Мы бежали из той деревеньки что было сил. Было настолько страшно, что даже о направлении не задумывались.

К вечеру мы набрели на маленькую часовенку, располагавшуюся на холме рядом с одним из погибших сел. Каково же было наше удивление, когда мы увидели свет, горящий внутри, и услышали голоса людей. Любопытство наше пересилило страх перед заразой, и мы вошли внутрь.

К нам вышел молодой митрианский монах с очень доброй улыбкой.

Он представился. Звали его Серафим. Монах рассказал, что внутри часовни он с братьями организовал приют, где лечит от ран и болезней. Всех. И солдат — что немедийских, что аквилонских, — и жителей сельских, и горожан. Всех, кому нужна была помощь. Я было собрался ужаснуться такому рассаднику чумы, но обратил внимание на то, что внутри нет никого с признаками этой болезни. И вообще вся обстановка была удивительно братская: двое аквилонских солдат ухаживали за немедийцем, потерявшим в боях обе ноги, какая-то знатная дама разносила еду крестьянам, митрианцы бегали от одного больно-

го к другому, стараясь не оставить никого без помощи и утешения.

Серафим рассказал нам, что Митра всегда готов защитить тех, кто в него верит, кто готов жизнь свою отдать, а другого спасти. Потому не делали они с братьями разницы между людьми, помоему просившими. Чумы в самом начале они не испугались, решив, что всё руках Митры, и коли решит он забрать их жизни, так тому и быть. Но болезнь их не тронула. Каждый, кто приходил сюда, выздоравливал.

Серафим предложил нам ночлег и скромный ужин. Мы с радостью согласились. Только на душе было всё равно неспокойно. Несмотря на то, что здесь тепло и хорошо, вокруг продолжали гибнуть люди, а как остановить мага — мы не знали. То, что оказалось не по силам пятерым, вряд ли удастся осуществить двум выжившим.

Поужинав, Белый велел мне отправляться спать, а сам пошел к алтарю и всю ночь молился Митре с тем, чтобы тот ниспоспал ему решение нашей проблемы. Наутро я узнал о нем. Все пять монахов должны были облачиться в Цвета, принести наши клятвы и отправиться во второй поход на мага. Серафим и остальные братья уже знали обо всем. Они согласились. Только Серафим истребовал от нас обещание дать ему шанс взять мага живым, ибо любое убийство претит учению Митры. Белый согласился.

Оставив приют на попечении немедийского десятника, немного разбиравшегося в лекарском ремесле, мы двинулись в ту проклятую деревню.

Заряженных амулетов почти не осталось, а потому рассчитывать мы могли лишь на удачу. У самой границы деревни Серафим заявил, что хочет пойти к магу в одиночку и уговорить того сдаться. Я в подробностях рассказал ему о том, что произошло, когда мы были здесь в первый раз, и поинтересовался: по-прежнему ли тот хочет идти на переговоры. Монах поблагодарил меня и снял с себя все защитные амулеты, заявив, что теперь он точно знает, что они ему не понадобятся.

— Это был Серебряный? — перебил рассказчика Красный.

— Да. Когда он шел к дому, я про себя гадал, как именно он погибнет. Но он делал шаг за шагом, и ничего не происходило. Ничто не шевелилось. Я было тоже рванулся вперед, но Белый сжал мне плечо, показывая, что я там буду явно лишним. Так Серафим беспрепятственно дошел до дома, служившего магу логовом. Мы ждали чего угодно: гибели Серебряного, каскада молний, сметающего с лица всю деревню, монаха, выволакивающего упирающегося руками и ногами стигийского мага.

Произошло же совсем иное. Серафим вынес на руках чумазую девушку лет семнадцати. Связано говорить она не могла, только всё время плакала. До меня не сразу дошло, что это и есть наш маг. Когда Белый, заметив моё замешательство, приподнял бровь, давая понять, насколько он удивлен видом нашего противника, я осознал, что мы победили.

Белый запретил нам пытаться проникнуть в

ныне пустующий дом, опасаясь оставленных ловушек. Девушка за всю обратную дорогу до Тарантии не проронила не слова и ни на шаг не отходила от Серафима.

В столице мы отдали её в руки магов, которые пообещали всем нам — и Серебряному, в частности, — что ничего плохого с ней не сделают. Обманули. Я об этом узнал через год после тех событий. Тех мучений, что бедняжка вытерпела перед смертью, не пожелал бы никому. С Серафимом я этим своим знанием так и не поделился, но мне кажется, что он всё-таки узнал правду. Он не принимал смерть, не считал ее за меньшее зло. Ему было не место в Кольце Кинжалов. Убийство претило его натуре.

Мне кажется, что он оставался среди нас, надеясь уменьшить количество невинно убиенных и смягчить наши сердца, чтобы мы тоже когда-нибудь прозрели.

— Так что же тогда произошло? — спросил Красный. — Что это была за девушка? Как она смогла сотворить столь сложное заклятье?

— Не знаю, — пожал плечами Зеленый. — Нас не допустили к результатам расследования. Если хочешь, можешь поинтересоваться у магов или в Латеране. Только я очень сомневаюсь, что они соблаговолят тебе ответить.

— А всё-таки ты неправ, — сказал Красный. — Митра защитил Аквилонию. Он призвал к нам человека, способного остановить чуму.

Зеленый грустно хмыкнул.

— Только сомневаюсь, что Серебряный согла-

сился бы на эту роль, если бы знал, какую цену ему предстоит заплатить.

— О чём ты? — не понял Красный.

— В той часовне, где мы ночевали, — сказал Зеленый, — я забыл свой колчан с метательными кинжалами. И когда отряд отправился в Шамар, а потом в Тарантию, я сделал небольшой крюк, чтобы забрать их. Того, что я увидел, мне не забыть никогда. Все находившиеся внутри часовни были мертвые. Чума забрала их. Не выжил никто. Об этом я тоже не говорил никому.

— Тогда почему говоришь сейчас? — спросил Красный.

— Да потому, что здесь, в Бирафире, я чувствую то же самое, что в той проклятой деревне, — ответил Зеленый, проводя отрешенным взглядом вошедшую внутрь таверны жрицу Иштар. Платье ее было черно-красным. Митрианец машинально отметил про себя, что местные взгляды на хайборийских божеств далеки от традиционных. — Некому будет меня осудить за мои слова, а может, и некого будет осуждать.

— И что же ты чувствуешь? — довольно серьёзно спросил Красный.

— Что всё, что мы видим, — иллюзия, — после небольшой паузы ответил Зеленый. — Что на самом деле всё совершенно не такое, каким кажется. Мне тяжело объяснить.

— Бирафир? — уточнил Красный.

— В первую очередь. Но не только. Слишком много всего непонятного вокруг. Но на этот раз я хочу раскрыть тайну!

Зеленый в ожесточении стукнул кулаком по столу, чем привлек себе взгляды собравшихся. Митрианец не преминул ответить на каждый из них, дав понять, что на месте стола вполне могут оказаться зубы любопытствующих. Связываться с подвыпившим моряком никто не пожелал. Вот только аргосец с темными волосами, постоянно лезущими в глаза, слишком долго сохранял на своем лице ухмылку.

Зеленый внимательно вглядился в него и, поняв, что парень сильно навеселе, выяснить отношения не стал.

— Мне кажется, пора применить заклятье, освежающее голову, — предложил Красный и шутя добавил: — Я, как человек благородного происхождения, вправе указать вам на это.

— Мне графья не указ! — презрительно бросил Зеленый.

— Тогда позвольте узнать ваш титул! — всё в таком же шутливом тоне продолжил Красный.

Зеленый, прищурив правый глаз, оценивающе взглянул на него.

— А, Нергал с тобой! — решился он в конце концов. — Послушай одну маленькую сказочку. Может, она даст ответ на твой вопрос. Жил-был король, было у него четыре сына. Король был старый и мудрый. А ёщё он был слишком добродушный, а потому все соседи оттяпали у его королевства по хорошему куску.

Старший сын пошел весь в отца. Очень строить любил. Если бы стал он королем, то наверняка бы прозвище Строитель заполучил. Но коро-

лем ему было стать не суждено. Погиб он на королевской охоте, упав с коня и сломав себе шею.

Произошедшему никто особенно не удивился. Уж очень плохим наездником был принц и на охоту поехал только из-за бесконечных уговоров своей женушки, не желавшей отрываться от общества. Горе поднялось во дворце великое. Сердце короля не выдержало смерти сына, и оказался старик прикованным к смертному одру.

Одно утешение осталось у отца. Сынишка пятнадцати лет от роду, Сиги. Всё своё время у папеньки проводил, его деньки скрашивая.

На второго же сына, Рожера, наследником ставшего, навалились все несчастья, какие только можно себе представить. То вино за его столом окажется отравленным, то убийца в комнате подстережет. Невезение сплошное, одним словом.

И решил Рожер разобраться, из-за чего жизнь его стала такой невесёлой.. Выяснил наследник, что «чем-то» этим был третий сын короля, Март. Всё сходилось так, что лишить его жизни собирался единокровный брат.

Разгневанный Рожер отправился к Марту в покой и предложил своей рукой осуществить задуманное, а не подсыпать наемников. Только он, Рожер, будет этому, так сказать, противиться. Март всё отрицал, но всё же был вынужден согласиться на поединок, в котором и пал от руки брата.

Но стоило шпаге пронзить сердце несчастного, как в покой воровалась королевская стража и скрутила победителя. Короля новость о произо-

шедшем довела-таки до Серых Равнин, и его похоронили в один день с сыном. Сиги проявил воистину королевскую милость, пощадив кровавого брата. Убийцу отправили в митрианский монастырь. Там через несколько лет он потерял своё имя, зато обрел цвет.

— Но не Март же был виновником тех несчастий? — спросил Красный.

— Нет, конечно, — ответил Зеленый. — Даже в столь юном возрасте Сигиберт был тактическим гением. Впрочем, для Аквилонии неплохо, что королем стал именно он.

— Настолько спокойно к этому относишься? — удивился Красный.

— Чему же огорчаться? — ухмыльнулся Зеленый. — Сигиберт хоть и царствовал, а в сорок пять лет всё равно на Серые Равнинны гулять пошел. А я уже четыреста лет живу!

Красный сидел, раскрыв рот.

— Ладно. И вправду пора применять заклятье, — уже серьёзно сказал Зеленый. — Мы тут с тобой разговорились, а зингарец с северянами уже у входа в поместье быть должен. Нехорошо будет, если капитан застукает нас в таком виде.

* * *

Музыка была повсюду. Она зачаровывала. Сначала она лилась тихо, ласкающее. Щебетание птиц, шелест листьев постепенно слились в единую мелодию, и она звучала всё настойчивей и настойчивей. В неё включились музыкальные ин-

струменты, потом к ним добавились голоса людей.

Белый мог слышать пение каждого, несмотря на единовременность происходящего. Вот только язык, на котором сложены песни, был ему не знаком, но красота его поражала.

Мелодия начала отражаться и в окружающем мире. Вокруг появились новые краски, штрихи которых ложились на окружающее сообразно ритмике звучащей в его голове музыке.

Начал меняться и он сам. Мысли и чувства подчинялись гармонии, которую задавала мелодия. Волна за волной накатывали на его сознание, очищая его от ненужных мирских ощущений. Потом он почувствовал запах спелых персиков. Остатки его прежней сущности восстали против происходящего, но очередная волна смыла их, подобно песчинкам.

Постепенно чарующие звуки начали стихать. Это причинило Белому такую боль, какой он не испытывал за всю свою долгую жизнь. К счастью, он сумел проследить направление, в котором двигались незримые музыканты. Вершина его сознания была теперь чиста.

К нему вернулась способность говорить и самостоятельно контролировать свои движения. Это означало, что он сможет устремиться в погоню за музыкой.

И снова возник аромат персиков. Но на этот раз Белый не обратил на него внимания.

* * *

— Мне необходимо получше осмотреть это место, — сказал Белый, махнув рукой в сторону строения, находившегося за храмом Эрлика Бирафирского. — Зингарец точно его не минует. Посмотрю, где можно устроить там засаду.

Синий с удивлением взглянул на товарища. Он определенно не понимал, зачем Счастливчику посещать конюшню и свинарник, что располагались за храмом. Конечно, Белому знать лучше, но почему он решил сообщить об изменениях в плане именно сейчас?

— Хорошо, — отозвался он. — Пошли.

— Не стоит, — произнес одетый в белое молодой щеголеватый дворянин, нервно переступая с ноги на ногу. — Я справлюсь и один. Отправляйся в таверну. Красному и Зеленому на глаза не попадайся. Подстрахуешь их в том случае, если дела пойдут не так, как мы рассчитываем.

— Ты уверен? — переспросил Синий, отлично понимая, что сейчас получит очередную отповедь.

В своих ожиданиях он не ошибся.

— Не забывайся! — довольно громко рявкнул Белый, чем обратил на себя внимание немногочисленных прохожих. Скоряющиеся в полный голос аквилонские дворяне были редкостью в этих краях. — Отправляйся.

Синий пожал плечами и направился в сторону таверны, поборов искушение выждать и приследить за командиром. Всё происходящее было

довольно странным. Зачем менять первоначальный план, он даже представить не мог.

Он и Белый должны были устроить нападение на путников, следовавших с караваном. Среди прочих планировалось убить зингарца и одного из северян, а затем скрыться в джунглях. Красный и Зеленый, изображавшие матросов с «Вестрела», присоединялись к капитану или его помощнику (кому повезет прожить чуть дольше), чтобы быть в состоянии спокойно контролировать происходящее и не допустить ненужного вмешательства со стороны «лиловых».

Если им с Белым по каким-либо причинам не удастся осуществить задуманное, то Красный и Зеленый сами отправляют на Серые Равнины искателей сокровищ.

Коричневому вменялось в обязанности отслеживать магические проявления в Бирафире. В случае обнаружения чего-либо подозрительного, способного повлиять на исход операции, он должен был незамедлительно лично устранить зингарца, несмотря на все возможные последствия такого шага.

Желтый в операции задействован не был. Его задачей было просто наблюдать за происходящим в Бирафире. Права на вмешательство он не имел.

Белый решил, что немагические препятствия не могут быть существенными. Синий в принципе согласился с таким решением командира. Желтый не настолько умен, чтобы распознать реальную опасность. Хороший рубака, но не более того.

Теперь же неожиданно в резерве оказался и он сам. Но это еще не самое непонятное. Более интересным представлялось поведение Белого. В сказку про засаду в свинарнике Синий, конечно же, не поверил. Просто от него решили отделаться. Для чего? В голову приходил единственный ответ: чтобы не мешал. Чему?

Устранение Счастливчика было настолько важно, что один из членов отряда согласился добровольно расстаться с жизнью ради успешного завершения миссии. Что такого важного в этом зингарце? Белый, несомненно, знал ответ, однако делиться им не спешил. Впрочем, это и неважно. Достаточно знать, что жизнь — а вернее, смерть Счастливчика, — намного ценнее их собственных жизней.

И тут происходит нечто, что отвлекает Белого от операции. Нечто еще более важное. Возможно, он заметил слежку со стороны «лиловых»? Нет. Тогда следовало бы отправляться навстречу каравану и прикончить зингарца прежде, чем они попадут в лапы магам Побережья. Возможно, какое-то необычное локальное явление, проявившееся в районе храма Эрлика? Тоже исключено! Если это настолько важно, то следовало бы оповестить весь отряд, а не прятаться от Красного с Зеленым.

Появилось, правда, у Синего еще одно предположение, которое он счел совсем уж невероятным. Белого могли околодовать. Тогда все его действия представлялись более чем логичными.

Только подобное невозможно. Абсолютно. Че-

рез все те амулеты, что навешаны на них сейчас, не пробиться даже самому умелому магу.

В итоге Синий решил ничего не предпринимать и следовать указаниям Белого. Красный и Зеленый прирежут пиратов и зингарца, и тогда уже можно будет спокойно решать проблему с необычным поведением командира. Если таковая подтвердится.

Колокол пробил всего дважды после наступления полудня, но народу на улицах заметно прибавилось. Местные жители рано начинали трудовой день и рано его заканчивали. Только здесь они шли не в кабаки, где за бокалом охлажденного вина можно переждать жару, а расходились по храмам. Синий с удивлением смотрел, как двое влюбленных шли, держась за руки, по улице, а потом, поцеловавшись, разошлись. Парень направился в храм Митры Бирафирского, а девушка — в храм Сета Бирафирского. И это был не единичный случай. Представители совершенно противоположных религиозных направлений спокойно сосуществовали в пределах одного поместья.

Так что, подойдя к таверне, Синий ничуть не удивился тому, что не видит местных среди людей, входящих внутрь. Да и заезжих купцов было, впрочем, тоже не слишком много. Митрианец высматривал себе какое-нибудь убежище, где он мог, оставаясь незамеченным, наблюдать за всеми прибывающими гостями. Пропустить зингарца он не желал.

Рядом с таверной располагались помещения,

предназначенные для постоя животных. Делились они на две части: верблюжью и лошадиную. И если первая была более менее заполнена, то вторая пустовала. Наблюдение также показало, что прислуга заходит лишь к верблюдам, чтобы накормить их или почистить.

Из лошадиной части практически идеально просматривался подход к дверям таверны, а интереса к ней никто не проявлял. Одним словом, лучшего места, чтобы скротать пару квадрансов, оставшихся до прибытия Счастливчика, подыскать трудно.

Оставалось только незаметно пробраться в эту конюшню.

* * *

Эмилио стоило больших усилий отказать себе в удовольствии выпить кувшин аргосского. К тому времени, когда он добрался до таверны, ощущение близости к Серым Равнинам прошло. Так же вернулась способность рационально мыслить. Так что вино решено было заменить соком.

Публика, собравшаяся в зале, показалась аргосцу вполне обычной. Но чувство, что вокруг что-то неправильно, возникло почти сразу и отступать никак не желало. В конце концов, он понял, кто именно ему не нравится. Двое моряков, сидевших у входа в таверну и в неумеренных количествах поглощавших вино.

Тот, что постарше, с огромным шрамом на лице, увлеченно рассказывал о чем-то приятелю.

Если Эмилио хоть что-то понимал в мимике и жестикуляции, слова моряка в бело-зеленом одеянии должны были разноситься по всему заведению. Вместо этого от столика у двери доносился лишь непонятный шепот. Невозможно было даже распознать язык.

Магия. Стандартное заклинание, не дающее подслушать разговор. Эти двое кого-то ждали: пускать магию в дело проето так — чересчур рассточительно. Судя по их одежде, вероятность того, что этим «кем-то» являлись Конан с Сигурдом, была довольно велика. Эмилио попытался понять, на кого работают «моряки». На ум приходили два очевидных варианта: «лиловые» или одна из жертв карты, проданной Счастливчиком.

Переодетые наемники оставляли странное впечатление. С одной стороны, их маскировке оставалось лишь позавидовать. И магией, опять же, владеют. Но то, насколько они непрофессионально себя ведут, поражало.

В этот момент один из «моряков» ударил кулаком по столу, чем привлек к себе внимание всех собравшихся. Эмилио настолько удивился подобному поведению наемника, что он не успел вовремя отвести взгляд. К счастью, седой «моряк» не обратил на него особого внимания.

Эмилио вспомнил о тех семи убийцах, что действовали в Сартосе. Да, внешне они от этих двоих отличаются разительно, но изменить черты лица при помощи магии вполне реально. Сложно, в принципе, но возможно.

В любом случае вопрос о нанимателе оставал-

ся открытым. В то, что им был один из Хозяев, Эмилио, честно говоря, не верил. Слишком это сложно, даже для стигийских магов. Хотели бы они прикончить зингарца — давно прикончили бы. В этом аргосец не сомневался. Если же в задачу неуязвимой семерки входило принудить Счастливчика к каким-либо действиям, то стоило признать: справлялись они с ней плохо.

Скорее всего, какой-то сторонний человек пожелал смерти мошенника. Однако он должен быть сказочно богат. Сколько могли запросить за услуги убийцы из «Морского Змея» — даже сложно представить. Подобную сумму мог позволить себе лишь монарх одного из крупных Хайборийских государств. Эмилио усмехнулся тому, сколь широко развернул свою деятельность Счастливчик.

Соседство намечалось довольно неприятное. Если ему удастся убить зингарца, скорее всего, семерка им заинтересуется. И причин, по которым они должны в итоге оставить ему жизнь, Эмилио назвать не мог.

Возможно, лучше всего дождаться, пока убийцы не выполнят за него его работу. Вот только тогда он не сможет считать, что в полной мере отомстил за погибших товарищам. К тому же аргосцу хотелось разрешить загадку сокровища. И дело было не только в деньгах, которые он собирался требовать с Рашила. Любопытство, однажды проникнув в его душу, теперь стискивало её стальной хваткой и отпускать не собиралось.

И Эмилио принял решение, которое казалось

бредовым ему самому. Но, к сожалению, других вариантов просто не оставалось. Аргосец решил по мере возможности помогать пиратам и Счастливчику. Без него у них не будет ни единого шанса ускользнуть от убийц.

Аргосец привычным жестом отбросил волосы со лба и махнул рукой, давая понять, что собирается расплатиться.

Симпатичная смуглая девушка подошла к нему и сообщила, сколько он должен за сок. Эмилио отдал деньги и направился к выходу, не глядя на мнимых моряков. Он собирался перехватить северян и зингарца до того, как те достигнут Бирафира. Времени в запасе было немного, но Эмилио надеялся успеть.

Предстояло, правда, объяснять, кто он такой и откуда ему стало известно об убийцах. Придумывать было лень, и Эмилио решил, что соврет что-нибудь на месте.

Но то, что он увидел, едва покинув таверну, заставило его выбросить из головы все планы. Человека, вбежавшего в конюшню, Эмилио не суждено забыть никогда. Долгих три года он являлся ему в ночных кошмарах.

Оли. Так его звали. Пять лет назад их судьбы пересеклись в столице Пуантена при обстоятельствах, о которых Эмилио вспоминать совсем не хотелось.

Аргосец тогда был совсем молод и иногда ввязывался в авантюры, многие из которых были не слишком благоразумными. Эмилио и пятеро его друзей подрядились прикончить одного дворяни-

на, который чем-то обидел другого. Наниматель платил очень хорошо.

Теперь Эмилио понимал, что стоило сперва разузнать все обстоятельства, послужившие причиной для их найма. Тогда он смог бы догадаться, что наняли его люди того самого графа, который и должен был стать их жертвой. В случае неудачного покушения на свою жизнь он мог выдвинуть обвинения против мнимого нанимателя, который, впрочем, и в самом деле жаждал его смерти.

Причиной размолвки благородных особ послужила честь дочери одного из них, на которую довольно удачно покусился сын другого. Девицу эту Эмилио в итоге увидел и понять, зачем кому-то понадобилась её честь, не сумел.

Но до этого было неудачное нападение на экипаж графа, следовавший в Тарантию. Все товарищи Эмилио тогда погибли, а его самого поместили в городскую тюрьму. Там он и встретился с местным палачом. В течение четырех седмиц каленым железом он добивался от Эмилио дачи «правильных» показаний. Правда, аргосец уже на третий день понял, какие именно слова от него хотят услышать на суде, и согласился произнести их. Вот только Оли на это было плевать: ему нравилась его работа, он получал от нее удовольствие и выпускать Эмилио из своих лап не торопился. Через какие муки только не прошел за это время аргосец!

Но хуже всего был страх. Оли умел заставить бояться себя. Больше всего Эмилио опасался, что

палач нанесет ему какое-нибудь увелье, с которым жить он просто будет не в силах. Оли почти сразу догадался об этих его страхах и очень умело на них играл.

Глаза, сухожилья, пальцы рук и ног, уши, нос: со всем этим Эмилио успел не раз мысленно прощаться... Самым же ужасным было то, что аргосец никак не мог прекратить эти издевательства.

На судилище Эмилио сумел выступить настолько умело, что жизнь ему всё-таки сохранили, приговорив к пожизненным работам на рудниках. Но провел он там чуть меньше года: смышленого паренька заметил один из агентов Латераны и убедил начальство взять Эмилио на службу. Однако большого желания работать на Аквилонию, в которой его постигло столько несчастий, у аргосца так и не возникло. И он, инсценировав свою смерть, перебрался в Хоршемиш, где и встретил Рузеса. Вот только прежде, чем покинуть Пуантен, он дал клятву, что однажды вернется сюда и отправит Оли на свидание к Нергалу.

Увидев своего заклятого врага в Бирафире, Эмилио немало удивился. А уж то, что палач был одет, как средней руки дворянин, показалось ему совсем странным. Впрочем, это никак не повлияло на решение, принятое Эмилио. Оглядевшись по сторонам и поняв, что за ним никто не наблюдает, аргосец направился в конюшни вслед за лысым палачом. Тот преспокойно растянулся на стоге сена так, словно кого-то

ждал, вместе с тем понимая, что времени в запасе у него предостаточно. Эмилио он не узнал.

— Что тебе здесь понадобилось? — недовольным голосом произнес Оли, поправляя синюю треуголку, съехавшую на одного ухо.

— Не узнаешь? — поинтересовался Эмилио, нехорошо ухмыляясь.

— А что, должен? — спросил Оли. — Может, я и каждого местного нищего по имени знать теперь обязан?

Эмилио вытащил меч из ножен и начал приближаться к своему врагу.

— Нет, нищих ты знать не обязан, — произнес он. — А вот своего убийцу лучше припомнить. Иначе мне перед смертью мне придется тебя хорошенько помучить, чтобы освежить твою память.

Синий вскочил на ноги и, вынув меч, начал перемещаться в ту часть конюшни, которая снаружи не просматривалась.

— Так ты поиграться захотел? — усмехнулся палач. — Сразу бы сказал. Я не прочь поразмяться. Ты же помнишь, я это хорошо делаю... Эмилио.

Оли расхохотался, а Эмилио бросился в атаку. Палач с легкостью отбил его первый выпад, правда, сам нападать не спешил. Эмилио трижды проверял его защиту, но аквилонец не допустил ни единой ошибки. Улыбка с лица Оли уже не сходила. Раз за разом он показывал Эмилио бреши в своей обороне, но в последний миг ускользнул от смертельных ударов.

Потом эта игра надоела палачу, и он начал новую. Оли ринулся в атаку, столь мощную, что Эмилио даже не мог помыслить об ответных выпадах. Аквилонец наносил аргосцу царапину за царапиной так, чтобы тот, не утратив сил, осознал собственную беспомощность.

Эмилио происходящее напомнило те дни, что он провел в пленах в Пуантене, и с яростью, что обуревает иногда нордхеймцев в бою, он ринулся на своего противника. Два укола в ноги очень быстро остудили его пыл, и аргосец снова ушел в глубокую оборону.

Оли, похоже, надоело играть с беспомощным противником, и он наносил все более болезненные удары. Эмилио проклинал себя за глупость. Как можно было так неразумно ввязаться в драку?! Почему он решил, что мечом владеет лучше, чем этот проклятый палач?! Обидно, что придется умереть от рук этого негодяя. Обидно и глупо.

В этот миг в конюшню ворвался отряд стражи, видимо, привлеченный шумом сражения. Эмилио подумал, что у него появился шанс остаться в живых. Командир стражи громко потребовал прекратить сражение и бросить оружие. Одновременно и он сам, и пятеро его подчиненных вынули сабли из-за плеч — на тот случай, если слов окажется недостаточно.

— Подожди немножко, — сказал Оли противнику, отклонив в сторону его меч и ударив аргосца левым кулаком по лицу. Эмилио отлетел локтей на пять и к тому же при падении стукнулся затылком, из-за чего перед глазами всё поплыло. —

Сейчас разберусь со стигийцами, а потом мы продолжим.

Стражники, надо отдать им должное, ситуацию оценили сразу. Для начала они оттеснили Оли подальше от Эмилио, а затем попытались его окружить. Оружие бросить уже не требовали. Оли расхохотался и атаковал одного из стражников. От двух ударов стигиец сумел защититься, но третий вскрыл ему глотку. Действовал аквилонец столь быстро, что никто из стражников не смог помочь товарищу.

Когда стигийцы наконец взяли аквилонца в кольцо, двое из них одновременно начали атаку. Оли не шелохнулся. Два лезвия прошли сквозь него, не причинив ему никакого вреда. Крутянувшись на ногах, аквилонец на одном движении поразил обоих противников. Трое выживших с ужасом смотрели на Оли.

— Ну что же вы?! — воскликнул он. — Атакуйте, я жду.

Одновременно с этими словами он смешался к выходу из конюшни, чтобы перекрыть стражникам путь к отступлению.

Эмилио наконец понял, на кого имел неосторожность наброситься. Следовало связать появление Оли в Бирафире с семеркой убийц. Аквилонец мог оказаться в этих краях, только если у него была в этом острая необходимость. Дворянский же наряд палача должен был навести на мысли о маскировке, а отсюда до убийц всего один шаг. Плюс ко всему те смерти оступившихся служителей Митры, о которых говорили в

Сартосе. Теперь Эмилио уже не сомневался, что то было дело рук Оли, двух «моряков» из таверны и еще четырех человек, которые сейчас тоже наверняка находятся в Бирафире.

Правда всё это уже не имеет никакого значения. Ему конец.

Двое из трех выживших стражников всё-таки решили напасть на Оли. И снова сталь не причинила аквилонцу никакого беспокойства. Но на этот раз ответным выпадом он смог достать только одного стражника, да и то задел лишь руку. Оли рассмеялся. Умелое сопротивление явно доставляло ему удовольствие.

Аквилонец приближался к стражникам, покручивая в руках меч. Тут один стигийцев не выдержал и рванул, что было сил, к выходу. Оли чуть-чуть смеялся в сторону, пропуская стигийца. Когда тому оставалось сделать всего лишь один шаг, чтобы оказаться вне пределов достичьаемости меча аквилонца, Оли быстрым движением лишил несчастного головы.

Тем временем Эмилио пришла в голову одна неплохая идея. Если повезет, то он может и спастись. Вот только слишком уж сильно должно было повезти. Оли был настолько уверен в своей неуязвимости, что на удары стражников даже не обращал внимания. В этом и заключался шанс на спасение.

Будучи правой рукой Рузеса, Эмилио был обязан заучить элементарные заклинания. Практической пользы от них мало, но произвести впечатление помогали. Рузес был самоучкой, а пото-

му конструкция его заклятий отличалась от стандартной. Да, основы их взяты из стигийской магической школы, но так как Рузес регулярного обучения не проходил, чередование различных элементов заклятий было другим. Стигиец объяснял Эмилио, что от заклятий самоучки нельзя закрыться. Они слабы, разрушить их действие ничего не стоит, однако первичная защита может быть рассчитана только на использование «правильных» заклинаний.

Эмилио подозревал, что Оли не смог бы сейчас одолеть даже опытный маг из Черного Круга. Аквилонец защищен и от стали, и от магии. Он знает это, а потому в своей неуязвимости не сомневается.

Среди заклинаний, которым Рузес обучил аргосца, имелось заклятье разрушения магии. Применялось оно в основном для того, чтобы снимать защиту с различных замков. Эмилио решил испробовать его на Оли. Он надеялся, что идеи его учителя окажутся верными, и хотя бы на миг Оли лишился своей защиты. Еще, в глубине души, он рассчитывал на помощь Дэркето: не зря же он столько ей молился! Дождавшись, когда последний из оставшихся в живых стражников пойдет в атаку, Эмилио выкрикнул заветную формулу. Сабля стигийца прошла сквозь живот Оли и... осталась там. Аквилонец безумно заорал, не в силах перенести боль. Стигийца, однако, он всё-таки зарубил.

Упав на колени, Оли пополз к выходу из копюшни, продолжая жалостно стонать. Сабля сти-

гийца так и торчала у него в животе, но крови не было.

Эмилио не стал дожидаться, пока на крики раненого сбежится весь трактир. Подбежав к бывшему палачу, аргосец оглушил его ударом эфеса меча по голове. Убивать аквилонца Эмилио не спешил, решив, что сначала вытрясет из него побольше информации. Если Оли, конечно, выживет. С подобными ранениями аргосец еще никогда не сталкивался.

С трудом оттащив бессознательное тело в дальний конец конюшни, Эмилио прислонил его к стене, а сам занялся трупами стражников. Не хватало только, чтобы их нашел какой-нибудь служка из таверны. Аргосец побросал тела в одно из стойл, завалил их соломой и, как мог, вытер кровь. Затем подошел к Оли и, убедившись в том, что аквилонец всё еще жив, уселся рядом с ним и стал ждать, пока тот очнется.

* * *

Коричневому было очень стыдно. Он должен был следить за тем, не появился ли в городе какой-нибудь маг, способный помешать Кольцу Кинжалов прикончить Счастливчика. Но побороть искушение посетить храм Митры Бирафирского он не смог. В этом поместье все религиозные течения претерпели такие изменения, что с исходными верованиями могли вообще не иметь ничего общего.

Он, честно говоря, не рассчитывал, что жреца

Сета, в чьем облике он сейчас пребывал, пустят внутрь. Но бирафирская веротерпимость казалась бесконечной. На улицах Коричневому встречалось немало последователей культов, которые во всем остальном мире враждовали, а здесь могли вести задушевные беседы. Так что и местные митрианцы никаких препятствий магу чинить не стали.

Храм Митры Бирафирского разительно отличался от всех остальных, посвященных этому богу. Огромное каменное строение, ничем не украшенное, но тем не менее производящее сильнейшее впечатление. Потолок был расположен столь высоко, что оставалось только дивится мастерству строителей.

Большая часть помещения была заполнена скамьями, на которых располагались посетители. Возле алтаря стоял жрец, облаченный в отнюдь не традиционную для митрианцев черную одежду, и вешал о своей вере. Слушателей сначала было не очень много. Коричневый отметил про себя, что для того, чтобы заполнить храм полностью, не хватит даже всех жителей Бирафира. Судя по всему, столь огромное пустующее пространство являлось еще одной архитектурной задумкой.

Воздух внутри храма был свежим и прохладным. Коричневый попытался уловить, с помощью какого именно заклинания был достигнут подобный эффект. Однако у него ничего не вышло. Маг-митрианец немного удивился этому, но потом пришел к выводу, что, скорее всего, дело в

правильной организации поступления воздуха снаружи.

Производило впечатление и звуковое оформление происходящего. Откуда-то издали доносились журчание воды, пение птиц. Время от времени слышались звуки каких-то музыкальных инструментов, которые мгновение спустя замолкали, и возникало впечатление, что на самом деле то была всего лишь игра воображения. Впрочем, может, так оно и было в самом деле. Жрец, возносивший молитвы и читавший проповеди, очень умело пользовался голосом, переходя то на шепот, то на крик. Казалось, он был такой же неотъемлемой частью храма, как камни, из которых состояли его стены.

Постепенно храм начал заполняться людьми. Только они приходили сюда не возносить молитвы, а слушать их. Жрец был их глашатаем перед Митрой. Удивительно, но внутри храма не было ни одного изображения божества, только статуя перед входом.

Коричневый подошел поближе к алтарю, чтобы лучше слышать слова жреца. Мест впереди было предостаточно. Бирафицы — а их к тому времени собралось уже примерно полсотни, — предпочитали дальние скамьи.

Слова, что произносил жрец, были удивительны. Он начал с того, что культ Митры является лишь меньшим злом нашего мира. Затем объяснил, откуда вытекает подобный вывод. Роль богов часто неправильно понимается людьми, сущность их извращается. Некоторых небожителей

вполне устраивает сложившееся положение. Им важно поклонения и те жертвы, что им приносятся. Из них они черпают силу, необходимую для продолжения их существования. Другим же божествам судьба людей менее безразлична. Да, именно так. Богам нет никакого дела до людей, их волнуют собственные взаимоотношения и необходимость поддержания существования. Человечество — лишь материал, и некоторые предпочитают поддерживать этот материал в хорошем состоянии.

Им важно, чтобы люди знали, на что именно направлены их действия. Тогда их поклонение приносит богам больше силы. Честность — вот что определяет «доброту» божества по отношению к человеку. Митра — один самых честных богов Хайбории, но он — бог, а потому блага от него исходить не может.

Коричневый настолько заслушался, что не сразу заметил одного обстоятельства: среди людей, находящихся в храме, есть и тот маг, которого он почувствовал в Сартосе. Теперь слова жреца, несмотря на немалый интерес к ним митрианца, превратились лишь в набор звуков. Всё внимание его было отныне приковано к магу.

Коричневый огляделся, пытаясь определить, кто из собравшихся людей может быть заинтересовавшим его человеком. Однако все спокойно слушали жреца и не обращали никакого внимания на озирающегося стигийского мага. И тут в сознание Коричневого словно кто-то постучал, привлекая к себе внимание. Внезапно он понял,

что подобный стук и оторвал его от проповеди. Значит, это не он нашел мага, а маг нашел его.

Митрианец попытался проследить путь, которым пришел этот магический стук. Так как прошло какое-то время, уловить происхождения заклинания представлялось довольно фатруднительным, но всё-таки он сумел это сделать. Шаг за шагом он отслеживал ощущение магии, чувство возмущения в окружающем, производил совмещение, сопоставление. Должен вырисоваться путь... Нергал! Неизвестный маг издавался над ним. Заклинание исходило от каждого из присутствующих, а наиболее толстая нить вообще тянулась к жрецу.

Но тут начали происходить еще более странные вещи. Нити, отмечающие путь заклятья, пришли в движение. Подобное просто невозможно! Но тем не менее это происходило. Их колебание становилось всё сильнее и сильнее, и вот они одна за другой устремились к Коричневому. Маг не выдержал и произнес защитное заклинание. Нити разбились, будто стекло о камень, а в сознании митрианца раздался чей-то смех.

Что ж, стоило заняться незнакомцем всерьез. Правда, очень сильно мешало то обстоятельство, что использовалась совершенно незнакомая магия, хотя и явно со стигийскими корнями. Это означало прежде всего невозможность построения хорошей защиты. Значит, будем атаковать.

Коричневый больше не пытался проследить визуальный путь до незнакомца. Вместо этого он послал в ответ смеху заклятье, взрывающее сосу-

ды в мозгу человека. Неэффективно, но очень эффективно. Сзади послышался шум. Коричневый обернулся. Пятеро бирафирцев упали замертво. Был ли среди них маг — неизвестно.

К невероятному удивлению Коричневого, жрец не прекратил своего рассказа о сущности божественного. Казалось, ему нет дела до собравшихся людей. Внезапно Коричневый заметил, что жрец немного вырос, а присмотревшись понял, что тот продолжает расти. Воздух в храме стал темнеть. Клубья черного тумана начали появляться то здесь, то там.

С задних рядов раздался рёв. Коричневый обернулся. Лица людей изменились, теперь на него смотрело полсотни демонов.

Пятеро лежали мертвые, и к ним подбиралось несколько тварей, рассчитывающих подкрепиться плотью собратьев.

Маг сделал то, что предписывается делать в подобных ситуациях: произнес заклинание разрушения иллюзии. И действительно, храм Митры начал постепенно возвращаться к привычному облику. Плохо. Заклинание должно действовать мгновенно.

В голове снова раздался тот же зловещий смех. Коричневому стало страшно. Надо было как-то ответить. Нельзя позволять магу подобной силы свободно разгуливать во время их операции. Придется идти на жертвы.

Маг начал плести заклинание, прозванное «сетью». В ячейки «сети» попадались люди, предрасположенные к изучению магии. Чем меньше

ячейки, тем больше жертв. Мощное заклинание, уклониться от него практически невозможно. Есть у него и отрицательные стороны: после произнесения у заклинателя значительно поубавится сил, да и невинных жертв не избежать. Но пусть лучше они, чем он.

Коричневый выкрикнул формулу, и «сеть» накрыла храм, а затем начала медленно опускаться на головы собравшихся. Неизвестный маг ускорил её движение, одновременно сузив ячейки до такой степени, что эффекта «сети» не избежал бы и её создатель. Оставалось разрушить заклинание или погибнуть вместе со всеми присутствующими.

Нет! Жизнь дороже. Коричневый произнес соответствующее заклинание, и «сеть» рассыпалась.

«Трусишка», — возник в голове ехидный голос.

На этот раз митрианцу удалось проследить нить. Не теряя времени, он начал продуцировать одно смертельное заклинание за другим. Их сила была такова, что на пути их следования умирали люди. Когда Коричневый решил, что маг должен был уже погибнуть, он попытался проникнуть в его мысли. Он соблюдал аккуратность, постепенно продвигаясь вперед. Судя по ощущениям, мозг действительно был уже мертв, но это не должно было помешать выудить из него нужные знания.

Жрец продолжал вещать о меньшем зле.

Картина, открывшаяся Коричневому, выглядела довольно странно. Казалось, все мысли по-

гибшего занимало лишь одно заклинание. Происхождение его было стигийским, но конструкция — совсем нестандартной. Потому пришлось хорошенько потрудиться, чтобы сложить вместе кусочки головоломки. И стоило наконец добился нужного результата, как он тут же попытался очистить сознание мага от своего присутствия, поняв, что произошло.

Но было поздно. Расставленные ловушки ожили. То странное заклятие было направлено для создания ложной цели, одновременно являющейся капканом. Маг оказался столь милосерден, что позволил митрианцу разобраться, куда именно он попал, но теперь намеревался его пленить.

Коричневый изо всех сил продирался сквозь путы, что сковывали его часть сознания, покинувшую тело. Его магические способности практически истощились. Тогда он на миг оставил добычу в руках врага, а сам произнес заклятье «случайной смерти», практиковавшееся в Гиперборее. Для любого митрианца это было запретное знание, а значит, его враг не может ожидать применения этой магии и не может быть от нее защищен.

Всего лишь миг потребовался на произнесение нужной формулы. Маг уже захватил треть его сознания, и если не поставить барьер, он продолжит продвигаться вперед со столь же впечатляющей скоростью. «Случайная смерть» сработала. Половина бирафирцев упала замертво. Коричневый почувствовал невероятной силы удар, перед глазами всё поплыло, руки и ноги больше не слу-

шались. Однако сознание было полностью свободно. Заклинание достало его врага.

Очень хотелось поверить, что маг погиб, но это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Скорее всего, он просто потерял сознание. Митрианец с трудом поднялся на ноги, из носа его шла кровь. Шатаясь и дико озираясь, он направился к выходу в надежде понять, с кем вёл дуэль. Сил на то, чтобы произнести заклинание поиска, не осталось. Их вообще не осталось.

— И однажды боги поймут, что сделали, — жреца похоже совершенно не интересовала разыгравшаяся магическая битва. Впрочем, бирафирцев тоже. — Наступят черные дни. Лишь кровь будет в силах очистить...

Что именно она будет очищать, Коричневый не услышал. За пределы храма звуки не проникали. Возможно, именно этим объяснялось, что сюда еще не сбежалась вся стражажа. Люди не обращали на пошатывающегося стигийского мага никакого внимания. Последователей религии, в которых применяются вредящие здоровью ритуалы, в Бирафире предостаточно.

Внезапно в сознании Коричневого раздался знакомый стук. Он посмотрел в сторону храма Митры, но, видимо, маг уже успел смешаться с толпой.

Мысль о скорой смерти была неприятной, но отрицать ее реальность было бы глупостью. Коричневый понял, что должен успеть сообщить Белому о неизвестном маге. Вот только сначала нужно его обнаружить. Он с трудом составил за-

клиниение «послания», вложив в него последние силы. Теперь оставалось произнести лишь одно слово, и заклинание активизируется.

Тут он заметил, как в одном из переулков спешно скрылся, одетый в черное человек. Митрианец направился за ним.

Мир всё еще плыл у него перед глазами, и прежде, чем добраться до места, он дважды успел упасть на землю. Хватаясь за стены домов, он продвигался вперед.

Снова впереди мелькнула та фигура. В ногах словно добавилось силы, и Коричневый уже бежал вперед. Он наталкивался на людей, но силы возвращались к Коричневому, и он без труда отбрасывал их с дороги.

Человек перемахнул через небольшой забор. Коричневый испугался, что для него он станет непреодолимым препятствием. Но нет. Маг легко подтянулся и миг спустя спрыгнул по другую сторону ограждения. Его глазам предстала небольшая улочка в пять домов. Там недавно похозяйничало пламя. Фигура в черном направилась к дальнему и скрылась в нем. Коричневый устремился вдогонку.

Двери не было, и маг-митрианец без труда проник внутрь. Тут его сознание обожгла мысль: зачем он погнался за своим противником?! Он же мог сохранить себе жизнь!

«Потому что я так захотел», — прозвучал в голове знакомый голос.

Коричневый вошел в дом.

«Видишь, ты хочешь убежать, а твои ноги ве-

дут тебя ко мне», — продолжал вещать незнакомец.

Коричневый попытался пошевелить рукой, но у него ничего не получилось.

«Убедился? А я ведь могу контролировать не только твоё тело, но и твои мысли. Ты теперь полностью мой».

Митрианец верил незнакомцу. Необходимо найти хотя бы способ покончить с собой. На то, что удастся завершить заклинание «оповещения», надежды уже не оставалось. Коричневый продолжал идти вперед. Впереди показалась фигура его врага, но света было слишком мало, чтобы митрианец смог её разглядеть с такого расстояния.

«Можешь не беспокоиться. Умереть я тебе не позволю. Поверь, у меня очень много идей насчет того, как тебя использовать».

Еще два шага, и он увидит лицо незнакомца... Внезапно раздался скрип ломающегося дерева. Одно из прогоревших бревен падало прямо на митрианца. Последним, что он услышал перед смертью, были проклятая мага, одетого в черное.

* * *

Конан, Сигурд и Счастливчик прибыли в Бирафир, когда уже вечерело. По каравану ходили слухи о разбойниках, хиляйничающих вблизи поместья, и пока разведчики не были отправлены и не вернулись, передвижение приостановилось. Вместе с разведчиками ездил и Сигурд. Офици-

ально — в качестве бездумной военной силы, в действительности — осмотреться и рассказать капитану, что же творится на подступах к Бирафиру. На самом деле не творилось ничего. Просто слухи.

Счастливчик за время пути выиграл в кости немногих денег, которые поделил на три части. Зелт почти всё время молчал, но на подъезде к Бирафиру стал вести довольно нервно. Его обычный бред перешел в еще более глубокую стадию. Говорила птица в основном на кхарийском.

Когда караван подъезжал к поместью, Конан отправился навестить «лилового», который рассказывал им о Бирафире. Однако, как выяснилось, он продолжил путь отдельно, и уже с утра находится вне каравана. Новость эта киммерийцу пришла не по нраву. Подобных людей лучше держать под боком, кем бы они ни были, друзьями или врагами.

Само поместье произвело на путешественников немалое впечатление. Никто из троих до конца не верил в сказки про «город ста храмов». Однако пришлось оставить сомнения. Восемь огромных храмов, что встречали прибывающих в поместье путников, были воистину великолепны. Остальные здания на их фоне выглядели убого. Но тем не менее на лачужки сартоских бедняков они не походили, из чего можно сделать вывод о достатке бирафирцев.

Граф Бирафир, как успели узнать путники, жил в большом трехэтажном доме на небольшой возвышенности. Примерно туда караван и на-

правлялся. Таверна «Бирафир» соседствовала с домом графа. Изначально остановка в поместье не планировалась, но из-за столь позднего прибытия караванщики всё-таки решили её совершить.

Конан настоял на том, чтобы посетить таверну. Во-первых, требовалось успеть занять комнату на случай, если граф не соизволит принять их сегодня, что довольно вероятно. Во-вторых, стоило послушать, о чём говорят завсегдатаи. Никакая информация лишней не будет. А в-третьих, с дороги хотелось отдохнуть.

Сигурд немного спорил с капитаном, считая, что медлить сейчас довольно опасно. Неизвестно, какие действия за это время предпримут призрачные убийцы из Сартоса, да и «лиловый» не просто так вперед ускакал. Однако доводы Конана, на сторону которого встал Счастливчик, звучали всё-таки весомее.

Караванщики начали устраивать на ночь лошадей и верблюдов, договариваясь со служками о кормежке и чистке. Некоторые путешественники решили ночевать в повозках, другие отправились внутрь таверны узнавать о наличии свободных комнат. Конан и двое его друзей присоединились к ним.

Киммериец немного задержался перед дверью. Его внимание привлекла пара людей, выходящих из конюшни. Один с огромным трудом поддерживал другого, видимо, не рассчитавшего количество выпивки. Конану на миг показалось, что из живота второго торчит меч. Однако чело-

век всё-таки переставлял ноги, да и крови не было, и киммериец решил, что ему почудилось.

Сигурд окликнул киммерийца, и Конан вслед за товарищами вошел в таверну.

— Эй, капитан! — раздался крик.

За одним из столов сидело двое матросов с «Вестрела».

Того, что постарше, с множеством сережек и шрамом через всё лицо, звали Грув. Он был одним из помощников Зелтрана. Один из самых умелых моряков. О своем прошлом Грув рассказывать не любил. Ходили слухи, что большую часть своей жизни он провёл в рабстве.

Второй, одетый в красно-белую рубаху, на корабле появился недавно. Аквилонец по происхождению, Рики был отчаянным рубакой. Только Конан мог соперничать с ним во владении мечом. В один из визитов на Барахас он напросился в команду «Вестрела», победив в испытательной схватке сразу троих моряков.

Киммериец и ванир немедля направились к двум своим людям.

— Что вы здесь делаете? — рявкнул Сигурд.

— Нас прислал Зелтран, — ответил Грув. — Он...

— Откуда он узнал, что мы направляемся в Бирафир? — перебил матроса киммериец.

— Позапрошлым утром с ним связался офицер по имени Рашил, — сказал Грув. — Он сообщил Зелтрану, где вас искать. Хозяевам предъявили обвинение в вашем найме. Рашил рекомендовал найти вас как можно быстрее и просить

вернуться в Сартос. Иначе «лиловые» будут вынуждены убить вас, чтобы очиститься от подозрений.

— Странно, — обратился к капитану Сигурд. — Почему тогда тот «лиловый» из каравана нам ничего не сказал?

— Что именно произошло на корабле? — спросил у Грува киммериец. — Рашил приходил сам по себе или как представитель Хозяев? Что именно он сказал Зелтрану?

Седой матрос пожал плечами.

— Не знаю, капитан, — ответил он. — Они беседовали у боцмана в каюте. Потом офицер ушел, а Зелтран велел мне немедля отправляться в Бирафир. В помощь мне отдали Рики.

— Деньгами на лошадей снабдил вас тоже Рашил? — спросил Сигурд.

— Я не знаю, — с сомнением в голосе произнес Грув. — Кошель с монетами мне вручил Зелтран, а откуда у него деньги — одной Иштар известно.

Рики, как и Счастливчик, молча стоящий за спинами своих друзей, участия в беседе не принимал. Сигурда это немного удивило. Аквилонец был известен своей болтливостью.

— Сидите здесь, — велел Груву и Рики киммериец. — Мы узнаем, остались ли свободные комнаты.

Киммериец направился к стойке. Сигурда и Счастливчик последовали за ним.

— Но, капитан, — умоляюще произнес Грув. — Зелтран просил, чтобы вы как можно скорее возвращались на корабль.

Сигурд обернулся и выразительно поднял бровь, давая понять моряку, что это не его ума дело. Грув обречено покачал головой.

— Хозяин! — громко обратился киммериец к толстому человеку в фартуке, беседующему с караванщиками. — Есть свободные комнаты?

— Будьте любезны подождать, пока я закончу разговор, — бросил содержатель таверны, окинув нелестным взглядом наглых варваров.

— Так и быть, — ответил Конан и в знак согласия отошел на несколько шагов.

Сигурд вопросительно посмотрел на капитана.

— Сам не знаю, что думать! — произнес капитан. — Однако, что бы ни происходило, мне это не нравится. Рики и Грув на себя не похожи.

Счастливчик переступал с ноги на ногу, будто не решался что-то сказать. Конан заметил это и дал понять зингарцу, что лучше выложить все сразу.

— Тот, что молчал всё время, — сказал Счастливчик, — глядел на меня как на старого знакомого, а я его первый раз вижу.

Сигурд и Конан удивленно посмотрели на зингарца.

— Точно вам говорю, — повторил тот.

— Вот еще новость! — обратился к товарищам Конан. — Что будем делать? Лично я хочу навестить графа, а потом уж думать, возвращаться ли в Сартос.

— Согласен, — сказал Сигурд. Счастливчик кивнул. — Грува и Рики оставим здесь?

— Нет, — ответил киммериец. — В любом слу-

чае будет лучше, если мы сможем за ними пристально наблюдать.

Тем временем разговор у стойки подошел к концу. Караванщики, видимо, так и не смогли договориться о цене и покинули таверну.

— Хозяин! — привлек внимание к себе киммериец.

— Нет у меня комнат! — ответил толстый стигиец самым вызывающим тоном. — Все заняты.

Конан грозно посмотрел на него, сплюнул и двинулся к столу Грува и Рики.

— Капитан, нам поговорить с ним? — поинтересовался Рики.

Сигурд незаметно пихнул Счастливчика локтем под ребра, а сам поправил перевязь с мечом.

— Не стоит, — ответил киммериец. — Расплачивайтесь и пойдем. У нас есть дела.

Не дав матросам времени на возражение, Конан быстрым шагом направился к двери. Сигурд и Счастливчик отстали от него всего на пару шагов. Стоило друзьям очутиться на улице, как ваннир обратился к Счастливчику.

— Будь осторожен, — проговорил он. — Эти двое не с «Вестрела». Их спектакль провалился и, когда они это поймут, начнут действовать. Вполне возможно, они здесь по твою шкуру.

— Может, и по наши с тобой, — обратился киммериец к своему первому помощнику. — В случае чего бери на себя Грува, а я разберусь с Рики.

В этот момент из двери показался аквилонец с длинными черными усами. Вслед за ним вышел

и седой моряк, одетый в полосатую зеленую рубаху.

— Идем! — велел им Конан. — Когда мы будем на месте, рта не открывать. Поняли?

Грув и Рики закивали головами.

Особняк графа находился через два дома от таверны. У того, кто возводил это красивое трехэтажное здание, был действительно неплохой вкус. Архитектура отличалась великим множеством мелких неповторяющихся деталей, которые, однако, не вредили симметрии. Особо стоило отметить обилие изображений всевозможных богов. По перилам балконов вились змейки, олицетворявшие Сета. На краю крыши устроились Иштар и Дэркето. Замок был выполнен в виде ухмыляющейся мордочки Бэла.

В особняк время от времени заходили люди. Этот факт вселял надежду в сердца путешественников. Вполне возможно, что именно сегодня день приемов, когда граф лично решает разногласия между своими подданными.

Конан заметил, как напрягся Грув, когда они поднимались по лестнице, ведущей к дверям особняка. Однако Рики был абсолютно спокоен.

Киммериец громко постучал ручкой по мордочке воровского бога. Раздались шаги, и дверь открылась. На пороге стоял седой слуга, одетый во всё черное.

— Что вам угодно? — поинтересовался он.

— Мы желали бы поговорить с графом, — ответил ему киммериец.

— Боюсь, что это невозможно, — сообщил слу-

га. — Сегодня граф не принимает. Как, впрочем, и в другие дни.

— К кому же тогда идут со своими невзгодами жители Бирафира? — спросил Конан.

— К управителю графа, — ответил слуга.

— В таком случае, нам нужно встретиться с ним, — сказал Конан.

— Хорошо, проходите, — произнес слуга, пропуская гостей.

Внутренний вид особняка ничуть не соответствовал внешнему. Большая часть деталей интерьера была выполнена из темных пород дерева, и это особенно подчеркивало царивший здесь сумрак. Множество свечей, установленных на черных подсвечниках, были не в силах разрушить его. На некоторых стенах висели гобелены, но на то, чтобы разглядеть их детали, опять же не хватало света.

— Вы не похожи на местных жителей, так что учтите: если ваши разговоры не понравятся управителю, он может обратиться к мастеру-мечнику, чтобы тот вас убил. Законы Бирафира подобного не возбраняют.

— Благодарю, — ответил капитан «Вестрела». — Я полагаю, управитель графа заинтересуется нашим делом.

— Буду очень рад такому исходу, — сказал слуга. — Следуйте за провожатым.

Бирафирец хлопнул в ладоши, и из тени вынырнул еще один одетый в черное человек. Он постоял немного и направился по лестнице, ведущей наверх.

Гостям не оставалось ничего не оставалось, кроме как пойти за ним. В отличие от первого, второй этаж был более светлым. На стенах висело множество картин с батальными сценами. Полы были застелены красными иранистанскими коврами. Лестница вывела пиратов в коридор со множеством дверей. Слуга шагнул к одной из них. Перед дверью стояло трое людей, одетых, как мастеровые.

— Вы тоже к управителю? — поинтересовался у них Конан.

Бирафирец открыл рот, чтобы ответить, но слуга перебил его.

— Да, — сказал он. — Но вас это никак не должно интересовать. Проходите. Управитель ожидает вас.

С этими словами он распахнул дверь.

Мастеровые спорить не стали, что немного удивило Конана.

Он ожидал ярого сопротивления с их стороны. Ждать никто не любит...

Киммериец первым вошел в приемную управителя, довольно просторное помещение, выдержанное в том же стиле, что и весь второй этаж. Светлое дерево, картины со сражениями, преобладание красного цвета над остальными.

На столе, за которым сидел управляющий, царил беспорядок. В комнате, впрочем, тоже. Книги, находящиеся в шкафах, явно содержали не сочинения стигийских поэтов, а бесконечное множество всевозможных расчетов и приказов.

Управляющий был довольно молод. На взгляд

Конана, не старше тридцати. Стигиец. Голова гладко выбрита, глаза очень глубоко посажены, но лицо оставляет всё-таки приятное впечатление. Одет он был в красную рубаху с длинными рукавами.

Конан тихо кашлянул, привлекая к себе внимание. Управляющий на миг оторвался от бумаг, с которыми работал, привстал, приветствуя гостей, и указал рукой на стулья, находившиеся рядом со столом.

— Устраивайтесь, — предложил он.

Конан, Сигурд и Счастливчик заняли три ближайших стула. Груву и Рики достались дальние. Они собирались было их подвинуть, но Конан показал им, чтобы сидели, где сидят. Управляющий снова погрузился в документы и, казалось, напрочь забыл о посетителях.

— Ужасно много работы, — наконец произнес он. — Прошу меня просить. Я осведомлен о том, что дело, по которому вы ко мне явились, срочное. Так что давайте приступим.

— Вы знаете, в чем оно состоит? — спросил Конан.

— Нет, — ответил управляющий.

— Вопрос, который мне планируем затронуть, довольно щепетильного свойства, — сказал Конан. — Поэтому мне кажется, что говорить лучше непосредственно с графом.

— Это невозможно, — покачал головой бирафирец. — Я занимаюсь всеми делами графа. Понимаете, всеми.

В доказательство он указал на шкафы.

— Вы занимали эту должность полгода назад? — спросил киммериец.

— Именно полгода назад я на неё и заступил, — подавляя раздражение в голосе, ответил управляющий. — В это самое время граф приобрел поместье. Если вы пришли говорить, то говорите, а не тратьте моё время.

— Ладно, — сказал Конан и сделал рукой знак Счастливчику. Зингарец передал Конану мешок, который всё это время носил с собой. Капитан «Вестрела» развязал его и вынул две высушенные головы, приобретенные в своё время в Сартосе. — Раз вы так много знаете, то, может, сумеете их опознать.

Управляющий в ужасе отшатнулся и протянул руку к шнуре, который, как можно было догадаться, служил для вызова охраны.

— Нет, — ответил он. — Я это первый раз в жизни вижу!

— Возможно, — согласился Конан, — но у меня есть некоторые сомнения. Эти двое полгода назад пытались убить моего друга.

— Как я вижу, дальше попыток дело нешло, — к управляющему понемногу возвращалось спокойствие. Во всяком случае вызвать охрану он больше не пытался. — Какое отношение граф Бирафир имеет к сему прискорбному событию?

— Самое прямое, — ответил киммериец. — Граф Бирафир приобрел у моего друга одну карту. Пройдя по ней, он обнаружил сокровище. Не знаю, что именно им двигало в тот момент, но он

нанял убийц и отправил их в Сартос, чтобы взять жизнь моего друга.

— И у вас, наверное, есть доказательства? — с иронией в голосе поинтересовался управляющий графа.

— Мое слово, останки наемников и... — на мгновение Конан задумался. — Пожалуй, всё. Вот только думаю, что Хозяевам этого будет достаточно. Я смогу найти людей, способных опознать убийц. Черты лица вполне различимы. А «лиловые» проверят Бирафир, и наверняка разыщут тех, кто видел этих двоих в обществе людей графа.

Управляющий задумался.

Конан понимал, что страшно блефует. Очень может быть, что граф не подсыпал убийц к Счастливчику. А даже если киммериец прав в своих предположениях, то нельзя отбрасывать и тот вариант, в котором графу известно абсолютно всё о несчастной судьбе наемников.

Конан рассчитывал прежде всего на невероятную удачу Счастливчика, которая помогла ему спастись от всех тех наемников и безумцев, что планировали отправить его на Серые Равнины. Зингарец рассказывал ему и Сигурду, что большинство из них погибли сами, причем по чистой случайности: то на гвоздь напорются, то поскользнутся и на меч упадут. Вполне возможно, что и люди, нанятые графом Бирафир, как-нибудь глупо нашли свою смерть, скажем, под ножами тех же сabbатейцев.

— Неприятно. В любом случае расследование

оставит пятно на репутации графа, — заключил управляющий. — Вы, вероятно, хотите денег?

Конан кивнул.

— Может, стоит вас всех убить? — продолжил рассуждать бирафирец. — Но нельзя не учитывать того, что вы могли оставить сообщение о том, куда и зачем направляйтесь. Ладно, в любом случае придется сохранить вам жизнь.

— Благодарю, — произнес Конан.

— Не стоит, — совершенно серьёзно ответил управляющий. — Надо будет провести расследование и узнать, находились ли вы в то время Сартосе. Хотя это опять же бросит тень на репутацию графа. Так что всё зависит от того, сколько денег вы запросите.

Конан было собирался назвать сумму, которую они с Сигурдом и Счастливчиком согласовали по дороге в Бирафир. Вдруг управляющего затрясло, он упал с кресла. Рот его открывался, словно он пытался что-то сказать, но не мог произнести ни звука. Зрачки закатились, руки были по полу.

Четверо пиратов и Счастливчик обступили тело, не зная, что делать дальше.

На лице Грува читалась серьезная озабоченность происходящим.

— Давайте убираться отсюда, — предложил он. — А то сейчас сбежится вся охрана.

Но в этот миг приступ кончился причем столь же внезапно, как и начался. Управляющий с трудом приподнялся, опираясь на локоть. От руки, предложенной Конаном, он отказался.

— Граф желает побеседовать с вами лично, —
сказал он.

— Как найти покой графа? — спросил Конан. Мысль убраться подальше из особняка тоже стала казаться ему заманчивой.

— Не знаю, — отрешенно произнес управляющий. Хоть это и было невероятно, но киммерийцу показалось, что он говорит правду. — Наверное, большая дверь на третьем этаже.

Конан развернулся к двери, чтобы выйти, но внезапно почувствовал страшную слабость и был вынужден опуститься на колени, чтобы не упасть. Четверых его спутников ноги также больше держали. Комната начала заполняться белым дымом. Звуки вокруг стихли, и сознание понемногу оставляло киммерийца. Ему показалось, что Грув пытается что-то ему сказать, но он уже был не в состоянии различать слова. Через несколько мгновений мир померк.

* * *

Когда Конан открыл глаза, ему показалась, что произошла чудовищная ошибка. После смерти он планировал очутиться на Серых Равнинах у Нергала или в чертогах у Крома. Это уж как боги между собой разберут.

Сейчас же, судя по обстановке, он находится где-то у Митры. Вокруг всё было белым. Белый стол, белый стул рядом с ним и белый деревянный пол. Будь в наличии потолок и стены, они тоже, вероятно, были бы белыми. Но нет, вместо

них вокруг летали облачка, правда тоже без единого пятнышка.

— Овечки! — раздался мерзкий крик на бритуйском. Голос принадлежал не человеку. Птице, а именно Зелту.

Конан счел, что ошибка должна быть слишком большой, чтобы еще и эту тварь вместе с ним на небеса отправили. Может, просто Равники на самом деле не Серые. Очевидцев, собственно говоря, не было.

— Капитан, ты в порядке? — из облака вышел Сигурд, наклонился над Конаном и потрепал его по щекам.

— Где мы? — спросил Конан.

— На небесах! — ответил Сигурд, усмехнувшись. — Ну откуда я знаю? Я сам только очнулся. Счастливчик и моряки наши, кстати, тоже здесь. Что-то мне подсказывает, что мы вполне можем находиться в гостях у графа Бирафир. Нас пригласили к нему в покой, вот только использовали для этого не самый традиционный способ. Помнишь особняк графа?

Конан кивнул и, приняв руку, протянутую первым помощником, поднялся на ноги.

— Так вот, — продолжил Сигурд. — На первом этаже стояла такая тьма, что собственных сапог не видно. На втором красные дорожки, картины, на которых кровь ручьем льется. Да и вообще посветнее там было. Значит, каким должен быть третий этаж? Правильно, именно таким, каким он предстал перед нами.

— Потолок не может быть расположен столь

высоко, — сказал Конан. — Я помню примерную высоту дома. Получается, нас через портал какой-нибудь сюда затащили.

— А может, заклинание, изменяющее пространство? — поинтересовался ванир.

Птица на его плече зашлась злорадным смехом.

— Тоже возможно, — согласился Конан, проигнорировав попугая. — Я за свою жизнь несколько раз и с тем, и с другим сталкивался. В любом случае прием впечатляет. Пошли будить остальных.

Сигурд согласился, и они отправились приводить в чувство товарищей.

Облака, как вскоре заметил Конан, имели свойство постоянно перемещаться, что мешало ориентироваться в пространстве, особенно когда из поля зрения пропадал стол. Так киммерийцу несколько раз показалось, что он заблудился в этом странном месте.

Грув и Рики находились действительно в том месте, которое указал Сигурд. Капитану пришлось расталкивать их довольно долго. Первым очнулся Рики и очень странно посмотрел на Конана, а потом начал дико озираться вокруг.

— Где мы? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Конан. Делиться домыслами Сигурда с моряком, недоверие к которому усиливалось всё больше и больше, он не стал.

Тем временем в себя пришел и Грув. Приподнявшись, он огляделся, недовольно хмыкнул и обратился к Рики, игнорируя капитана.

— Будь настороже, — сказал он. — Мне совсем не нравится это место.

Конан собрался было разобраться с Рики и Грувом. Пора прекращать эти игры. Но подошли Сигурд с Счастливчиком. Одновременно с этим откуда-то из-за стола раздались шаги.

Все замерли и, сохраняя молчание, стали ждать появления хозяина этого странного места. Поступь была очень легкой, женской или детской...

Сигурд положил руку на эфес своего меча, Грув подвинул поближе колчан с метательными ножами.

Из тумана показалась фигура. Обитатель третьего этажа был невысок, по пояс Конану, одетый в снежно-белый плащ с капюшоном, который скрывал лицо. Фигура приблизилась к гостям. Наклонив голову, хозяин внимательно изучал каждого из них.

— Добро пожаловать в Бирафир, — произнес звонкий нежный голосок.

Ни у кого не нашлось слов, чтобы ответить на приветствие.

— Что же вы молчите? — пропел хозяин.

Зелт вспорхнул с плеча Сигурда, пронеся над головами пиратов и подлетел к обладателю детского голоса.

— Птичка, — обратился тот к попугаю, протягивая вперед руку. — Иди ко мне.

Зелт послушался и опустился на импровизированный настен, а затем выдал фразу на кхарийском, который стал для него за последнее время

основным языком общения с миром. Хозяин к всеобщему удивлению ответил птице.

— Где мы? — спросил взявший себя в руки Грув.

— У меня в гостях, — ответил голосок. — Только вы очень скучные. Я начинаю жалеть, что позвал вас. Казалось бы, такая интересная компания, а все почему-то молчат.

Конан встряхнулся и сделал шаг к хозяину. В конце концов, он капитан и именно ему следует вести разговор.

— Вы граф Бирафир? — спросил он.

— Да, капитан, — радостно произнес хозяин. — Я — Бирафир. Вот только графом называть меня не стоит. Я очень не люблю разные титулы.

— Вы маг? — спросил Грув.

Конан хотел осадить матроса, но тот суворо посмотрел на него, давая понять, что сейчас не до соблюдения ролей. Киммериец подумал и промолчал, понадеявшись, что человек, выдающий себя за помощника Зелтрана, знает, что делает.

— Можно сказать и так, Рожер, — сказал Бирафир и рассмеялся беззаботным детским смехом. — Кем меня только не считают! Однажды мне это надоело настолько, что я решил ненадолго исчезнуть. Никто не понимает, как я скучаю! Я же в конце концов ребенок!

— Тогда почему вы скрываетесь от всех? — спросил Конан.

— От кого? — удивился Бирафир. Его белый плащ заходил мелкими волнами. — Я позвал в гости всех, кого мог. Но никто не пришел! Никто!

И мне пришлось забавляться со своими игрушками самому. Рожер, Сизарлик, почему они не пришли?

Сизарлик в непонимании уставился на ребенка в белом плаще. Рожер, похоже, догадался, о чем говорит Бирафир, и его рука потянулась к метательным ножам.

— И ты туда же! — зло крикнул мальчик-маг. Правая рука Рожера в мгновение ссохлась, а затем рассыпалась прахом у его ног.

Рожер с трудом сохранил самообладание, но вот Сизарлик приготовился обнажить меч.

— Стой, Красный! — рявкнул седой матрос, с трудом преодолевая боль. Затем он обратился к Бирафиру. — Прошу простить меня за несдержанность.

— Ладно, — согласился мальчик, и у Рожера вновь отросла рука, вот только одежда на ней не появилась.

— Вообще-то мы хотели узнать... — обратился к Бирафиру Конан. О чем бы ни говорил лже-Грув с этим парнишкой, лучше перевести разговор в другое русло, иначе ничем хорошим это не закончится. — Как вы сумели добыть сокровище, означенное на карте моего друга?

Мальчик наклонил голову, и Конану показалось, что он улыбается под капюшоном.

— Ну, я просто пришел и взял себе оттуда немного золота, — ответил Бирафир. — Зачем? Не знаю. Наверное, захотелось оставить себе что-нибудь на память об этом месте. Там было довольно интересно.

Конан и Сигурд не смогли ничего на это ответить.

Мальчишка опять топнул ногой. Все пятеро его гостей разом отпрянули назад, памятую о том, что произошло с Грувом. Бирафир в очередной раз звонко рассмеялся.

— Не бойтесь, — умоляюще произнес он. — Я же только хочу развлечься. У меня никого нет. Только игрушки, вроде вас, а я должен расти и развиваться.

— Кто ты такой? — спросил Сизарлик. Его голос дрожал, а рука тянулась к мечу.

— Бирафир, — ответил мальчик. — Я же уже говорил.

— Да кем бы ты ни был! Сдохни! — закричал Сизарлик и бросился на Бирафира с мечом.

Мальчик рассмеялся, и матрос превратился в горстку пепла, подобно руке Грува.

— Жаль, — заключил хозяин белой комнаты, — но он был плохой игрушкой. Надеюсь, вы меня не разочаруете. Впрочем, чтобы этого избежать, я, пожалуй, дам вам некоторые объяснения. Как меня это утомляет! Если бы я был взрослым, этих проблем бы не возникло.

Бирафир трижды хлопнул в ладоши, и из пепла возник Сизарлик. Его облик остался прежним, вот только глаза изменили свой цвет на зелено-вато-желтый.

Сизарлик издал мерзкое шипение и зло посмотрел на своих товарищей.

Бирафир тем временем устроился на столе, закинув ногу на ногу. Он подождал, пока пираты

насладятся преображенными видом своего товарища и приступил к объяснениям.

— Это одна из моих первых игрушек, — сказал он. — Змеечеловек. Сейчас находится в одной из двух крайних фаз. Хитрое, но неблагодарное существо. Меня в достаточной степени развлекали их попытки покорения мира, но в какой-то момент они стали слишком настойчивыми, и от них пришлось избавиться. Сейчас я позволю ему развернуться, и вы сможете понаблюдать за его реакцией.

Сначала Сизарлик никак не отреагировал на это позволение, лишь начал активно принюхиваться. Затем резко крутанувшись вокруг собственной оси, прыгнул на Бирафира, в полете преобразаясь в змею. Не долетел он всего два локтя. Мальчик хлопнул в ладоши, и змей завис в воздухе.

— Видите, что произошло, — сказал Бирафир, спрыгивая со стола. — Один из моих приятелей приучил их сражаться против меня. Полностью взял власть над ними. Отобрал мою игрушку!

Зелт усился на голову змее, бывшей Сизарликом, и принял выклевывать ей глаза.

— Оставь его, — приказал Бирафир птице. — Он мне еще понадобится.

— Сколько же тебе лет? — спросил мальчишку Конан. — Ты бог?

— Еще одно глупое название! — топнул ногой мальчик. — Я — Бирафир! Сколько можно повторять?! Откуда я могу знать, сколько мне лет? Я был всегда и буду всегда.

Рожер усмехнулся.

— Ты в этом так уверен? — произнес он. Теперь он держался более уверенно. — По-моему, однажды тебя чуть не стало.

Мальчик внимательно посмотрел на седого пирата.

— Я был прав! — радостно воскликнул он. — Я думал, что если соберу у себя столько замечательных игрушек, то один из моих приятелей появится!

Рожер поклонился, отдавая долг догадливости Бирафира.

— Если ты говоришь о последних днях Кхарии, — продолжил мальчик в белом плаще, — когда ты со своими друзьями собрался выдворить меня, то, увы, буду вынужден тебя разочаровать. Мне просто стало неинтересно. Вы поломали столько моих игрушек, разрушили всё... Злыё!

Жалости на лице у Рожера не было.

— Когда ты наконец уймешься, ублюдок?! — в ярости проговорил он. Одновременно он бросил взгляд на змею. Сизарлик тут же обрел свой прежний облик, правда при этом довольно сильно шмякнулся об пол.

— Глупый ты, — заключил Бирафир. — Почему вы все никак не поймете, что я вечен. Я мог бы сейчас забрать твою жизнь, но не стану этого делать. Я еще слишком юн, мне надо набраться мудрости. А еще, как всякий ребенок, я хочу играть.

— Ты соорудил себе неплохой игрушечный го-

род, — возразил Рожер. — Вот и оставайся в нем. Исчезни из нашей жизни! Исчезни!

Мальчишка в белом плаще опустился на колени и разрыдался.

— Я всё это сделал, — с трудом произнес он, — чтобы вы пришли ко мне и поиграли со мной.

— Мир — не место для игр, — сказал ему Рожер. Он уже не пытался скрыть ту ненависть, что питал к своему собеседнику. — Тем более для твоих.

— Но ведь однажды вас всех не станет, — не понимающие проговорил Бирафир. — С кем мне тогда играть? Я хочу насладиться миром сейчас.

— Сейчас ты насладишься смертью, — крикнул Рожер и выставил руки вперед.

Мальчика отбросило куда-то за стол, а Рожер совершил всё новые и новые пассы руками. Когда все собравшиеся решили, что мальчишка погиб, он предстал их взглядам. Не торопясь он шел в сторону Рожера. Его голову мотало из стороны в сторону, словно кто-то обрушивал на неё чудовищной силы удары. Но Бирафир не обращал на них внимания и продолжал идти вперед.

Рожер творил заклинания до того момента, пока Бирафир не оказался от него на расстоянии вытянутой руки. Тогда он издал всхлип и, потеряв сознание, упал к ногам своего противника. Мальчик в белом плаще наклонился над телом, прислушиваясь к дыханию поверженного.

— Сбежал, — грустно заключил он, поднимаясь. — Всегда был трусом. Ничего я бы ему не сделал. Зачем спешить?

Рожер застонал.

— Мы можем идти? — обратился к мальчишке Конан, молчавший всё это время. — Свою роль мы сыграли.

Бирафир на мгновение задумался, а потом покачал головой.

— Если бы он остался поиграть, — сказал мальчик, — то задерживать вас смысла бы не имелось. Но он сбежал, и я хочу хотя бы оставить себе игрушки.

Мальчик приблизился к Счастливчику и принял его внимательно разглядывать.

— Никого ты себе не оставишь, тварь! — произнес Рожер, успевший подняться на ноги и обнажить меч. — Правильно, что я не желал служить этому трусу. Он сбежал, а вот мне хватит смелости бросить тебе вызов.

Лишился дрожащий голос выдавал страх седого пирата.

Бирафир внимательно посмотрел на него, изучая произошедшие с ним изменения.

— Да ты же даже не бог! — изумился мальчишка.

— Зато не трус. Сизарлик, ты со мной? — спросил Рожер у окончательно пришедшего в себя товарища. — Капитан, бегите! Я задержу его! Дверь в двадцати шагах за вашей спиной. Перед тем, как сбежать, наш друг поделился со мной кое-какими знаниями. В том числе, что эта тварь ослаблена, и у нашей с графом магии есть небольшой шанс. Слышишь, Бирафир?!

Мальчишка радостно захлопал в ладоши.

— Игра! Настоящая игра! — закричал он.

Сизарлик и Рожер попытались напасть на Бирафира одновременно с двух сторон. Удалось ли им поразить хозяина белой комнаты, Конан так и не узнал. Вместе с Сигурдом и Счастливчиком он мчался в направлении, указанном ему человеком, что носил лицо Грува.

Дверь была столь же девственна белой, как и всё вокруг, так что никто из троих беглецов её не заметил, пока она не возникла буквально на расстоянии одного локтя от них. Сигурд мощным ударом ноги распахнул её, и все трое выбежали в коридор.

Предположения Сигурда оказались верны. Пираты и Счастливчик очутились на третьем этаже особняка графа. Не снижая скорости бега, они направились к лестнице. Несколько мгновений, показавшихся им вечностью, — и они уже на первом этаже.

В тот момент, когда беглецы мчались к входной двери, из теней возник один из слуг. Это был глубокий старик.

— Вы интересовались сокровищем? — осведомился он.

— Да, — отозвался Счастливчик.

Сначала пираты не обратили на слугу никакого внимания и находились уже в дверях, когда завязался этот разговор.

— Я был с Бирафиром, когда он проник в пещеры, — проговорил старик. — Я проведу вас туда, если вы обеспечите меня деньгами и отвезете в Аргос или Зингару, где я смогу провести свои

последние деньки. Вы же моряки? Я так устал от этой страны...

Конан обернулся и вмешался в разговор.

— Ты знаешь, как избежать опасностей, что подстерегают охотников за сокровищем? — спросил киммериец. — Или все проблемы решил Бирафир своей магией?

— Если я собираюсь туда с вами, — молвил старик, — то уж, поверьте мне, рассчитываю покинуть это место живым. Это — меньшее из того, на что я надеюсь.

Счастливчик и Сигурд вопросительно посмотрели на Конана.

— Ладно, старик, — решил капитан «Вестрела», — ты идешь с нами. Надеюсь, ты не запросишь слишком много денег.

За то время, что они провели в доме графа, солнце успело скрыться за горизонтом. Однако людей на улицах меньше не стало. Странное место. Конану очень хотелось посмотреть на окна третьего этажа особняка, но осторожность взяла верх над любопытством.

Быстрым шагом четверо путников направились в сторону таверны, рядом с которой расположился караван. Никто не желал задерживаться в Бирафире ни одного лишнего мгновения, а потому, как только Сигурд и Счастливчик нашли и привели верблюдов, путешественники погрузились на них и отправились прочь из поместья.

— Жаль, птицу пришлось оставить, — сказал Сигурд, когда они миновали последние дома.

— Ничего, — ответил ему Счастливчик, — за-

то теперь маленькому графу будет с кем поиграть.

Сигурд только горестно вздохнул.

— Эй, стойте! — раздался крик со стороны поместья. — Подождите!

К путешественникам приближались те двое, которых Конан заметил днем выходящими из конюшен. Оказалось, что киммериец тогда не ошибся: из живота одного из незнакомцев торчал меч.

— Тяжелый, гад, — произнес темноволосый аргосец, приближаясь к пиратам. — И никак не очнется. Не знаю, что с ним делать.

— Ты кто еще такой? — весьма нелюбезно поинтересовался рыжебородый ванир. — И чего тебе надо?

— Эмилио, — назвался аргосец. — И я знаю, что за люди охотятся за вашим другом. А вот этот знает, почему они это делают. Вот только он никак не придет в себя.

— И чего ты добиваешься, Эмилио? — осведомился Конан.

— Хочу пойти с вами, за сокровищем, — объяснил аргосец. — Я вам всё по пути расскажу. Если решите, что вру — выгоните.

— У нас нет лишнего верблюда, — сказал киммериец.

— Ничего, — ухмыльнулся Эмилио. — У меня тут лошадка привязана поблизости. Вдруг вы бы отказались, и пришлось бы тайком скакать за вами?

* * *

Над Бирафиrom стояла ночь. Желтый ждал остальных в одном из двориков, который был избран Белым в качестве места встречи. Воин не сомневался: кроме него, никого здесь сегодня не будет.

Вечер в поместье выдался довольно странным. Хотя ничего удивительного в этом не было, такое уж место — таинственный Бирафир.

Большинство людей умудрялось недооценивать Желтого, даже его соратники в Кольце Кинжалов. Единственное исключение представлял Белый. Так уж сложилось, что до того как получить свой Цвет, Желтый подвизался в немедийской тайной службе.

Пять лет назад ему дали задание, которое полностью переменило его жизнь. В Бельверусе скончался один из высокопоставленных жрецов Митры. Перед своей гибелью он представил королю план реформирования митрианства в Немедии. Основой его идеи была мысль об отказе храмов от взимаемых ими сборов.

Королю план было понравился, но после гибели несчастного советники указали на множество проблем, которые повлечет за собой претворение в жизнь идей покойного. Ну, а спорить с ними было уже некому.

Высшие чины Вертрауэна заинтересовались произошедшим и решили провести расследование, несмотря на кажущуюся естественность смерти. Бедняга-жрец подавился куриной костью, ко-

гда предавался греху чревоугодия на одном из столичных приемов. Народу вокруг была тьма, и все говорили, что помер жрец исключительно по собственной вине. А может, и божьим промыслом. Никто беднягу не трогал.

Улед — так звали Желтого до того, как он попал в Кольцо Кинжалов, — нанялся охранником в один из бельверусских храмов. Благодаря характерной внешности и манерам, ему удавалось услышать множество интересных разговоров. Такой деревенский дубинушка от сила три слова знает: «есть», «спать» и... «убивать». Куда уж ему в хитросплетения интриг проникнуть! Стоит с тупым лицом, дверь стережет да ногу об ногу почесывает. Чего такого стесняться?

Немедийские жрецы тоже считали, что гибель жреца не случайна. Они усматривали в этом аквилонскую руку. Храмы Немедии большую часть золота получали со своих земельных владений, а не с податей, которые планировалось отменить. У закатного соседа ситуация была строго противоположной. После принятия плана в приграничных провинциях Аквилонии могли начаться волнения. Если немедийские крестьяне митрианцам не платят, то почему честные аквилонские труженики должны отдавать жрецам свои последние деньги?

Сложившейся ситуацией могли воспользоваться как немедийская армия, так и немедийские храмы.

Существовал еще один интересный момент, о котором не было известно разведке. Покойному

жрецу оказывал протекцию один из полуденных герцогов, близкий родственник короля. Так вот, на следующий день после смерти митрианца он отбыл из столицы к себе в поместье.

Улед попросил начальство проработать версию с герцогом. На полдень отправили трех агентов, наделив их всеми надлежащими полномочиями. Однако герцог отказался их принять, сославшись на внезапно подкосившую его болезнь. Разведчики подобным уверениям не поверили и тайно проникли в поместье: тратить время на получение формального разрешения на допрос они не пожелали.

Герцог, как оказалось, их не обманул. Беднягу лихорадило. Целители с ног сбились, пытаясь установить причину заболевания и найти нужное лекарство. Выяснилось, что болезнь подкосила родственничка короля ровнехонько в день гибели жреца. Совпадение? Навряд ли.

Вертраэн продолжил разрабатывать религиозную версию. Один из жрецов вскорости должен был отбыть в Тарантию для получения нового сана. По данным тарантийской агентуры, ему должны были предложить задержаться в столице Аквилонии, предоставив хороший пост. Вертраэн организовал два покушения на него, от одного из которых его спасла «чистая случайность», а от другого — Улед. В результате, Желтый отправился в Аквилонию в качестве личного телохранителя одного из высших жрецов немедийской митрианской церкви.

В Тарантии расследование, казалось, зашло в

тупик. Местное жречество было слишком раскормлено, а потому в отличие от своих бельверусских братьев политикой интересовалось мало. Большинство разговоров сводилось к винам и борделем, хозяева которых умеют держать рот на замке. В Бельверус ушло немало интересных депеш, но не было ни одной, связанной непосредственно с заданием.

Улед уже начал подумывать о том, что, возможно, светлые головы Вертрауэна допустили ошибку, и никакого заговора против реформаторов не было. Но вскоре он понял: нет, у него есть, что искать.

Один из аквилонских баронов не вернулся с королевской охоты: упал с лошади и распорол себе горло о корягу. Улед видел тех людей, с которыми общался барон перед смертью. Один из них слегка прихрамывал на правую ногу. Забавное совпадение: глава сыскной службы, который устанавливал точные обстоятельства смерти барона, тоже хромал на ту же ногу. И манеры у этих двух людей были удивительно похожи.

Улед проверил биографию и одного, и другого. На первый взгляд — ничего необычного. Дворяне как дворяне. Вот только в столицу перебрались недавно, общества избегали, друзей имели мало. Устроить более тщательную проверку без того, чтобы привлечь к себе внимание, не представлялось возможности.

Тогда немедиц решил разузнать, что за человеком был покойный барон. Оказалось, довольно интересным. Полгода назад он устроил у себя в

баронстве настоящую охоту на ведьм. Результаты впечатляли. За первую седмицу казнили три сотни человек, за вторую — две, за третью и четвертую — по пять десятков. Человек, хоть месяц проработавший в сыскной или тайной службе, вам скажет, что такое количество преступников — что мирских, что религиозных, — высledить и отловить за столь короткий срок невозможно. Барон либо казнил всех подряд, либо точно знал, кого именно следует отправить на костер. Скорее всего — и то, и другое.

У Уледа сложилось определенное мнение о личности покойного. Материалы из архива храма Митры в Тарантии (умыкнуть документик? раз плонуть, не то что в Немедии...) лишь подтвердили первоначальные его догадки. Митрианцы планировали провести собственное расследование в землях барона. Соответствующее распоряжение было отдано за две седмицы до кровавых событий. Барон как-то узнал о нем и принял устранивать людей, которые могли сболтнуть на допросах лишнее. Когда жрецам не удалось поймать барона за руку, они решили просто-напросто его устраниТЬ. Такая версия произошедшего казалась Уледу наиболее правдоподобной.

Получалось, что существовала некая тайная организация, работающая на аквилонское жречество. Возможно, в тайну вовлечены и немедийцы. Организация эта отлична от тайной службы храма Митры, о которой Вертрауэну давно известно. Они не делают секрета из своего существования. Аквилонская же организация не являлась тайной

службой в полном смысле этого слова. Это были убийцы, профессионалы своего дела, устранившие неугодных жрецам людей.

Желтый продолжил рыться в архивах. Расследование следовало заканчивать как можно быстрее. Своим любопытством он наверняка обратил на себя внимание. К тому же разведчику стало откровенно страшно. В Аквилонии за полгода умерли своей смертью или от несчастного случая около ста двадцати людей, так или иначе связанных с храмом Митры. В отношении примерно половины из них жречество проводило расследование в связи их контактами с магами Черного Круга, Белой Руки и других содружеств, а также с конфидентами других стран.

Улед составил подробный отчет, в котором изложил все свои соображения, и отправил его в Бельверус. Сам же решился на отчаянный шаг: ему хотелось узнать имена тех, кто состоит в организации убийц. Среди жречества Тарантии ходили слухи о начальнике стражи города Танасула. Тот якобы поклоняется Золотому Павлину Саббатеи. К нему уже вроде бы отправили пару храмовых ликторов для приватной беседы. Если повезет, он может открыть им имена других любителей полакомиться человечинкой.

И тогда Желтый инсценировал собственную смерть. Телохранителя-немедийца Уледа больше не существовало. Информацию о наклонностях танасульца он передал в сыскную службу, приобщив к доносу для верности пару документов. Перед «смертью» Улед покопался в самых дальних

уголках архива. Затем были три дня безумной скачки под палящим солнцем в Танасул.

Оказавшись на месте, немедиец стал ждать: что произойдет дальше. По его расчету, сыскари должны были как раз в это самое время удостовериться в подлинности полученных документов и начать поднимать своих людей в Танасуле. От митрианцев их активность не должна ускользнуть, и убийцы получат очередное задание. Ему же останется только дождаться их. Был шанс, что палачи сами прикончат саббатейца, но Улед считал, что митрианцы предпочтут обставить дело как можно более чисто.

И действительно, через какое-то время дом начальника стражи покинули пятеро мрачных типов, а спустя колокол и он сам в сопровождении десятка стражников отбыл в сторону Пуантена. Желтый последовал за ними. Когда отряд почти покинул город, вокруг начали раздаваться крики: «Пожар!». Улед развернул коня и галопом поскакал прочь от саббатейца и его людей. Еще несколько мгновений, и он бы не успел выбраться из кольца пламени.

В тот день в Танасуле выгорел целый квартал, погибло около шести десятков людей, в том числе и начальник стражи. Как выяснилось, причиной пожара явилась неестественная жара, стоявшая над городом уже три седмицы. До этого пламя уже вспыхивало несколько раз, но его всегда удавалось вовремя потушить.

Улед решил, что схватить за руку аквилонских убийц у него не получится. Слишком про-

фессионально те действовали. В тот же день он отправился в Немедию.

Когда он отдыхал за кувшином вина в приграничной таверне, прощаясь с Аквилонией, к нему подошел высокий седеющий человек. Улед поинтересовался, что тому надо. Аквилонец сказал, что хотел спросить его о том же. Ведь именно он разыскивал его уже полгода. Немедиец сразу понял, о чем говорит его собеседник, и поинтересовался, почему он еще жив. Седой ответил, что один из Кольца Кинжалов не смог выбраться из танасульского пламени. Он предоставил Уледу выбор: погибнуть или обрести Цвет. А жить немедиец любил.

Белый настоял на сохранении прежнего образа немедийца. Пусть в Кольце Кинжалов считают, что он всего лишь деревенский парень, на которого указал Митра. Желтый спорить с этим не стал.

Но это все происходило давно. Сейчас в живых нет ни Белого, ни остальных. Или дело обстоит именно так, или он, Желтый, — маленький слепой котенок. То, что караван без проблем добирался до таверны, говорило о том, что Белый и Синий провалились. Вестей о Красном, Зеленом и Коричневом не было никаких. Все вместе, одновременно, они пропасть не могли. Вывод простой: они все мертвые.

Догадку подтверждало и то, что за ним уже два колокола ведется слежка. Скорее всего, стигийцы. Именно они любят постоянно сменять людей на наблюдении. Вещь хорошая и правиль-

ная, но когда это происходит слишком часто, то начинает бросаться в глаза. Желтый не сомневался, что они его прикончат, как и всех остальных, но облегчать им жизнь не стремился.

На случай, если им известно место встречи, он навестил заветный дворик. Зачем показывать, что ты волнуешься? Пускай сами сделают первый ход. Скорее всего, они попытаются взять его живым. Из всего отряда именно он казался самой легкой добычей. Что ж, за эту ошибку им придется дорого заплатить.

— Вечер добрый, — обратился к Желтому маленький человек, очень неброско одетый. Митрианец отдал должное его умению бесшумно подобраться сзади. А вот руку он за спиной зря держит, слабая выучка.

Молниеносным движением Желтый извлек из ножен меч и направил его в сердце маленького стигийца. Подхватив за шею обмякшее тело и используя его в качестве щита, бывший конфидент начал отступать к одному из домов. В мертвеца ударили два арбалетных болта. Желтый поздравил себя с тем, что не ошибся, когда прикидывал, в каком именно доме засели стигийцы.

Подойдя спиной к двери избранного дома, он мощно пнул её ногой. Замок не выдержал. Тем временем арбалетчик выстрелил еще четырежды. Последний болт прошел совсем рядом с головой митрианца. Ничего страшного, в принципе, но зачем демонстрировать свою неуязвимость раньше времени? Пусть думают, что он боится, тогда и колдовать не сразу станут.

В доме раздались крики, и к двери, рядом с которой укрылся Желтый, выбежали хозяин с хозяйкой. Два метательных ножа отправили их на Серые Равнинны. Славно, что в свое время он не поленился и взял у Зеленого пару уроков. Стигийцы, видимо, решили, что он попытается уйти через окна второго этажа. Троє воинов, вооруженных саблями, ворвались в дом, пытаясь его задержать. Быстро прирезав всех троих, благо они даже не поняли, что происходит, Желтый выбрался на улицу.

Здесь его ждали шестеро противников. Один быстро получил мечом в горло, другого Желтый толкнул на товарища, сам же схватил четвертого за шею, как свою первую жертву. Арбалетчик снова выстрелил, превратив живой щит в мертвый. Отшвырнув тело на четверых приближающихся воинов, Желтый нырнул в один из переулков. Теперь они начнут осторожничать и за ним не погонятся.

Внезапно разорвался один из амулетов Коричневого. Похоже, были серьёзным заклятьем. В это время навстречу выскочили троё арбалетчиков. Залп. Все снаряды прошли сквозь митрианца. Еще один залп. Глупцы, надо было бежать. Теперь поздно. Одному меч вспорол живот, двум другим — горло.

Пах! Еще один амулет. Надо как можно быстрее найти мага, иначе Желтому не жить. Скорее всего, он скрывается в том доме, где сидел самый первый арбалетчик. Излишнее любопытство всегда было слабостью этой породы. Наверняка маг

лично собирался наблюдать за пленением неприятеля.

Нужный дом находится на соседней улице, которую наверняка простреливают. Арбалеты вреда причинить ему не смогут, но вот маг сумеет воспользоваться зрением этих людей, чтобы обнаружить его местоположение. И тогда прощай еще один слой защиты. Выход один: по крышам добираться до соседнего с искомым дома, осмотреться и уже на месте решать, что делать дальше.

Удар ногой, и очередная дверь слетает с петель. На этот раз никаких людей. Правильно, что затаились, жить дольше будут. Лестница на второй этаж. Очередная дверь. Снизу раздалось мерзкое шипение, и в этот же миг дверь вылетела на встречу. Желтый еле успел увернуться. Не стоит злоупотреблять взаимодействием заклинания неуязвимости с крупногабаритными предметами, магия может и не выдержать.

Снизу по лестнице на митрианца надвигался демон с туловищем черного козла и змеиной головой. То был счастливый обладатель двух пар рук, в каждой из которых зажато по сабле. Со второго этажа спускался его брат-близнец.

Мысль о том, что его, как полного профана, поймали в элементарную ловушку, придала Желтому сил. Ринувшись на того козла, что находился ниже, он попытался достать его выпадом в пузо, но реакция у демона оказалась хорошей: удар он успел отвести. Вместо того, чтобы начать полосовать митрианца бесполезным саблями, он ударил его верхней правой рукой по челюсти.

Желтый отлетел прямехонько в объятья верхнего демона, и тут же получил по голове эфесом сабли. Перед глазами поплыло.

Оставалось одно мгновение, иначе они его вырубят. Желтый кинулся на нижнего демона, показывая, что собирается повторить свой неудавшийся маневр, но в последний миг развернулся к противнику спиной. Все четыре лезвия прошли через его спину и оказались спереди. В этот же миг Желтый швырнул меч в первого противника. Бросок вышел удачным. Клинок попал точнехонько в змеиную пасть. Демон зашипел и свалился замертво.

В это время его собрат обрушил на Желтого удары всех четырех кулаков. Но свалить огромного немедийца было не так просто. Переоборов боль, он вцепился демону в глотку, стараясь убечь пальцы от ядовитых зубов, торчащих из змеиной пасти. Козел продолжал колотить своего противника, и тот практически потерял сознание, но хватки не ослаблял. Наконец раздался звездный хруст, и демон упал замертво.

Пошатываясь, Желтый спустился по лестнице и направился к дверному проему, но на пути его встала непонятная преграда. Митрианец тряхнул головой, пытаясь привести зрение в порядок. Едва заметное голубое свечение закрывало дверь и окна. Похоже, стигийцы все-таки поймали его в ловушку. Вот за дверью стоит маг, смотрит и улыбается. Молодой еще, глаза большие, умные, но злые искорки то и дело да проскакивают.

Еще посмотрим, кто из нас сильнее. Желтый

подошел вплотную к преграде и попытался сделать шаг вперед. Совсем небольшой шажочек, малюсенький. Преграда чуть-чуть поддалась, но отплатила за это волной боли, прошедшей по всему телу митрианца. Сжав зубы, он попытался сделать следующий шаг — и так далее. Боль, просто море боли... и улыбающееся лицо мага. Этот ублюдок еще не знает, что Желтый до него доберется. Вопреки всем магическим законам и правилам — доберется.

Боль становилась всё сильнее, но идти стало легче. Улыбка врага сделалась чуть менее уверенной. Маг произнес несколько незавершенных заклинаний, делая заготовку. Желтый заметил это и расхохотался.

Преграда исчезла. На бывшего конфидента одновременно обрушились и пламя, и лед. Ноги налились тяжестью, клонило в сон. Но он продолжал идти вперед, а маг всё колдовал и колдовал. Амулеты разрывались один за одним. Осталось три шага, два, один. Последний амулет взорвался. Один из осколков пробил глаз Желтого. Из последних сил немедиец ударил мага кулаком в лицо. Шейные позвонки не выдержали, и стигиец свалился замертво.

Теперь оставалось сделать только одну вещь.

По обе сторону от Желтого стояли воины с арбалетами. Зло улыбнувшись, он с диким криком бросился на тех, что справа. Впечатление он, видимо, производил ужасающее, и выдержки у арбалетчиков не хватило.

Приказ они забыли.

— Не убивать! Бейте в ноги! — раздался крик, одного из сохранивших благородумие стигийцев.

Но было поздно. Десяток арбалетных болтов пронзил тело Желтого. За миг до смерти немедиец успел улыбнуться.

* * *

— Всё равно не понимаю, почему ты нам помогаешь, — продолжал настаивать Сигурда. — Тебя же наняли, чтобы прикончить Счастливчика!

Пятеро путешественников сидели у костра. Поодаль стояли верблюды и лошадь. Рядом с ними лежало тело Оли. За время дороги он несколько раз приходил в сознание, но разумных речей от него услышать не получилось. Хорошо хоть от воды не отказывался, что настраивало на положительный лад.

Эмилио выругался про себя. Его история была белыми нитками шита. Будь у него хоть немного времени на её проработку... Эх, для чего жалеть о несбыточном! Ну как объяснить ваниру разумность тех вещей, которые он сам почитает бредом? Ужас. Даже мысли — и те корявые.

— А разве у меня был выбор? — сказал Эмилио. — Положим, я бы отправился за вами, так в пустыне слежку любой дурак заметит. И настал бы мне конец. Так что пришлось навязаться с вами. Если вы помрете в пещерах, я могу считать, что выполнил своё задание. А если сокровище добудете, то можете поделиться им со мной, и я забуду о своем хозяине.

Ванир и киммериец расхохотались.

— По-моему, он врет, — заключил старик, придвигаясь поближе к костру. Ночью на самой границе с пустыней было уже очень холодно. Старый стигиец по имени Каруз держался еще молодцом и ни на что не жаловался.

Счастливчик закивал в знак согласия со стариком.

Эмилио принял у Конана бутылку с ослиной мочой, которую неизвестный неразумный человек поименовал вином. Бутыль была уже четвертой за вечер. За дневной переход им встретился всамделешний торговец вином. После событий в Бирафире всем, кроме старика, страшно хотелось напиться, так что большую часть выигранных Счастливчиком в караване деньги спустили на выпивку.

— Бру я или не вру, — заключил аргосец, — судить вам. Но даже если и так, то не забывайте: я доставил вам ценного пленника, который, как охотник за мошенниками, является куда более ценным экземпляром, чем я.

— Он хотя бы молчит! — зло заметил ванир и тоже приложился к вину. Свою бутыль он делил с Счастливчиком.

— Вот именно! — согласился с другом зингарец. — Он молчит, и информации от него никакой не получишь. И не стоит забывать о железке в его животе. Парень в любой момент может отправиться на Серые Равнины гулять.

Старый стигиец посмотрел на Счастливчика, словно тот нанес ему смертельное оскорбление.

— Ну сколько вам повторять? — изумился Ка-руз. — Сабля не должна была задеть в нем ничего важного. А раз он не отказывается от воды, значит, идет на поправку.

— В любом случае, — вернулся к теме Эмилио Счастливчик, — этот аргосец собирается меня привезать.

Эмилио зло помянул Бела и Дэркето. Ему совсем не хотелось убивать зингарца. Тот оказался неплохим парнем, который отнюдь не желал посыпать людей на смерть, как представлялось поначалу жертве магической карты сокровищ. Да и Конан с Сигурдом не простят Эмилио гибели друга. Шансов справиться со всеми у него не было. Но ведь он поклялся отомстить за своих друзей! Аргосец искренне верил, что они не найдут покоя на Серых Равнинах, пока по земле ходит тот, кто виновен в их смерти. Иначе зачем боги помогли ему выбраться из пещер?

— Сначала я получу сокровище! — хмыкнул он. — Так что можешь спать спокойно.

— Ну, нет! — расхохотался Счастливчик. — Тебе веры ни на каплю! Ни до сокровищницы, ни после!

Конан подкинул в костер веток. Пламя с яростью поглотило их.

— Ладно, хватит, — оборвал спорщиков киммериец. — Нам завтра по пустыне идти, так что лучше встать пораньше. Сигурд, Счастливчик, Каруз укладывайтесь. Первая смена — моя с Эмилио.

Аргосец про себя одобрил решение киммерий-

ца. Конан ему не доверял, так что предпочитал лично приглядывать за непонятным аргосцем.

Сам бы Эмилио поступил на его месте точно так же.

* * *

Искры. Свет. Боль.

Почему она столь прекрасна?

Удар. Кровь. Труп твари, слетающей в темноту. Опять не успел.

Как же хочется уйти вместе с ней!

Одиночество. До чего же оно пронзительно!

Счастливчик перевернулся на другой бок. Конан и Эмилио всё еще стояли на страже. Сигурда тихо посыпал. Никого больше кошмары не мучили. Эх, может всё-таки получится еще спать...

* * *

Холодные стены, холодный воздух, холодный пол. Белый прижал ноги к подбородку, чтобы хоть немного согреться. Он уже несколько раз терял сознание. Слабость, завладевшая его телом, мешала нормально думать.

Митрианца сотряс приступ кашля.

Сделав над собой усилие, Белый поднялся на ноги. Голова тут закружилось, и его повело. Ударившись об одну из стен, он со стоном сполз на пол.

Надо заставить себя сосредоточиться. Мысли

витали только вокруг одного: как бы согреться. Он даже не мог вспомнить своего имени. Белый закусил зубами губу, надеясь, что боль поможет ему. В рот стекла струйка крови. Она была теплой. Какое необычное ощущение! В этом месте, казалось, всё пропитано холодом.

С огромным трудом ему удалось ухватиться за эту ниточку. Место. Удивительно холодное место. Где он может находиться?

Нет, не верно. Он не может знать ответа на этот вопрос. Надо задать другой.

Как он сюда попал?

Так правильнее.

Белый попытался вспомнить. Отдельные отрывки никак не складывались в цельную картину. Он растянулся на полу и заплакал. Удалось вспомнить лишь то, что он считал себя последним дураком, когда впервые очнулся здесь. Тогда холод еще не превратил его в жалкое хныкающее существо.

Дурак. Это значит, что он совершил какую-то ошибку. Глупую, непростительную.

Что же произошло перед тем, как он попал сюда? Чувство стыда и холод надежно скрывали от него эти воспоминания.

Тогда, может, лучше не торопиться, а попытаться маленькими шажками продвинуться чуть дальше по спирали времени?

Интересное выражение. Красивое. Наверное, он где-то учился, раз способен говорить и мыслить столь красиво.

Учился. Да, он учился. Давно, очень давно. Он

забыл многое из того, чему его обучали. Это знания были ненужными, лишними, и он считал, что не стоит забивать ими голову. Его собственный жизненный опыт был больше, чем у всех его учителей вместе взятых.

Стоп! Возможно, отгадка где-то здесь. Похоже, он попал сюда потому, что упустил из виду одну из тех вещей, которым его обучали.

Надо вспомнить. Обязательно надо. Тогда он сможет выбраться из этого холодного места.

Это был третий месяц лета. В саду за храмом Митры в Тарантии росли десятки яблонь. В такой погожий день занятия всегда проходили именно там. Шепот листьев, ароматы трав, щебетание птиц. Кто-то считал, что всё это отвлекает учеников, кто-то, напротив, настаивал, что это помогает лучше усвоить материал.

Но с тем, что в последние летние деньки сидеть в кельях и пыльных учебных залах глупость, согласны были все.

Шестеро молодых людей, одетых в серые рясы послушников, расположились под тремя деревьями. Один ковырялся травинкой в зубах, трое грызли большие сочные яблоки, только что сорванные с ветвей. Тот из послушников, что был старше всех, приготовил таблички для записи и напряженно ждал, пока придет жрец, которому выпало проводить сегодняшний урок. Последний же, самый младший ученик храма Митры, откровенно скучал, не зная, к чему себя приложить.

Наконец из-за деревьев показалась статная фигура жреца. Ему было всего лет сорок, но за

это время он уже успел отъесть себе немаленьких размеров живот. У жреца были добрые карие глаза. Его ярко-красная ряса делала его похожим на одно из яблок, валяющихся на земле. Только на очень большое яблоко.

— Добрый день, — обратился он к послушникам.

— Добрый день, учитель, — ответили те, принимая более почтительные позы.

Молодой жрец обвел всех шестерых внимательным взглядом, убеждаясь, что все и вправду готовы его слушать.

— Сегодня мы продолжим наш экскурс в историю, — начал он. — В прошлый раз мы говорили о политических последствиях падения Ахерона. Сегодня мы коснемся религиозных аспектов.

Послушники подобрались. Урок обещал быть довольно интересным. Смутные времена рождали сильных людей. Роль отдельной личности в подобные периоды истории приобретала приоритетное значение. Достаточно вспомнить хотя бы возникновение первых государств.

Данная закономерность относилась не только к политике, но и к вопросам веры. Не следует забывать, что после падения Ахерона поклонение Сету, явившееся основной религией того времени, попало под запрет. Люди не знали, каким богам молиться. На помощь им пришло великое множество адептов малоизвестных божков, о которых раньше никто не слышал. Большая часть этих культов благополучно канула в небытие. Однако жрецы многих из них всё-таки сумели

привлечь достаточноное количество верных последователей и начали на равных соперничать с наследавшимся военными вождями хайборийцев митрианством.

С заката новых богов гнали на восход и полдень огнем и мечом. Ранние митрианцы были беспощадны в своей борьбе за веру. Однако в течение всего первого столетия от основания Аквилонии религиозный хаос властвовал в человеческих умах.

— Я уже упоминал историю борьбы с возникшими в те времена культурами, — начал свой урок одетый в красную рясу жрец. — Имеются в виду общие направления, как в плане насаждения митрианства, так и в плане искоренения верований в мелких кхарийских божков. Вам уже известно, что предпринятые тогдашним жречеством шаги отличались большой степенью эффективности. Но оставались определенные недоработки. Так, многие культуры не были окончательно уничтожены. Их последователи обосновались в Шеме, Кофе, Иранистане, Вендии и Черных Королевствах. Тогда это казалось допустимым, но сейчас мы видим, что им удалось укрепить свое влияние, кое-где даже на государственном уровне. К счастью, о наиболее опасных из кхарийских культов мы можем узнать только из книг.

Раздался громкий хруст надкусываемого яблока. Жрец обиженно посмотрел на младшего послушника, заподозрив того в невнимательности. Юноша всем видом показывал, что опасения учителя совершенно беспочвенны.

— А расскажите нам о каком-нибудь отвратительном культе, — попросил другой послушник, стараясь отвлечь внимания жреца от своего не в меру охочего до яблок товарища.

Жрец с сомнением взглянул на солнце, прикидывая, останется ли у него время на изложение основного материала. Потом решил, что в такой приятный денек можно немного развлечь учеников.

— Ну, ладно. Слушайте, — начал жрец, усаживаясь на землю. Он огляделся по сторонам в поисках яблока получше и наконец, остановив свой выбор на большом красном плоде, со смаком впился в него зубами. — Был один очень забавный культив. Он возник на территории нынешнего Офира. Вера их не представляла из себя ничего особенного. Обычный демонизм. Красивый, правда, был у них божок. Подумайте только, они воздвигли статуи, представляющие собой шарик с огромным количеством зубов и двумя глазами. Великий бесформенный Друаргл.

Бесформенность была проклятьем, которое наложили на него древние боги. И теперь Друаргл должен был найти себе новое тело, которое его полностью устроит. Когда поиски эти завершатся, он сможет воплотиться в нашем мире, и будет всем его адептам счастье великое.

Чтобы в поисках ему этих помочь, на алтаре перед зубастым шариком приносили человеческие жертвы. В тот миг, когда сердце бедняги переставало биться, Друаргл вселялся в него, чтобы решить, подходит ли ему это тело.

Ну, ни об одном подошедшем я не слышал, а вот над отбракованным материалом издевались прилично. С несчастных снимали кожу и шили из неё себе одеяния. Чем больше кусочков кожи разных людей было, скажем, на плаще, тем более ценным он являлся. Жир плавили на мыло. Мясо отдавали собакам. Что делали с костями, опять же, неизвестно.

— И что здесь интересного? — спросил младший послушник. — Сами же сказали, обычный демонический культ.

— Жажда знаний — это, конечно, хорошо, — философски произнес жрец, — но и о почтении к старшим забывать не следует. Раз сказал, что будет интересно, значит будет интересно. Ждите.

Жрец выкинул огрызок, оставшийся от яблока.

— Простите, — грустно промолвил послушник.

— Главное, одному из высших жрецов такое не скажи, — посоветовал наставник. — Они пообидчивей, чем я. Но раз вы столь подкованы в различных аспектах демонизма, то ответьте мне на один маленький вопросик. Как заманиваются в храмы будущие жертвы?

— Никак, — категорично заявил самый старший послушник. — Людей для жертвоприношений предпочитают покупать на невольничьих рынках. Только там можно спокойно подобрать человека, удовлетворяющего всем требованиям божества.

Жрец вздохнул.

— Ну, что за время?! — посетовал он. — До че-

го же испорчена молодежь! Это сейчас раба купить не проблема. В те времена, о которых мы с вами говорим, старались всеми силами побороть темное наследие Ахерона. Работоторговля тогда процветала лишь на полудне Хайбории, в Стигии и приграничных землях, а на восходе, в гирканских государствах, на территории современных Немедии, Аквилонии, Аргоса, Зингары, Офира и Кофа нельзя было даже владеть рабом в нынешнем понимании этого слова. А уж за куплю-продажу людей казнили даже без судебного разбирательства.

— Значит, культы использовали магию, — произнес один из послушников. — Если бы они похищали людей, подобно обыкновенным бандитам, стража быстро вышла бы на их след. А когда мозг человека задурманен, и он сам идет в пасть к змее, никто никому обвинения предъявить не сможет.

— Верно! — подтвердил догадку наставник. — Поэтому тогдашние жрецы Митры обратились за помощью к светлым магам, а позже в храмах наиболее способных послушников начали обучать магическим началам. Впрочем, в вопросах обучения вы, наверное, даже лучше меня разбираетесь, так что вернемся к делам минувших дней. Светские власти определяли, в каких районах часто пропадали люди, а маги брали их под наблюдение. Рано или поздно им удавалось почувствовать колдуна демонистов, и тогда в дело вновь вступала сталь.

— С последователями Друаргla была иначе? — спросил младший послушник.

— Да, — ответил жрец. — Они загадали нам загадку, которую до сих мы решить не в силах. Хотя в последнее время особо никто и не стремится в этом разобраться: никого из адептов Друаргла в живых не оставили.

События в Офире разворачивались по обычной схеме. В одном из районов Ианты стали то и дело пропадать люди. Среди них были и бедняки, и дворяне. Сыскная служба долгими поисками себя не утруждала. Было ясно, что орудуют не простые бандиты — слишком разномастными были жертвы.

Почти сразу отослали депешу в Тарантию с просьбой прислать мага для проведения расследования. Маг прибыл, произвел все подготовления и принялся ждать, когда неизвестные начнут свою охоту. Время шло, а никаких магических действий не совершалось. Люди же продолжали исчезать. Прислали еще троих магов. Результат тот же.

Сыскная служба уже тоже трудилась вовсю, пытаясь найти свидетелей похищений. Раскопать удалось немногого. Порядка десяти людей видели, как некоторые богатые прохожие вдруг ни с того ни с сего заворачивали в грязные бедняцкие пруды. Район прочесывали раз за разом, но логова похитителей обнаружить не удалось.

Тогда вернулись к магической версии. На аквилонских магов, правда, уже не надеялись. Стали расспрашивать свидетелей: не ощущали ли те что-то необычное, какой-нибудь непонятный зов. Один немедиец рассказал, что ему почудился

аромат персиков, и вроде начала играть очень красивая музыка, а потом всё пропало. Он запомнил этот момент, потому что ему очень хотелось пить, и он принялся искать торговца фруктами, лавка которого, судя по запаху, должна была находиться где-то поблизости. Однако найти что-либо ему было не суждено. Вроде бы, глупость, но с учетом того, что никаких других зацепок не было, принялись разрабатывать версию с персиками.

Успех был просто ошеломляющим. Про аромат персиков и странную музыку рассказало не меньше трех десятков людей. Удалось сузить район поисков. Опять привлекли магов, и опять ответ прежний: они ничего не ощущают. Глава сыскной службы разозлился до такой степени, что с эскортом из десятка стражников отправил их всех назад в Тарантию.

Тогда иантийцы решились на отчаянный шаг. Судя по показаниям свидетелей, в то время, когда они начинали ощущать аромат персиков, их кто-нибудь толкал или окликнул, и тогда наваждение пропадало. Это означало, что бесследно исчезали только те люди, на которых было произведено достаточно длительное воздействие.

Охотились «музыканты», как окрестили неизвестных похитителей, практически каждый день, и это обстоятельство давало властям небольшой шанс на удачное воплощение задуманного. Более сотни стражников, переодетых в наряды городских простецов, должны были бродить по означеному району. Как только кто-нибудь из них

ощутит аромат персиков, он должен был уронить на землю одну из перчаток и стараться избегать контактов с окружающими, чтобы не помешать воздействию «музыкантов».

Практически сразу же двое переодетых стражей расстались с перчатками. Одного из них всё-таки отвлекли, и музыка исчезла.

А вот по следу второго стражники прошли до самого логова «музыкантов», где и обнаружили храм Друаргла.

Над похитителями власти устроили показательный процесс, и через седмицу все они были прилюдно казнены на главной площади Ианты. Правда, палачи так и не сумели добиться у демонистов ответа, что это была за музыка и аромат персиков. Установили лишь то, что к магии они не имеют никакого отношения, и никакой защиты от них не существует.

Кстати, стражник, который прошел весь путь до храма, через год сошел с ума. Была мысль проследить за всеми, кто ощущал аромат персиков, — как у них со здоровьем и рассудком, — но власти предпочли как можно быстрее, забыть о культе Друаргла.

...Дурак! Проклятый дурак!

Белый наконец всё вспомнил.

Хватило бы простого резкого движения, чтобы выйти из-под воздействия этих демонистов. Теперь понятно, почему его держат в этом леднике. Похитители не владеют магией в полном смысле этого слова, а потому бояться всех тех заклятий, что навешал на него Коричневый. Холод рано

или поздно сведет их пленника с ума, и тогда он будет совершенно безвреден.

Нергал их забери! Им почти удалось. Откуда только этот культ взялся?! Их же всех давным-давно переловили!

Надо как можно скорее, выбираться из этого логова. Только непонятно, как это сделать. Он слишком слаб даже для того, чтобы просто произнести одно из уже заготовленных заклятий. Нагрузка убьет его.

А может, это и к лучшему. Белому отнюдь не хотелось стать плащом или сапогами демониста. Если он помрет здесь, а не на алтаре, то, может, они посчитают его тело непригодным для своих целей. Всё равно — гадкая смерть.

Холода уже почти не ощущался, зато хотелось спать. Недолго осталось, совсем недолго. Митра, как же не хочется стать сапогами...

Проклятье! Прочь! Рано умирать. Нельзя умирать.

Белый решился произнести заклятье связи с Зеленым. Надо узнать, мертв ли зингарец. Остается надеяться, что магия его самого не прикончит.

— А-а!

Тысячи острых игл вонзились в мозг.

— Больно... Как больно!

Белый повалился набок и начал тихонечко стонать. Когда боль стихла, он позволил себе улыбнуться. Он выдержал, а значит, не все еще потеряно. Однако Зеленый мертв. Придется проверять остальных.

Желтый. Мертв.

Синий. Ранен, но жив. Проникнуть в сознание никак не получается.

Красный. Мертв.

Коричневый. Мертв.

Проклятье! Тысяча проклятий! Счастливчик, похоже, остался цел. Во всяком случае, в мозгу у Синего есть какие-то расплывчатые воспоминания об этом.

Холод подкрадывался все ближе и ближе. Его прикосновения стали ласковыми и нежными. Спать хотелось уже нестерпимо.

Белый плыл по волнам реальности, время от времени ныряя в пучину сна. Ему казалось, что адепты Друаргла должны были что-то непременно сделать для того, чтобы сохранить ему жизнь. Им ведь не нужен его труп.

Нет! Нельзя на это рассчитывать. Что было сил Белый сжал зубами губу и напился своей теплой крови. Тут же его согнул приступ кашля, но зато он отвоевал у холода несколько мгновений для ясных мыслей.

У него в запасе оставалось одно заклинание, которое можно было применить в теперешней ситуации. Злая, нехорошая магия. Одно из адаптированных первыми митрианцами кхарийских заклятий.

Его было строго-настрого запрещено использовать, за исключением тех случаев, когда возникала угроза для самого существования культа Митры.

— Что ж, действительно наш случай, — за-

ключил Белый и начал произносить слова, приводящие заготовку в действие.

...Прости меня, Оли.

* * *

— Митра! — Синий орал так, словно его четвертовали. — Проклятье! Убирайся прочь!

Чьи-то щупальца пробирались в мозг Оли. Шаг за шагом, ухват за ухватом они продвигались вперед.

Неведомый голос нашептывал ему что-то успокаивающее, просил не сопротивляться, говорил, что скоро всё закончится. Он становился всё громче, слова звучали всё убедительнее.

Внезапно проснувшаяся боль от сабли, торчавшей в животе палача, обрушилась одновременно на оба сознания. И если Оли был более-менее к ней привычен, то для захватчика это было совсем новое ощущение. Синий сделал усилие и отвоевал себе немного пространства в рассудке бывшего палача.

— Убирайся! — выкрикнул Оли, катаясь по земле и обхватив голову руками. — Убирайся!

К пленнику подбежали не только несшие стражу Конан и Эмилио, но и разбуженные волнями Сигурд, Счастливчик и Каруз.

— Что с ним? — спросил зингарец у Эмилио, протирая глаза.

Аргосец только пожал плечами.

— Пожалуйста, успокойся... — Оли узнал этот голос. Белый. — Мне нужно твоё тело. Я должен

прикончить Счастливчика. У тебя не хватит для этого знаний.

— Убирайся из моей головы! — выкрикнул Синий в голос. Отвечать с помощью мыслей он даже не пытался.

— Ты не понял, — Белый произносил слова неспешно, так, чтобы Оли смог полностью постигнуть скрытый в них смысл. — Я в любом случае овладею твоим телом. Заклинание уже действует. У тебя нет ни шанса. Я просто не хочу вызывать лишних подозрений, так будет намного проще.

Метания Синего по земле привели к тому, что сабля еще немного продвинулась в глубь тела.

— А-а! — раздался в голове палача вопль Белого.

— А-а! — вторил ему Оли.

На миг борьба прекратилась. Противники пытались прийти в себя. Первым это удалось Белому, и он продолжил своё движение вглубь сознания Оли.

— Ты мой, — шептал он. — Ты мой.

— Да лучше сдохнуть! — закричал Оли и потянулся к эфесу сабли.

В этот миг киммериец опустил ему на голову жестянную кружку, вырубив неудавшегося самоубийцу.

— Чего выдумал! — недовольно заявил Конан. — Помереть ему захотелось. Пусть сначала расскажет всё о своей шайке. Зря мы что ли аргосца кормим.

Эмилио хмыкнул. Все с любопытством смотре-

ли на затихшего пленника. Но было похоже, что Оли вернулся в привычное для него в последнее время бессознательное состояние.

— Эмилио, следи за ним, — приказал аргосцу Конан. — Вдруг опять очнется и вздумает наложить на себя руки. Остальные — досыпать, скоро ваша стража.

* * *

Путешествие по пустыне было еще тем удовольствием. Оно способно понравится лишь тем чудакам, что всю жизнь мечтали узнать, каково приходиться ракам, брошенным в котелок с нагретой водой. Тебя варят, а ты ничего не можешь с этим поделать. Утешает только то, что твоим товарищам приходится столь же сладко.

Из всех шестерых путников, если считать пленного палача, хуже всего приходилось Сигурду. Конан и Эмилио в годы приключений бурной молодости бывали в пустынях не раз. Каруз вырос в этих краях, и несмотря на то, что он их недолюбливал, был всё-таки к ним привычен. Счастливчику было просто всё равно. Почему — неизвестно, но жаркий и сухой климат его не удручал. Оли всем своим существом уподобился тюку: лежал на верблюде и молчал.

— Когда? — в сотый раз спросил ванир у капитана. На более подробное изложение своей мысли сил у Сигурда не осталось.

— Скоро, — ответил Конан, даже не глядя на карту. — Сколько можно, Сигурд? Большую

часть перехода мы преодолели. Потерпи немного. Будет тебе оазис.

— Еще немного, — заметил ванир, утирая пот со лба, — и мне станет всё равно.

— Дотерпишь, — эта была первая фраза, произнесенная Счастливчиком за очень долгое время. — Я уже вижу его. Вон там, чуть правее.

— Опять мираж, — возразил Сигурд.

Зингарец обиженно фыркнул.

Отряд приближался к оазису, но деревья даже не думали исчезать. На лицах людей начали появляться улыбки. Проблем с водой не было, ею запаслись с избытком еще в Сартосе, а вот тень была пределом мечтаний.

Первым не выдержал Эмилио и, дав шпор лошади, помчался галопом к оазису. За ним устремился Сигурд, неплохо наловчившийся управляться с верблюдом, а потом и все остальные.

До колодца первым добрался Счастливчик, в очередной раз оправдавший своё прозвище. Зачерпнув ведро холодной воды, он сделал из него пару глубоких глотков, а оставшуюся воду обрушил на подъехавшего Сигурда.

Ванир расхохотался и полез доставать следующее ведро.

Когда все вдоволь напились, отряд направился под тень, которую давали две высоченные пальмы, — пережидать полуденную жару. Переход оказался столь утомительным, что никто не вспомнил о пленнике, по-прежнему отдыхавшем на спине верблюда.

— Кром! — ударил себя по лбу Конан. — Он

же там изжарится. Сигурд, пошли. Поможешь мне оттащить его. Эмилио, сходи набери воды.

Тащить Оли было неудобно из-за торчавшей в его животе сабли. Аквилонца аккуратно уложили набок, чтобы не расшевелить рану. Эмилио присел на корточки и плеснул немного воды ему на лицо, чтобы освежить перегревшегося пленника. К всеобщему удивлению, Оли тихонечко простонал и попытался пошевелить рукой.

Эмилио набрал воды в чашку, отобранный у Каруза, наполнил её водой и поднес к губам пленника. Тот начал маленькими глотками поглощать влагу. Когда чашка опустела, он снова потерял сознание.

— Ладно, пусть отдыхает, — сказал Конан. — Будем надеяться, вскорости опять очнется.

— Точно, — согласился Эмилио, растягиваясь в тени. — А пока и мы немного отдохнем.

Пленник время от времени начинал шевелиться, тогда ему давали воды, но сохранить сознание сколько-нибудь долго у него не получалось.

В конце концов на него перестали обращать внимание. Счастливчик и Каруз решили немного поспать. Эмилио высматривал у Конана и Сигурда об их приключениях на «Вестре».

Когда жара немного спала, Конан принял решение двигаться дальше. Заполнив фляги холодной водой, путники направились к верблюдам. Эмилио решил перед тем, как двигаться дальше, напоить свою лошадь. Она переносила жару хуже, чем двугорбые.

Сигурд подвел выночного верблюда, которого теперь делили Каруз и Оли, к пальме, под которой лежал пленный аквилонец. К великому изумлению ванира, пленник уже находился в сознании и вполне осмысленно оглядывал подошедшего пирата.

— Дайте воды, — попросил он.

Сигурд протянул ему одну из фляг. Оли дрожащей рукой откупорил её и стал жадно поглощать влагу.

— Держи, — сказал он возвращая полупустую фляжку. — Почему я еще жив?

— Конан! — позвал капитана Сигурда. — Быстрее, сюда!

К ваниру бросился не только киммериец, но и Эмилио. Ненамного отстали от них и Эмилио с Карузом.

— Конан, — обратился к киммерийцу Сигурд. — Он пришел в себя.

— Капитан, — сказал Оли, — ваш помощник не желает сообщить мне причину, по которой я еще жив. Я вижу в вашей компании одного моего старого знакомого и полагаю, что он рассказал вам всё о моих намерениях в отношении вашего друга.

— Как разговорился! — бросил аргосец.

— В живых ты только по одной причине, — сказал Конан. — И у нас, и у Эмилио достаточно причин, чтобы желать твоей смерти. Карузу ты тоже доставил мало удобства, путешествуя с ним на одном верблюде. Одним словом, стоило бы тебя отправить на Серые Равнины, но нас очень за-

нимает один вопрос. Вернее, два. Кто твои товарищи? И по чьему приказу вы действуете?

Оли сухо рассмеялся.

— Значит, вы зря ждали, — сказал он. — Как только я вам всё расскажу, вы отправите меня на Серые Равнины.

— А если не расскажешь, — зло проговорил Эмилио, — будем долго тебя пытать. В Пуантене я освоил несколько очень интересных приемов.

Оли в ответ на это только улыбнулся.

Конан поднял руку, показывая Эмилио, что ему лучше помолчать. Аргосец нахмурился, но язык попридержал.

— Я поклянусь сохранить тебе жизнь, — сказал киммериец. — Ты же расскажешь мне всё, что я пожелаю.

Оли внимательно посмотрел на киммерийца, выдержал паузу и покачал головой.

— Хорошее предложение, — сказал он, — но, к сожалению, я не могу на него согласиться. Даже несмотря на произошедшие не так давно события. Кстати, хочу сказать спасибо за то, что спасли мне жизнь.

— Странно, не припоминаю такого, — пожал плечами Конан. — Давай тогда поступим следующим образом. Ты рассказываешь нам всё, что знаешь, а мы посмотрим, насколько ценные твои знания, и решим, сохранять ли тебе жизнь.

— И я должен поверить вашим словам? — изумился Оли.

— Разве у тебя есть выбор? — вопросом на вопрос ответил Конан. — Впрочем, мы всегда мо-

жем отдать тебя в руки Эмилио и посмотреть, что ты поведаешь нам под пытками.

— Вы добный человек, капитан, — сказал Оли. Конан улыбнулся краешком губ.

— Если честно, мне очень хочется посмотреть, много ли сможет вытянуть из меня ваш дружок, — признался вдруг Оли. — Он воображает, будто знает о пытках всё. Дурачок. Когда мне захочется умереть, я умру, и он ничем не сможет мне помешать. Ну, да это только фантазии. Видимо, мне придется вам кое-что сообщить. Признаюсь честно, делаю я это во многом из мстительных чувств. Один мой знакомый попытался пробраться в мою голову, а это, знаете ли, очень неприятно. Очень. Какая-то часть его сознания всё еще во мне... А может, и нет. В любом случае, где бы он ни находился, ему очень не понравится то, что я сейчас сделаю. Ведь именно он поделился со мной тем знанием, которым я поделюсь с вами. Правда, забавно?

Сигурд обменялся с Конаном тревожными взглядами. Похоже, у плениника не всё в порядке с головой. Оли молчал, ожидая реакции на сказанное.

— Забавно, очень забавно, — проговорил киммериец. — Продолжай.

— Нет, — не согласился с ним Оли, — вы не можете оценить всю комичность ситуации. К вам в голову не пытался забраться пятисотлетний старик и не оставлял там кучу ненужных знаний.

— Но сейчас его там нет? — уточнил Конан.

— Кто знает, кто знает? — фыркнул Оли. —

Это был очень хитрый стариk. Столько книжек за все эти годы перечитал! Может быть, сейчас он затаился и выжидает момента, когда зингарец приблизится ко мне. Он жаждал его смерти куда больше остальных. Намного больше.

— Остальные, — вернулся к интересующему его вопросу Конан. — Где они, твои друзья и напоматели? Что они собираются делать? Ты можешь нам сообщить?

Аквилонец рассмеялся, как если бы Конан сказал очень смешную вещь.

— Боюсь, что нет, капитан, — его живот всё еще вздымался в приступах хохота, и это причиняло ему боль, на которую он, однако, почти не обращал внимания. — Не могу. Даже если бы захотел, всё равно бы не смог. Может, они у Нергала, может, у Митры, а может быть — в каком-нибудь отдаленном уголке Серых Равнин. Они все мертвые. Я — последний.

— Откуда мне знать, что ты не врешь? — спросил Конан.

— Ну... — задумался Оли. — Я могу поклясться, а могу не делать этого. Думаю, лучше вам выслушать мой рассказ, а потом уже решать — верить мне или нет. Кстати, не могли бы вы мне дать еще немного воды?

Сигурд бросил ему фляжку.

— Лови, — сказал он. — Можешь допивать.

— Благодарю, — величаво произнес Оли и начал жадно пить холодную воду. — Теперь, пожалуй, можно поведать и том, почему ваш друг, капитан, должен отправиться гулять по Серым

Равнинам. Я и мои погибшие товарищи трудились во славу одного королевства. Какого именно не скажу. Зачем вам это? Занимались мы в основном тем, что устраивали неугодных королевству людям. Что и когда совершили эти несчастные, мы обычно и не знали. Мечу нужна лишь цель, остальное излишне.

Но бывало, что завеса тайны немного приоткрывалась. В случае со Счастливчиком это произошло именно так. В королевстве узнали о пещерах, демонах и золоте. На пещеры и золото облеченный властью мужам королевства было плевать. Золота у них самих предостаточно, да и пещеры сыщутся. А вот про демонов они узнали очень много интересного от других мужей. Те были облечены знаниями. Оказалось, что наши демоны — на редкость опасные твари, — сказал Оли. Увидев некоторое смущение на лицах слушателей, он добавил: — Выжившие говорили о крупных, подвижных существах черного окраса с ярко-зелеными глазами. Кто-то упоминал и их нечеловеческий разум.

— Мой хозяин во время своего визита в пещеры, — перебил аквилонца Каруз, — не испытал с ними никаких затруднений. Жалко только, что он золотом не заинтересовался.

Сигурда, Счастливчик и Конан непроизвольно отодвинулись от старика. Разговоров о графе Бирафире все старательно избегали, несмотря на то, что это знание могло спасти их жизни. Страх перед тем, что они увидели в поместье, всё еще жил в их душах. Каруза, когда он начинал рас-

сказывать о своем путешествии в пещеры, неизменно перебивали и переводили разговор на другую тему. Старик, казалось, был рад этому. Хоть он и старался говорить о Бирафире в спокойных тонах, было ясно, что он до смерти боялся своего прежнего хозяина и был доволен, что сумел под шумок сбежать из поместья, когда представился случай.

— Вы мне не знакомы, — сказал Оли, разворачивая голову так, чтобы получше разглядеть Каруза. — Кто вы? И что за человек ваш хозяин?

— Спроси у двух своих друзей, — отрезал Конан и зло посмотрел на Каруза.

— Ладно, оставим в покое этого неизвестного, но заранее уважаемого мной человека, — согласился Оли. — Если он сумел расправиться с Красным и Зеленым, возможно, его имя не следует поминать лишний раз. А вот о демонах я расскажу поподробнее. Впервые в Хайбории их увидели на самой заре человеческой расы. Их называли белсебуры. Об этом говорилось в хрониках, что вели в Пифоне тогдашние маги. Как и зачем они приходили в наш мир, неизвестно. Сохранились только описание их внешнего вида и древнее наименование. Может, и существовала какая-то более подробная запись, но в руки наших современников она так и не попала.

О втором их появлении сведений имеется побольше. За несколько столетий до нашествия варваров с севера в Ахероне родился один из величайших магов Хайбории. Уже в юном возрасте он занимался множеством магических экспери-

ментов, в том числе и с призванием демонов в наш мир. Белсебуры стали его роковой ошибкой. Маг очень сильно недооценил их разум. Первое время они вели себя, подобно послушным тренированным собакам, хотя обычно должен пройти немалый срок, прежде чем пленный демон осознает безвыходность собственной ситуации и станет покорным.

Белсебуры были глупы и послушны, и маг начал призывать их к себе во всё больших количествах. Сомнения закрались в его душу — если, конечно, она у него была, — когда чаще он начал замечать ничем не занятых белсебуров в своей библиотеке. Большого значения он этому не придал, но всё-таки решил больше не призывать новых демонов, а ограничиться двумя десятками, жившими у него в доме. Эта предосторожность и помогла сохранить Хайберию для человечества.

Когда демоны поняли, что число их собратьев перестало увеличиваться, они решили, что надо действовать.

Непостижимым образом они избавились от своих уз, прикончили мага и разбежались по Пифону. За ними началась настоящая охота, к которой привлекли лучших магов города, но казалось, что белсебуры словно сквозь землю провалились. К концу второй седмицы поисков маги сошли на то, что просто-напросто исчезли узы, связывающие демонов с нашим миром, и успокоились.

А еще через седмицу все маги, принимавшие

участие в поисках были найдены мертвymi. Нанесенные им раны указывали на белсебуров.

Оли снова глотнул воды. Столь длинная речь далась ему с большим трудом.

— Еще? — поинтересовался Конан, предлагая свою флягу.

Аквилонец покачал головой.

— После этого демонами заинтересовались всерьез, — продолжил он свой рассказ. — Обыскали каждый закоулок Пифона. В поисковые отряды входило по десять гвардейцев, которых поддерживали двоё магов. Обнаружили пятерых демонов, двоих даже удалось убить. Остальные сбежали.

Успех стал казаться всё более близким, и тогда белсебуры нанесли следующий удар. Посреди белого дня они напали на стражу одних из городских ворот, перебили всех и вырвались из Пифона.

Демоны двинулись на закатный полдень материка, уничтожая на своем пути целые города. Они сносно переносили магические заклятия невероятной силы. Не было того воина, что мог справиться с белсебуром. В добавок к этому они обладали потрясающей способностью к обучению и никогда не повторяли своих ошибок. Убийство демона было невероятно сложной задачей.

Однако людей оказалось попросту больше. Ценой гигантских жертв удалось уничтожить всех белсебуров, одного за одним.

О своем позоре кхарийцы попытались позабыть как можно скорее. Были ликвидированы

все простецы и воины, что видели живого белсебура. Магам предписывалось держать рот на замке и не писать никаких заметок, связанных с прискорбным эпизодом.

Вот чем объясняется то, что мы почти ничего не знаем об этих демонах. Не стоит забывать и о том хаосе, что царил во время нашествия хайборийских племен. Насколько я знаю, сохранилось всего два труда, посвященных белсебурам.

— Мне кажется, — сказал Эмилио, — что я начинаю понимать. Тот, кто нанял вас, боится, что белсебуры выберутся из сокровищницы. Уничтожить вход в пещеры невозможно. Он всё время перемещается. Намного проще убить человека, который знает, где его искать.

— Ты прав, дружок, — ухмыльнулся Оли. — И поэтому я советую вам немедля прирезать зингарца. Так будет лучше для всех нас. Потом можете убить и меня.

— Он лжет, — безапелляционно заявил Конан. — Сигурд, выруби его. Мы идем за сокровищем, и нас не запугать глупыми сказками.

* * *

Над пустыней стояла ночь. До оазиса, означенного на карте Счастливчика, в качестве места, где расположен вход в сокровищницу, осталось чуть больше дневного перехода, и потому Конан решил пройти сегодня немного больше запланированного, чтобы уже к завтрашнему закату быть у цели.

Путешествие оказалось довольно утомительным для всех членов отряда. Оли так ни разу и не приходил в сознание. Эмилио, Счастливчик и Каруз откровенно клевали носами. Впереди на небольшом удалении от остальных ехали Конан и Сигурд.

Ванир уже долгое время собирался обсудить с Конаном то, что поведал сегодня днем Оли, однако не желал, чтобы его услышал кто-нибудь, кроме капитана. Сигурд начал слегка подгонять верблюда, чтобы отъехать от остальных на безопасное расстояние. Конан разгадал его маневр и держал темп, заданный своим первым помощником.

— Что думаешь? — спросил наконец ванир. — Он наврал нам?

— Сет его знает, — вздохнул капитан «Вестрела». — Если врал, то очень уж красиво.

— Ну, и что нам теперь делать? — поинтересовался Сигурд. — Двигаемся дальше и надеемся на побрякушки Каруза?

Конан сплюнул.

— Проклятье! — тихо выругался он. — Надо же было подлецу так всё гаденько сочинить. Demоны, невосприимчивые к магии и к тому же способные к самосовершенствованию. Один раз амулеты на них действовали, однако никто не знает, действуют ли во второй. Как всё складно!

— Ладно тебе, — сказал Сигурд. — Хватит страх нагонять. Ты же видел, что мальчишка в поместье выделявал. Он в сотню раз посильнее всех демонов вместе взятых будет.

— Вот именно! — заявил Конан. — Зачем ему, с его силой, было какие-то побрякушки делать?! Что-то я всё меньше и меньше доверяю Карузу, И история у него какая-то дикая. Захотел мирно провести старость, грея косточки на зингарском побережье... Деньги ему понадобились.... Бред!

— Знаешь, — произнес после небольшой паузы Сигурд, — я со Счастливчиком о нем говорил. Зингарец мне заявил, что ёму Каруз почему-то очень знакомым кажется. Говорит, такое ощущение, будто прожил с ним бок о бок лет десять. Я было посмеялся, а потом пригляделся: и впрямь манеры у старикишки немного знакомые.

— Угу, — мрачно согласился с ним Конан. — Мне тоже так показалось. И Эмилио Каруза явно недолюбливает, а может, боится.

Некоторое время пираты ехали молча, погруженные в мрачные мысли.

По пустыне гулял ветер, перегоняя шары пепелей-поле. Стало заметно холодать.

— Капитан, наверное, хватит на сегодня, — крикнул Эмилио уехавшим вперед морякам.

— Нет! — ответил Конан. — За сегодня прошли слишком мало. Я скажу, когда стоит остановиться.

Сигурд поежился.

— Имир! — пробурчал он себе под нос. — Как же холодно!

Киммериец никак не отреагировал на замечание ванири.

— Конан, — обратился Сигурд к другу, — может, ну к Нергалу это всё? Вернемся в Сартос, за-

работаем там как-нибудь деньжат и уберемся из этой проклятой страны. У нас же нет ни шанса. Демоны оказались не просто демонами, ста-рик-стигиец непонятно чего от нас добивается. Амулеты эти липовые! Аргосец опять же с плеником-безумцем...

— Давай и про Счастливчика договаривай, — мрачно произнес Конан. — Я понимаю, что мы с ним через многое прошли, но и о словах акви-лонца забывать не стоит. Никто не знает, кто такой Счастливчик, а его карты ведут в логово бел-себуров.

— Тем более, — сказал Сигурд. — Давай вер-немся.

— Сам же в последний момент откажешься, — мрачно усмехнулся Конан. — После стольких препятствий ни ты, ни я назад не повернем. Пи-раты не бегут от шторма, особенно, если они из Киммерии или из Ванахейма!

Сигурд громко расхохотался.

— Ладно! — сказал он. — Разграбим сокровищницу, отремонтируем «Вестрел», отправимся в Мессантию и устроим там кутеж седмицы на две. А потом вернемся сюда и на оставшиеся деньги скучим всё Побережье вместе с его Хозяевами.

* * *

— И где здесь пещеры? — поинтересовался Конан у Счастливчика.

К оазису отряд подъехал еще засветло. Коло-дец, два десятка пальм, бесчисленное множество

кустов разной степени колючести, неглубокое озерцо... и — всё. Никаких подземных ходов. Кладоискатели излазили и изрыли здесь всё. Даже полностью проверили дно озерца. Безрезультатно.

Путешественники испытали двоякие чувства. С одной стороны, теперь они могли быть уверены, что завершат сегодняшний день под местными пальмами, а не на Серых Равнинах. С другой — всё-таки обидно, что пришлось впустую проделать такой путь.

— Я вам говорил, — оправдывался зингарец, — что когда я сам отправлялся к пещерам, то ничего не находил.

— Плохо, — заявил Счастливчику Конан. — Придется нам завтра приходить сюда еще раз. Только теперь уже без тебя.

Счастливчик только вздохнул и побрел в одиночестве к озерцу.

— Зря ты так с ним, — посетовал капитану ванир. — Мы ведь с тобой именно на такой вариант и рассчитывали.

— Просто мне такой вариант не нравится, — сказал Конан.

— А как мне он не нравится! — подключился к беседе Эмилио.

Каруз тем временем отправился обустраивать место для ночлега. Солнце уже почти скрылось за горизонтом.

— Мы все подохнем в эти проклятых пещерах, а этот мошенник благополучно возвратиться в Сартос, — сказал Эмилио.

— То есть ты больше не отказываешься идти

вместе с нами? — лукаво поинтересовался киммериец.

— Сомневаюсь, — сказал Эмилио, — что вы позволите мне вас здесь дожидаться. Разве что в качестве бездыханного тела. Лучше уж попытать счастья внизу. Хотя бы увижу живого белсебура.

— Вот и отлично! — похвалил аргосца Сигурд. — А что делать со Счастливчиком, мы завтра придумаем. На худой конец свяжем его.

* * *

Эмилио проснулся от чьего-то прикосновения и тут же сообразил, что кто-то собирается его придушить. Одна рука зажимала аргосцу рот, другая мертвой хваткой удерживала его собственные руки.

— Тихо ты! — зло сказал ему Сигурд. — Такой молодой и такой нервный. Не шуми, всё испортишь.

Эмилио послал на голову ванира все известные ему проклятья. Про себя разумеется. Потом кивнул, показывая, что всё понял и кричать не собирается. Сигурд знаками показал ему, чтобы тот развернулся.

Тут Эмилио от удивления чуть было не забыл о маленькой просьбе первого помощника и не разразился воплем. Озера больше не существовало. На его месте располагалась ветхая лестница, уходящая куда-то под землю. Вроде, всё как и в первый раз. Но нет, очертания лестницы были не совсем обычными. По ней то и дело пробегала

рябь, а если приглядеться, то можно было заменить серебристую пленку на камнях.

Сигурд дотронулся до плеча аргосца, надеясь завладеть его вниманием. На этот раз он указал на мирно спящего Счастливчика. К нему на цыпочках подбирался Конан, вооруженный небольших размеров камешком. Капитан вплотную приблизился к зингарцу, прицелился поудобнее и опустил своё орудие на висок спящего мошенника.

— Имир! Сработало! — радостно закричал ванир, глядя на лестницу. Ни ряби, ни пленки больше не было.

— Ничего не понимаю, — признался Эмилио.

Проход появился сразу, как только зингарец заснул, — объяснил Сигурд. — И чем больше времени проходило, тем более четким он становился. Мы с капитаном пошептались и решили, что сокровищница по-разному реагирует на бодрствующего Счастливчика и на спящего. А раз так, то было бы неплохо, чтобы сон зингарца стал чуть более крепким.

— Он хоть жив? — спросил Эмилио у подошедшего Конана.

— Обижаешь, — улыбнулся пират. — У него даже голова болеть не будет, когда он в себя придет.

— В пещерах? — нехорошо ухмыльнулся аргосец.

— В пещерах, — подтвердил его догадку Сигурд. — Будим Каруза, берем два тела, к одному из которых прилагается сабля городского стражника, и отправляемся за сокровищем.

— Положим, меня вы уже разбудили, — сказал старый стигиец, протирая глаза.

— Сигурд! Заканчивай разговоры, — грозно сказал Конан. — Пошли за аквилонцем. Эмилио, потащи Счастливчика. Смотри, не прирежь, а то можем из пещер и не выбраться. Старик, проверишь, как там верблюды привязаны.

Все разошлись исполнять поручения. Эмилио отправился к пальмам — нарубить веток, чтобы соорудить носилки, на которых можно было бы тащить Счастливчика и Оли. Лазанье по деревьям никогда его занимало, а потому и навыков нужных у него не было. Через слово поминая Дэркето и Нергала, он потихоньку забирался всё выше и выше и всё-таки достиг вершины. Срубив три ветки покрупнее, он стал спускаться вниз.

— Правильно придумал, — похвалил его Конан. Они с Сигурдом уже подтащили Оли и начали крепить пленника к ветке с помощью его же рубахи, изорванной на полосы.

— Может, оставим его здесь? — спросил Кауз. — От него там никакой пользы не будет.

— Зато он здесь нам проблем создать сможет, — не согласился Сигурд. — Вдруг он знает, как навсегда ворота к белсебурам закрыть?

— Ну так прикончить его, — настаивал на своем старый стигиец.

— Не надо! — включился в спор спустившийся с дерева Эмилио. — Кто знает, может, он нам еще что-нибудь полезное в пещерах сообщит. Если твои амулеты работают, старик, он нам ничем

не помешает. Ну а если нет, то всё равно не спасёмся — что с ним, что без него.

— Аргосец, он твой пленник, — сказал Конан. — Тебе и решать. По-моему, Каруз дело говорит.

— Капитан, он с нами, — принял решение Эмилио.

Аргосец был вынужден признаться самому себе в том, что он может сколько угодно долго приводить разумные доводы в пользу того, чтобы взять с собой Оли, однако делает он это только ради того, чтобы иметь возможность собственоручно отправить ублюдка на Серые Равнины — до того, как какой-нибудь белсебур оторвет голову ему самому.

— Тогда пошли, — объявил Конан. — Сигурд, мешки взял?

— А как же? — ухмыльнулся ванир.

Эмилио привязал Счастливчика к ветке, взвалил один её конец себе на плечо, так что по земле волоклись только ступни зингарца. Аквилонец не испытывал даже таких неудобств: Конан и Сигурд решили первую половину пути в пещерах нести его вдвоем. Каруз шагал впереди всех, поскольку только он из всех присутствующих бывал здесь прежде. Во всяком случае, все считали именно так.

Эмилио двигался последним. Когда все уже начали спуск вниз по лестнице, он на мгновение остановился, посмотрел на небо и подмигнул своей богине, которая, как он надеялся, всё еще хранит его.

Страшно не хотелось снова спускаться в эти ужасные пещеры, из которых он с таким с трудом выбрался. На этот раз может и не повезти.

— Эмилио, ты идешь? — окликнул его Сигурда.

— Да, — отозвался аргосец и вступил на лестницу.

В пещерах всё осталось по-прежнему. Лабиринт ходов, тусклый свет от стен. Вот только проблем с недостатком воздуха на этот раз не возникало. Это вселяло небольшую надежду на удачный исход их предприятия. Похоже, амулеты старика-стигийца работали. Хотя не стоило исключать и того, что сказывается отсутствие магов в их отряде.

— Как-то всё слишком тихо, — недовольно произнес киммериец. — Ощущение, что вот-вот разразится буря.

— Успокойтесь, капитан, — спокойно проговорил Каруз. — Когда мы были здесь первый раз, демоны даже не показывались, пока мы шли к сокровищнице. На них удалось полюбоваться лишь на обратном пути.

— Да знаю я, — отмахнулся киммериец. — Счастливчик мне рассказывал.

— Конан, — обратился к капитану Сигурда, — давай приводить его в сознание. Он может нам понадобиться.

— Стойте! — крикнул Каруз. Эхо разнесло его голос по всему лабиринту. — Вы уверены, что ворота не закроются? Не хотелось бы застрять здесь навсегда. Я хочу умереть на побережье Ар-

госа в объятьях золотоволосой красотки, а не здесь, сбивая кулаки о камень.

— Не бойся, — тихо, себе под нос, стараясь, чтобы стигиец не услышал, произнес Эмилио, — если что, я облегчу твои страдания.

Каруз бросил на него уничижающий взгляд.

— Надо будить, — заявил Конан. — Всегда можно приложить его еще разок. Аквилонца, кстати, тоже было бы не плохо привести в сознание.

— Как знаете, — остался при своем мнении Каруз, но спора продолжать не стал.

Эмилио плеснул на лицо Счастливчику немного холодной воды. Тот недовольно фыркнул и начал протирать глаза.

— Давай, просыпайся! — скомандовал аргосец и, взяв зингарца под мышки, рывком поднял его на ноги.

Счастливчик зло зыркнул на него. Эмилио состроил самую невинную физиономию, показывая, что он человек подневольный и делает, что велят.

— Где это мы? — поинтересовался зингарец. — Мерзкое место. И голову ломит страшно.

— Извини, — смущенно проговорил Конан. — Я думал, что несильно тебя ударили.

— Так меня еще и били?! — возмутился Счастливчик.

— У нас не было другого выхода, — ответил ему Конан. — Пока ты был в сознании, мы не могли проникнуть в пещеры.

— Значит, мы в логове демонов? — изумился зингарец..

— А ты думал, где? — хмыкнул Эмилио. — Вот ты наконец сюда и попал!

— Мерзкое место, — еще раз повторил Счастливчик.

Сигурд тем временем закончил возиться с Оли. Аквилонец был в сознании, но, судя по внешнему виду, его самочувствие ничуть не улучшилось, скорее, наоборот. Взгляд Оли скользил по стенам пещеры, от которых исходило слабое зеленое свечение.

— Готово, — доложил ванир, привлекая всеобщее внимание к пленнику.

— Я еще жив? — с огромным трудом произнес Оли.

— Да, — сообщил ему Эмилио. — Решили отдать тебя демонам на потеху.

Аквилонец попытался плюнуть ему в лицо, но не хватило сил. Эмилио оглушительно расхохотался, глядя, как Оли вытирает слону с остатков своей рубахи.

— Если сообщишь что-нибудь полезное, — обратился к пленнику Конан, — обещаю сделать всё, чтобы вынести тебя отсюда.

— Сообщи, — согласился Оли и заговорщицким тоном продолжил: — Прирежьте аргосца. Это та еще крыса.

Эмилио поставил ногу на лицо пленника и немного поелозил сапогом. Конан неодобрительно посмотрел на аргосца. Тот только пожал плечами, но ногу убрал.

— Еще одно такое замечание, — сказал киммериец Оли, — и ты покойник.

— Я и так покойник! — ответил ему бывший палач. — А совет я вам дельный дал.

— Заткнись, — отрезал Конан. — Двигаемся дальше. Нечего здесь стоять и искушать судьбу.

Замолчал не только аквилонец, но и все остальные члены отряда. Так и двигались дальше в безмолвии, только Счастливчик тихо постанывал и тер себе виски.

Эмилио казалось это немного странным. Конан ведь и вправду ударил его совсем несильно. Он видел это собственными глазами. Не хотелось, чтобы зингарец отдал здесь концы, да еще по такой глупости. Когда придет время, он сам убьет его, извинившись перед этим. Аргосец надеялся, что Счастливчик его поймет.

— Уже скоро, — наконец произнес Конан. — Два поворота, и мы на месте.

— Странно, — удивился Каруз. — Мы с графом проделали путь побольше.

Эмилио мог бы сообщить капитану, что он в свое время тоже продвинулся дальше в пещеры.

— Лабиринт меняется, — коротко ответил стигийцу Счастливчик.

— Откуда ты знаешь? — спросил Каруз.

— Я же рисую эти проклятые карты! — крикнул зингарец. — Неужели непонятно?!

Конан с Сигурдом удивленно посмотрели на своего друга.

— Эй, Счастливчик, послокойнее, — обратился к нему ванир. — Что с тобой такое? Голова?

Мошенник зло посмотрел на пирата и, похоже, собрался послать его ко всем северным богам

помоги выносить, — но в последний момент передумал.

— Да. Голова болит, — сказал он кратко. — Мне плохо здесь. Очень плохо.

— До выхода продержишься? — спросил Конан.

— Должен, — не очень уверенно произнес Счастливчик.

— Зингарец! — крикнул Оли из-за спин пиратов. — Надеюсь, ты сдохнешь раньше меня. Тогда получится, что я не зря мучаюсь.

Эмилио вопросительно посмотрел на Конана. Киммериец колебался несколько мгновений, но потом всё-таки кивнул. Аргосец подошел к пленнику, опустился перед ним на корточки, одновременно доставая из-за пояса кинжал.

— Прощай, Оли, — обратился он к аквилонцу. В глазах митрианца мелькнул страх, но о пощаде он просить не стал. Впрочем, Эмилио бы её и не предоставил. Точным выверенным движением аргосец перерезал горло своего пленника.

— Давно следовало это сделать, — сказал Кауз.

Эмилио хотел выяснить, почему это стигиец так считает, но не успел.

— Прекратили разговоры, — скомандовал киммериец. — Идем дальше. Я хочу убраться отсюда как можно скорее.

Отряд миновал первый поворот. Эмилио начало трясти. Снова, всё повторится снова, но теперь он больше не выберется. Еще один поворот, и белсебуры выйдут на охоту, а у них из защиты

только амулеты старика, который пугал его до дрожи в коленях.

Впереди показалась сокровищница.

— Золото, капитан! — крикнул Сигурд. — Клянусь Имиром, здесь его просто горы!

Эмилио отметил про себя, что золотишко действительно не поубавилось.

— Все, кроме Каруза, быстро наполнять мешки! — скомандовал Конан. — Старик, следи за демонами. Хоть шорох подозрительный раздастся, кричи!

На то, чтобы наполнить золотом четыре небольших мешка, ушло совсем немного времени. Каруз никаких знаков не подавал, а это значило, что пока всё спокойно. Однако Эмилио помнил, что в прошлый раз белсебуры напали не сразу. Слава Дэркето, нет хоть проблем со светом и воздухом! И плевать, почему.

Мешки закрепили на спинах с помощью приделанных к ним веревок. Еще в Сартосе Конан с Сигурдом сошлись на том, что жадность в таком предприятии — штука страшно вредная, и мешки были закуплены совсем небольшие. В каждый влезло только монет по семьдесят. Часть еще придется отдать Карузу. Однако сумма всё равно выходила умопомрачительная.

— Уходим! — распорядился Конан. — Сигурд, веди. Я — замыкающий. Эмилио, Каруз, Счастливчик, держитесь между нами.

Сигурд с самого начала задал очень быстрый темп. Ванир едва не сбивался на бег. Каруз несколько раз просил его двигаться помедленнее. В

такие моменты старик красочно посыпался к Имиру. Эмилио был полностью согласен с пиратом: раз навязался в отряд, будь добр, терпи.

В душе аргосца еще теплилась надежда избежать встречи с белсебурами. Но сбыться ей было не суждено.

Когда отряд миновал две трети пути, из одного из ответвлений вылезла пара демонов.

Эмилио, не долго думая, швырнулся в одного из них свой мешок. Если золото притягивает демонов, значит лучше от него избавиться. Жизнь дороже.

Сигурд с Конаном обнажили мечи и подготовились защищаться. Эмилио тоже взял в каждую руку по кинжалу. Польза вряд ли будет, зато смерть красивая. Однако белсебуры враждебности не проявляли. Они несколько раз обежали отряд и скрылись.

— Старик, амулеты работают! — радостно зардал Сигурд.

— А-aaaa! — одновременно с ним закричал Счастливчик, обхватив голову руками. Затем он сделал пару нетвердых шагов и рухнул на пол.

— Счастливчик, что с тобой? — подбежали к нему Сигурд и Конан.

Зингарец не отвечал, а только постанывая перекатывался с боку на бок. Сигурд несколько раз ударил его по щекам, но должного эффекта это не возымело. Время шло, а молодому мошеннику лучше не становилось.

— Надо идти, — сказал Эмилио. — Здесь я себя не чувствую в безопасности.

— Он прав, — согласился Конан. — Идем. Я понесу его.

Конан забросил себе на плечи тело Счастливчика, и отряд двинулся дальше. Эмилио пожалел, что пальмовые ветки оставили у входа в сокровищницу. Конану с ношей теперь будет сложно махать мечом.

Несколько раз на пути охотников за сокровищами попадались белсебуры. Большинство из них не обращало на людей никакого внимания. Некоторые какое-то время следовали за отрядом, приглядываясь и принюхиваясь, но и они в конце концов отставали. Эмилио был настолько рад тому, что демонам до людей нет никакого дела, что не сразу обратил внимание на одну странность.

Отряд шел другой дорогой. В самом начале в лабиринте не так много ответвлений, и Эмилио на всякий случай запоминал повороты. И теперь он был уверен, что не ошибся в своем суждении. Второй странностью было то, что возглавлял отряд не Сигурда, а Каруз. Именно он вел их новой дорогой. Что примечательно — ни Конан, ни Сигурд никак на происходящее не реагировали, просто молча плелись вслед за стариком. Ну раз так, то значит и ему, Эмилио, негоже жаловаться. Подождем, посмотрим. Осторожность лишней не бывает.

Завершилось путешествие в гигантских размеров пещере, по которой бегало не меньше сотни белсебуров. Эти на людей реагировали хуже. Подходили довольно близко, рычали, махали

когтистыми лапами перед самыми лицами путников. Но напасть не решались.

— Ну, вот мы и пришли, — улыбнулся Каруз.

Оба пирата смотрели на стигийца невидящими глазами. Эмилио, не будучи дураком, тут же изобразил такой же взгляд.

— Конан, бросай тело сюда. Ему здесь самое место, — молвил старик.

Конан кинул стонущего Счастливчика под ноги стигийцу. К зингарцу тут же подбежало двое белсебуров. Демоны обнюхали его, не нашли интересным и убежали прочь.

— Как забавно! — сказал стигиец, с улыбкой глядевший на эту сцену.

— Кто... ты... такой? — по слогам произнес киммериец. По его лицу сбегали струйки пота.

— Замечательно, — обратился к нему Каруз.

Стигиец со времени прибытия в пещеру заметно помолодел. Из старика он превратился в довольно крепкого мужчину лет пятидесяти.

— А я и не знал, что заклинание подавления воли можно преодолеть, — проговорил стигиец, обращаясь к Конану.

— Кто ты такой? — уже уверенней произнес Конан.

— Ты знаешь, капитан, а я тебе даже расскажу, — сказал Каруз. — Я не вижу большого смысла убивать вас, во всяком случае — сразу. Опасности вы для меня не представляете и, может быть, еще принесете какую-нибудь пользу.

Конан с огромным трудом поднял правую руку и указал на Счастливчика.

— Всё из-за него, да?

— Да, капитан, — улыбнулся Каруз. — Почти всё из-за него. Послушайте мою историю. Может быть, вы сами придетете к тому, что лучше быть со мной заодно. С чего бы начать?

— С начала, — Конан попытался улыбнуться. Или Эмилио, который внимательно наблюдал за капитаном, это только показалось?

— Вы правы. С начала, — согласился стигиец. — Что ж, слушайте. Семь лет тому назад Черный Круг заинтересовался руинами, находящимися неподалеку от Луксура. В одной из недавно полученных орденом книг говорилось, что там могут находиться артефакты времен Роты Всадника.

Собрали группу из сорока магов. Возглавлял её я. Мы копались в песках более трех месяцев, но не смогли найти ничего. Довольно странно. Обычно при раскопках попадаются горшки, ложки, монеты. В древние времена вся территория Стигии была очень плотно заселена.

Однако на исходе четвертого месяца нам удалось обнаружить нечто воистину грандиозное. Правда, к Роте Всадника находка не имела никакого отношения. Это был полностью сохранившийся храм позднекхарийской эпохи. Магия, которая практикуется в настоящее время в Черном Круге, как известно, является измененным видом той, что использовали в Ахероне. Кхарийское магическое искусство было чрезвычайно подвержено влияниям хаоса, а потому заклинания очень часто выходили из-под контроля. Собственно, это

империю и погубило. Наша магия пусть не так сильна, но гораздо более упорядочена.

И все же не стоит думать, что все кхарийцы были безумцами. Среди них встречались и те, кто уже тогда пытался изъять из заклятий хаотические элементы. Почему о них ничего не известно? Да потому, что таких исследователей верховные маги убивали при первом же удобном случае, видя опасность, которую они представляют.

И мы, капитан, умудрились обнаружить в этом древнем храме несколько книг по видоизмененной кхарийской магии. Заклинания очень похожи на современные стигийские, но в пять-девять раз сильнее. Думаю, не стоит вам говорить о том, сколь грандиозна была находка. С такими знаниями Черный Круг в мгновение ока стал бы сильнейшим магическим конclave Хайбории.

Но мы не захотели делиться найденным с Тот-Амоном и другими жрецами. Десять сильнейших магов, включая меня, вступили в заговор. Сначала мы вынесли из храма все книги, а потом создали мощнейшее заклятье из тех, что обычно применяются в качестве ловушек. От храма ничего не осталось. Используя знания, почерпнутые из кхарийских книг, мы открыли портал в один из соседствующих с нашим миров. Ничего интересного там не было: голая земля и серое небо. Здесь мы пробыли несколько месяцев, ожидая, пока закончится расследование, проводимое Черным Кругом в связи с нашей гибелью. Время от времени один из магов отправлялся в Хайборию, чтобы сообщить нам последние новости.

Когда всё утихло, и было принято решение возвращаться в наш мир, среди нас возник раскол. Часть магов решила, что нам не по силам умело распорядиться полученными знаниями, и предложила пойти на поклон к Тот-Амону. Подобные настроения следовало пресекать в корне, и в результате в Хайборию вернулось не сорок магов, а только двадцать шесть. К тому моменту у нас в руках была огромная сила, но не было никакого плана действий.

Тогда у моей дочери, что была среди нас вторым по силе магом, родилась неплохая идея. Если мы сумели найти дорогу в пустынный мир, то сможем открыть портал и в обитаемый. После долгих поисков мы остановились на мире, населенном белсебурами. Они представлялись нам идеальной военной силой.

Так и возникли эти самые пещеры. Здесь мы жили, изучали новые заклятья, учились работать с демонами. В Хайбории постоянно находилось не более двух магов. Они должны были следить за происходящими событиями и собирать золото для нашего будущего завоевательного похода. Деньги мы хранили в этом мире. Нам казалось, что так надежнее. В войне, которую планировалось развязать, белсебуры должны были стать нашим козырем против магов, а для армии использовать наемников.

Подготовка шла полным ходом. Даже самый слабый из нас с помощью кхарийских книг сумел обрести силы, превосходящие силы Тот-Амона. За седмицу до выступления все маги были при-

званы сюда. Уточнялись мелкие детали планов, проводились совещания, заготавливались крупные заклинания.

И тогда случилось нечто ужасное. Белсебуры вышли из-под нашего контроля. Не обращая внимания ни на атакующие, ни на защитные заклятья, они убивали магов одного за другим.

Мы с дочерью находились в районе сокровищницы. Объединив наши силы, мы стали пробиваться к выходу. Мы с огромным трудом отбивались от навалившихся демонов. Теми заклятьями, что мы посыпали на их голову, в нашем мире можно обрушить горы и высушить моря. Эти же твари даже и не думали умирать, только отбегали, чтобы не испытывать неудобств.

Кое-как мы пробились в эту пещеру. Здесь находились ворота в наш мир. Разумеется, они были закрыты. Я велел дочери перекрыть ход, ведущий в пещеру, а сам занялся построением портала. Белсебуры из всех сил пытались пробиться через магический щит, поставленный моей дочерью. Один, видимо самый хитрый, не пытался разбить его, а аккуратно шаг за шагом продвигался внутрь его.

В тот момент, когда я открыл портал и подготовился в него шагнуть, я увидел, как белсебур проник сквозь защиту и одним ударом лапы прикончил мою дочь. Он убил единственного дорого го в этом мире мне человека. Сначала я хотел просто прикончить проклятую тварь. Видит Сет, в том состоянии я бы без труда это сделал.

Но в последний миг я решил, что это будет

слишком милосердно. Покойный аквилонец был прав, белсебуры обладают разумом, а значит, могут испытывать не только магические страдания. Я скрутил демона заклятьем и шагнул вместе с ним в портал.

В Хайбории, не теряя времени, я начал осуществлять задуманное. На моё заклятье ушли целые сутки, за которые белсебур чуть было не освободился, но дело того стоило. Я не знаю, как мне хватило сил. Чуть позже, изучая структуру примененных мною в тот момент заклятий, я пришел к выводу, что мне не должно было хватить сил даже на кратковременное пленение демона. Можете считать меня дураком, капитан, но я верю, что дух погибшей дочери помогал мне всё это время.

Впрочем, теперь это неважно. Важно другое. Белсебура не стало, а вместо него возник зингарец по кличке Счастливчик. На нем лежало проклятье: он должен был всю жизнь искать дорогу домой, но быть не в состоянии её найти. Наш мир полностью чужд его изначальной демонической природе. Вся его жизнь должна была стать вечной каторгой.

Но с этими демонами вечно выходит всё не так, как хочешь. Вместо того, чтобы скитаться по пустыне в поисках утерянного портала, он принялся рисовать эти карты. Видимо, белсебур умудрялся находить те точки, где Хайбория соприкасается с его миром. Сам он два раза прошел по своей карте, но из-за висящего над ним проклятья ничего отыскать не сумел.

Какое-то время я следил за ним и пришел к выводу, что мой план с моральным истязанием демона провалился, и настала пора его банально прикончить. Но меня пугали эти карты. Я, как и Оли, не жаждал появления сотен белсебуров в нашем мире. Подумав, я решил, что лучше отправить Счастливчика в его мир и уже там убить. Так я надеялся прекратить соприкосновение миров. Какое-то время я занимался изготовлением амулетов, что должны были защитить меня от демонов. А что было потом — вы, капитан, уже знаете.

На протяжении всего вашего путешествия я вам немного помогал, ведя к конечной цели. Правда, я думал, что в оазисе мне придется снять проклятье с белсебура, но вы с вашим камешком.

Стигиец захрипел, и из его рта вместо слов стало доноситься бульканье. Не удивительно для человека, в чью спину всаживают кинжал.

— Это из-за тебя они погибли, ублюдок! — сказал Эмилио, пиная бездыханное тело мага. — Зингарец здесь не при чем.

— Молодец, — сказал Конан, кладя руку на плечо аргосца. — Ты всё правильно сделал. Только почему на тебя его заклинание не подействовало?

— Перед тем, как встретиться с вами в Бирафире, — раскрыл тайну Эмилио, — я снял с Оли все амулеты, что на нем были. Большая часть наверняка была лично на него настроена, но на чем-то могли лежать и общие заклятья. Получается, что и вправду лежали.

— Я рад, — сказал Конан. — А теперь уходим отсюда. Сигурд, хватай Счастливчика.

Ванир наклонился, чтобы взять на руки тело зингарца. Но тот уже пришел в себя и отмахнулся.

— Не надо! — выкрикнул он. — Ты что, не слышал, кто я такой?

— Плевать! — рявкнул ванир. — Ты — мой друг и друг Конана. Уходим.

Счастливчик перевернулся и посмотрел на ванира. Лицо зингарца начало меняться, приобретая демонические черты. Но в его глазах можно было различить слезы.

— Ты не понимаешь, — всхлипнул он. — Это всё обман. Сны — это обман. Я не спас её. Я её убил! Убил самую прекрасную на свете девушку...

В этот миг один из демонов, обнюхивающих в данный момент Эмилио, укусил его за руку. Не сильно, но ощутимо. Аргосец заорал, как резаный.

— Прочь! — заорал на белсебура Счастливчик. Тот отбежал на приличное расстояние и уже оттуда начал злобно рычать на зингарца. — Уходите, пока действуют амулеты, — пробормотал он.

— Ты идешь с нами, — тоном, не терпящим возражений, сказал Сигурд.

Демоны со всей пещеры начали сбегаться к людям. Злобно рыча, они ходили кругами, но напасть всё еще не решались. Из единственного выхода лезли всё новые и новые твари. Но в какой-то момент их поток иссяк. К этому времени в пещере было не меньше пяти сотен белсебуров.

— Нет, бегите, — повторил Счастливчик. — Я их задержу. Иначе не выбраться.

Сигурд всё еще колебался, но Конан уже принял решение.

— Сигурд, уходим! Быстро! — заорал он, хватая за плечо первого помощника.

Все четверо направились к выходу. Счастливчик отгонял демонов. Перед ним они испытывали непонятный страх. Сам зингарец продолжил меняться. В нем оставалось всё меньше человеческих черт и всё больше демонических. Когда отряд добрался до туннеля, зингарец махнул рукой, чтобы остальные уходили, а сам замер, оброняя проход. Белсебуры осмеливались подойти к нему уже на расстояние вытянутой лапы, и было ясно, что рано или поздно они нападут на зеленоглазого мошенника.

— Счастливчик, идем с нами! — в последний раз попросил Сигурда.

— Нет. Пусть мой сон хоть в чем-то сбудется, — грустно улыбнулся зингарец. — Прощай, ванир. Ты хороший игрок.

— Прощай, — сказал Сигурд и пустился вдогонку за Конаном и Эмилио.

Перед тем, как миновать первый из поворотов, Эмилио оглянулся назад. Перед входом в пещеру стоял здоровенный белсебур в остатках человеческой одежды и отбивался от наседающих на него собратьев. По прикидкам Эмилио, какое-то время он должен был продержаться. Оставалось только молиться Дэркето, чтобы они успели добраться до выхода.

Так Эмилио не бегал со временем своего прошлого визита в пещеры. Он уже собирался упасть и

умереть, когда наконец увидел впереди свет и ведущую наверх лестницу. Стоило пиратам и Эмилио покинуть подземелье, как магический проход исчез, а на его месте снова возникло озерцо, из которого, к слову говоря, еще пришлось выплывать.

Как только аргосец достиг берега, последние силы оставили его и он провалился в сон.

* * *

— Точно не поедешь с нами? — в очередной раз спросил Эмилио Конан.

— Нет, хватит с меня Побережья, — помотал головой аргосец.

— Возьми хоть часть денег, — предложил Сигурда.

— От них одно несчастье, — отказался Эмилио. — Если бы не этот клад, Рузес и остальные были бы живы. Вам они нужнее. Я видел, что стало с вашим кораблем.

Пираты рассмеялись.

— Как знаешь, — сказал Конан. — Прощай, Эмилио. Может, свидимся.

— Прощай, аргосец, — махнул рукой Сигурда.

— И вы прощайте, — сказал пиратам Эмилио, разворачивая лошадь в направлении дороги, ведущей на Кеми. — Доброго пути.

ДВА ТАЛИСМАНА

Демон алмазного замка

Га улицы славного Шадизара лиловыми тенями неспешно опускались сумерки. Дворцы и лачуги, радуясь прохладе, тонули в нежном полумраке. Заканчивался душный, суетливый день. Столица Заморы Шадизар — город воров и проституток, богачей и оборванцев, воинов и ремесленников — неспешно готовился к ночной жизни. Последние торговцы покинули опустевшие базарные площади и спешили домой подсчитывать выручку. Ремесленники, закончив нелегкий трудовой день и наскоро умывшись, направились в таверны.

Несколько оборванцев уже сидели за грубо сколоченным столом, притулившимся у дверей старой харчевни, намереваясь играть в кости, но еще до начала игры меж ними вспыхнула ссора. Когда на крики вышел хозяин — толстый, лоснящийся южанин — компания игроков разбежа-

лась, оставив на лавке истекающего кровью собрата. Неодобрительно глянув на рукоять ножа, торчащую между ребрами игрока, хозяин покачал головой и велел слугам унести тело, как только душа оборванца устремится к тем богам, которым он молился.

Слуги, весело болтая о своем, нетерпеливо поглядывали на закатившего глаза неудачника, с губ которого стекала кровавая пена. Обуреваемые жаждой посетители харчевни привыкли к подобным зрелищам, поэтому они, равнодушно посматривая на умирающего, спешили за массивные столы, где их ждали запотевшие кувшины, плохо прожаренные куски жирной баранины и серый хлеб грубого помола.

Полупустая днем, к вечеру харчевня наполнялась разношерстным людом. В просторной комнате с низким, закопченным потолком и темными, давно не мытыми стенами рядами стояли столы и скамейки. Посетители по большей части имели вид мрачный и суровый. Натруженные руки, усталые лица, настороженные глаза... Но по мере того, как живительная влага перетекала из кувшинов в желудки, на суровых физиономиях появлялись улыбки, завязывался оживленный разговор, все чаще слышался смех...

Постепенно веселье становилось все более не-принужденным. Откуда-то появлялись легко одетые женщины, раскрашенные вызывающе и наивно, с откровенным, томным взглядом и многообещающей улыбкой. К полуночи кто-то из них уже танцевал на столе, демонстрируя обнажен-

ное тело, — все еще стройное и притягательное, несмотря на бурную ночную жизнь. Иная, выхватив наметанным глазом посетителя, у которого еще имелись при себе деньги, садилась к нему на колени; удачливая девушка уводила пьяного гуляку в соседнее помещение, разделенное, как стойло для лошадей, на узкие отсеки.

В каждом отсеке имелась лежанка с грязным матрасом, набитым соломой — слежавшейся, утрамбованной многими спинами; локтями и коленями. Привычно предоставив пьяному, пропахшему застарелым потом ремесленнику усталые объятия, женщина затем прятала деньги и спешила в зал, надеясь найти хотя бы еще одного клиента.

Часто случалось так, что все лежанки оказывались заняты храпевшими, удовлетворившими пьяную похоть мужчинами, и тогда другие, еще полные вожделения, нетерпеливо сбрасывали бесчувственные тела на грязный, заплеванный пол. После чего торопливо срывали с себя одежду и, пуская слюни, бросались на потное, измятое тело проститутки, привычно принимавшей очередного мужчину.

К утру таверна наполнялась храпом, пьяным бормотанием, стонами... Те, у кого не хватило сил подняться и выйти на улицу в надежде доплестись до дома, спали вповалку — на скамьях, на столах, на полу...

В это время в харчевне больше не пахло жареным мясом и молодым вином — густая вонь пота, немытых, разгоряченных тел, мочи и полуле-

реваренной пищи, изрыгнутой из чьего-то нестойкого желудка, наполняла помещение...

Утром слуги торопливо выпроваживали пропавшихся посетителей. Непропавшихся выносили и укладывали, как вязанки хвороста, в переулке за углом. Затем, шатаясь от утомления, наскоро наводили порядок и бежали по домам — отсыпаться, чтобы к вечеру вновь услужливо разносить кувшины с вином и помятые, медные блюда с кусками плохо прожаренной барабанины.

* * *

Именно в такую таверну — к толстому Асланкарибу — однажды вечером зашел необычный посетитель. В Шадизаре человек, прячущий лицо под низко надвинутым капюшоном и закутанный в плащ, не был редкостью, но этот гость выглядел настолько странно, что прохожие оборачивались ему вслед. Капюшон темного, просторного плаща был надвинут так низко, что скрывал не только лицо, но и подбородок. Словно бы под капюшоном и вовсе не было лица. Да и под плащом, просторным и мятым, казалось, скрывался не человек, а старое, корявое дерево. Обут незнакомец был в щегольские, мягкие сапоги на изящно изогнутом каблуке. Грязный, дешевый плащ и дорогие сапоги, низко надвинутый капюшон и странная, дергающаяся походка... Есть, над чем призадуматься.

Глядя на эту нелепую фигуру, можно было бы и рассмеяться, но почему-то никто из немногого

численных в ту пору посетителей не смеялся. Что-то помешало им раздвинуть губы в усмешке. Асланкариб тонким слухом уловил звон оружия, донесшийся из-под плаща незнакомца. И совсем пропало желание смеяться, когда посетитель низким, со странным присвистом голосом потребовал вина.

В таверне повисла напряженная, тягостная тишина. Казалось, должно случиться что-то необычное, страшное. Даже успевшие опьянеть за всеядами харчевни не решались продолжить разговор и, будто затаившись, ждали развязки.

Странный гость, расположившись в самом темном углу, неторопливо тянул вино. Вскоре перед ним стояли уже два пустых кувшина, и только тогда он потребовал мяса. Хозяин удовлетворенно кивнул — этот человек явно не из тех, что падают от пары кружек. Перед ним сидел не забулдыга, нацепивший спяну плащ с чужого плеча.

Нет, это воин, спокойный, уверенный в своих силах, имеющий цель и знающий, что этой цели он достигнет. Вот только какова его цель? Зачем он появился тут — в небольшой харчевне на окраине города? Ищет кого-то? И голос... Асланкариб никак не мог понять, житель какой страны может говорить с такими необычными интонациями...

Насытившись, незнакомец жестом подозвал хозяина:

— Мне говорили, что у тебя в харчевне часто бывает киммериец по имени Конан.

— Бывал несколько раз... — осторожно отвечал хитрый Асланкариб.

— Так вот, — продолжал гость, словно не слыша собеседника, — если он появится еще раз — известишь меня, я остановился неподалеку...

В этот момент — как бывает в затасканных историях, рассказываемых захмелевшими завсегдатаями харчевен — широко распахнулась дверь, и на пороге возник высокий, широкоплечий воин, по виду наемник, с темным, покрытым шрамами лицом и ярко-синими глазами.

Рядом стоял странного вида карлик с длинным, увенчанным бородавками, носом и спутанной бородой.

Тишина в таверне воцарилась такая, что стало слышно журчание мух, нетерпеливо кружящих над мусорным ящиком. Время застыло. Асланкариб не успел еще закрыть рот, как странный незнакомец уже стоял перед дверью. В руке у него сверкал необычного вида клинок — лезвие загибалось не назад, как у сабли, а вперед, нависая над противником.

Несмотря на всю быстроту движений незнакомца, Асланкариб успел заметить, что рука, обхватившая эфес необычного оружия, была темной и корявой, словно бы покрытой мелкой чешуей.

— Конан! — прошипел незнакомец. — Наконец я нашел тебя!

— Кто ты? — спокойно спросил воин, отступая на улицу и привычным движением обнажая огромный вороненый клинок.

Закутанная в плащ фигура скользнула следом.

— Я послан забрать твою жизнь! — Незнакомец взмахнул мечом.

Конан без труда парировал удар и, приняв боевую стойку, приготовился к атаке.

— Не убивай его сразу, — посоветовал варвару карлик, преспокойно отходя в сторонку, — сперва нужно бы узнать, кто его послал, кто его хозяин, почему...

Дальнейшие его слова потонули в лязге стали. Незнакомец яростно атаковал, а Конан невозмутимо защищался, стараясь задеть ноги или руки противника. Странный гость фехтовал скверно, и Конану нетрудно было бы уже через несколько минут проткнуть мечом его скрытое под широким плащом тело. Но, проклятье, Хепат прав — нужно узнать, кто его послал!

Манера фехтования незнакомца была, по меньшей мере, странной... Почти ни одного привычного для воина удара... Словно руки у чужака сгибались не так, как у других людей...

Конан отступил, надеясь, что во время выпада противник раскроется, и тогда появится возможность нанести не слишком сильный удар по ногам. Затем — расспросить... узнать...

Странный посетитель сам напоролся на меч, неуклюже прыгнув вперед и отводя руку для удара. Жаль...

Вынув клинок, Конан склонился над бездыханным телом. Откинулся капюшон, а затем и во все сорвал плащ. Кто-то из постоянных посетите-

лей таверны, стоявшихся вокруг места схватки, удивленно присвистнул. Кто-то охнул, кого-то даже замутило, и никто, кроме маленького спутника Конана, не отважился подойти к поверженному существу.

— Я таких тварей прежде не видел, — пробормотал Хепат, разглядывая окровавленное тело, — похож на большую ящерицу.

— Мне встречались подобные, — Конан вытер клинок и, выпрямившись, вложил его в ножны. — Но этот немного другой.

— Демон? — шепотом спросил подошедший Асланкариб.

— Разве демона можно убить вот так, запросто? — пробурчал Конан и направился внутрь харчевни.

В течение некоторого времени посетители обсуждали вопрос: можно ли убить демона мечом? Когда кувшины опустели, а языки стали заплещаться, решили, что убить мечом демона невозможно, и что тварь, заколотая Конаном — отнюдь не демон. Хепат попытался было поставить не менее важный вопрос: что же это за тварь и откуда она взялась?

Однако осоловевшие граждане Шадизара, осущив в общей сложности не менее двух бочонков вина, совершенно утратили интерес к произошедшему у них на глазах убийству двуногой ящерицы и переключились на другие темы. В частности, обсуждались достоинства разных сортов вина и соответствие их цене, которую заламывают бессовестные грактирщики.

Затем очень кстати вспомнили вчерашний спор о том, можно ли считать крепким человека, который не может стоять без опоры на стол или стенку. Спорящие разделились на два лагеря. Одни считали, что держаться на ногах нужно «чисто» — без всякой опоры. Другие доказывали, что пока человек не лежит — он крепок. И неважно, какой предмет он использует в качестве опоры...

Конан не принимал участия в разговорах. Сидел, задумчиво потягивая вино из огромной глиняной кружки. На кружке неизвестный мастер ловко налепил уродливые барельефы драконов, горгулий и других не менее отвратительных существ. Некоторые напоминали убитую тварь, другие частично стерлись, и невозможно было понять, что хотел изобразить мастер.

«А ведь у других нет таких кружек, — подумал вдруг Конан, — только мне хозяинставил ее... Наверное, это его самая лучшая кружка...» Конан искоса глянул на ту, из которой цедил вино Хепат. Так и есть — у гнома она самая обычайная, второпях сделанная на гончарном круге и к тому же плохо обожженная. Даже ручка прилеплена криво...

«Надо, надо разузнать, что это за тварь и кто ее послал, иначе в один прекрасный миг вторая такая же сумеет застать меня врасплох...»

— Наш поход за алмазами опять придется отложить. — Конан еще раз внимательно осмотрел кружку. — Нужно бы узнать, кто послал эту уродину...

— А? Что? — Гном оторвался от вина и мутно глянул на друга.

Конан не стал повторяться и жестом подозрительно Асланкариба. Хозяин с готовностью приблизился и услужливо наклонился над столом.

— Откуда у тебя эта кружка? — спросил Конан неожиданно для себя. Вообще-то он хотел заказать мяса и еще вина, но вот почему-то спросил о другом...

— Наконец-то ты обратил на нее внимание, — почему-то шепотом начал трактирщик. — В прошлом месяце ко мне заходил один человек. Странный человек. По-моему, волшебник — у меня нюх на волшебников... Как-то, помню, несколько лет назад некий колдун напустил на моего слугу...

— Уймись! — гаркнул Конан так, что обернулись ближайшие посетители. — Рассказывай про кружку!

— Да, да, — зачастил Асланкариб, — кружку эту он оставил и сказал, что подавать вино в ней нужно только тебе. Только тебе, пока ты не обратишь внимание на узоры. Потом я должен подарить ее тебе... хотя, честно говоря... она, наверное, дорогая и... Я бы хотел, хоть что-то за нее получить...

— Ах ты, старый плут! — Конан хотел казаться рассерженным, но невольно улыбнулся. — Раз волшебник сказал «подарить» — значит, нужно подарить! Но за вино я тебе заплачу побольше — так и быть... За вино, а не за кружку!

Через некоторое время, сполна расплатив-

вшись с хозяином и встряхнув задремавшего Хепата, Конан вышел на улицу, освещенную полной луной, похожей на дружески улыбающийся череп.

* * *

Несколько дней перед путешественниками расстилалась серая, унылая равнина. Небо затягивали тяжелые тучи. Линия горизонта копыхалась в жарком мареве, хотя особой жары Конан и Хепат не чувствовали. Более того — иногда их пронизывало холодом, будто налетал с заснеженных гор яростный ледяной ветер.

— Странная местность, — хрипло сказал Хепат, понукая ленивого верблюда. — Я, конечно, не часто путешествовал... но...

— Вероятно, мы сбились с дороги, — мрачно произнес Конан. — Я бывал в этих местах... Здесь должны начинаться холмы, затем предгорья...

— А на горизонте — Карпашские горы? — Гном озадаченно почесал бороду. — Но их нет... Мы заехали не туда...

— Да тут и горизонта не видно, сплошное марево...

К вечеру серый свет постепенно померк, и воцарилась непроглядная темнота. Звезды не показывались, луна мутным комом изредка мелькала за сплошной пеленой туч. Поскольку дров для костра чаще всего найти не удавалось, друзья, наскоро поужинав, молча заворачивались в одеяла и пережидали ночь в неспокойной дреме.

Утром поднимались — хмурые, невыспавшиеся, седлали животных и вновь пускались в путь по серой равнине.

Так проходили дни. Ничего не менялось. Вскоре тропинка, по которой ехали путешественники, исчезла. Под ногами коня Конана, верблюда Хепата и еще двух выочных верблюдов были только сухая трава, пыль и норы небольших зверьков. Сами зверьки, стоявшие в траве столбиками, завидев караван, издавали громкий свист, после чего с чувством выполненного долга неспешно ныряли в норки.

— Мне как-то не по себе, — пробормотал Хепат, оглядываясь. — Все серое вокруг... Может, мы заехали в те самые... Серые Равнину?

Конан помолчал, раздумывая.

— Что бы попасть на те Серые Равнину — нужно умереть... Мы же, вроде, живы... А живым туда попасть... Не так просто...

— Но мы и не просто попали... Нас завела твоя кружка...

— Кром! Хватит про кружку! — рявкнул Конан.

Последние дни, когда Хепат напоминал о кружке, киммериец не на шутку сердился. Да, действительно, когда однажды он приложил кружку к уху, как это делают моряки с раковинами, чтобы услышать «шум моря», послышался далекий голос. Некто указал направление, в котором надлежало ехать, чтобы встретиться с судьбой и найти ответы на все вопросы. Позднее Конан не раз проклинал себя за доверчивость. Встретиться

с судьбой? А нужно ли для этого куда-то ехать? Ответы на вопросы? А может, лучше и не знать всех ответов?

Но вначале он даже обрадовался — ехать предлагалось в направлении великих Карпашских гор — именно там, недалеко от разрушенного замка Кушуха, закопал Конан горшок с алмазами. Можно было откопать, наконец, клад...

Однако местность странным образом изменилась. Потянулись серые равнинны... Когда это произошло? Конан безуспешно пытался вспомнить, когда же солнце скрылось за плотной пеленой туч, когда дорога превратилась в тропинку? И самое главное — когда исчезли холмы, которые уже начинали попадаться на пути? Наверное, он был слишком погружен в свои мысли... Не заметил перехода в этот странный, серый, безрадостный мир. Здесь даже воздух был иным — густым, вязким, липким. Казалось, с трудом входил он в легкие, оставляя после себя неприятный, горький привкус.

— Что это там, справа? — Хепат покрутил головой и указал налево.

— Совсем запутался со страху, — проворчал Конан и посмотрел в указанном направлении. Что-то тускло блестело в сером свете невидимого солнца. Стоило повернуть и посмотреть — похоже, теперь им уже безразлично, в каком направлении ехать. На этой серой равнине нет дорог, а голос в кружке... Конану все чаще думалось, что это был самообман...

Каждую ночь, дождавшись, когда Хепат уснет,

Конан прикладывал к уху дьявольскую кружку и подолгу вслушивался в тихий, равномерный шум. Завывания ветра, может быть, как говорят моряки, звуки моря... но никакого голоса... Самообман...

А гном вовсе не спал, только делал вид, чтобы не смущать друга и не мешать ему еще и еще раз попробовать получить указания относительно дальнейшего маршрута. А раз указаний больше не было...

Путешественники свернули, и через несколько минут им открылось усеянное мертвецами поле. Тускло блестели мечи, сжимаемые мертвыми пальцами некогда могучих витязей. Неподвижные тела навеки застыли в позах, в которых их настигла смерть. Отрубленные головы, казалось, с укоризной смотрели с земли на подъехавших всадников. Из груди иных воинов торчали стрелы, другие погибли от меча или копья. Вокруг одного, чья рука не выпустила рукоять меча даже после смерти, впала лук, точно пьяные собутыльники, лежали шестеро противников. И только коварная стрела, выпущенная спрятавшимся где-то трусливым лучником, сумела оборвать жизнь храбреца, пронзив ему горло, — единственное место, не защищенное доспехами.

Жаркая битва кипела здесь, вероятно, не далее, как вчера. Тела воинов не успели подвергнуться разложению. Казалось, только свистни, нарушь могильную тишину — и встанут витязи, и продолжат кровавую сечу...

— С одной стороны явно бились наемники, —

Конан указал на положившего шестерых недругов воина. — А вот с другой... Странная на них одежда... и мечи у некоторых...

— Точно, — свистящим шепотом воскликнул гном, — мечи у них, как у той твари — загнуты не назад, а вперед!

— Интересно, кто же победил? — Конан в задумчивости поскреб подбородок. — И кто хозяин этого сумрачного края?

Хепат поерзал в седле верблюда, покашлял и наконец сказал:

— Смеркается... Мне бы не хотелось ночевать рядом с мертвецами... Может, поедем дальше, пока совсем не стемнело?

— Придется тебе унять свой страх, — усмехнулся Конан. — Заночуем неподалеку, а утром посмотрим следы. И, может, нанесем визит победителям.

Хепат поежился.

— В этом мире... Ну, куда мы попали... здесь все не так... жутковато мне тут...

— Ничего, друг мой, придется потерпеть, выбора-то у нас все равно нет. Утром посмотрим, куда приведут нас следы.

Отъехав от зловещего, усеянного трупами поля, друзья расседлали животных и сели ужинать.

— Мне что-то кусок в горло не идет, — жаловался гном, — жую-жую, а проглотить не могу... Будто кто-то сунул холодную, мертвую руку в горло и скжали в кулак...

— Да что с тобой?! — воскликнул Конан. — Опомнись! Мало ты видел мертвецов?!

— Не в мертвцах дело. Тут все не так. Это другая страна, другой мир... Жутко здесь.

— Ладно, давай спать, утром разберемся, — Конан привычно подложил под голову седло и завернулся в одеяло.

Хепат тоже лег, но сна не было. К чему-то прислушивался и сам себя ругал. Что тут можно услышать?! Только разве что воронье карканье... И вдруг он вспомнил — как раз ворон на поле и не было!

Вообще ни одной птицы. Более того — с тех пор, как потянулась эта серая равнина, птиц они не встречали. Мелкие зверьки — попадались. А птиц почему-то не было. Некоторое время Хепат размышлял об этом и незаметно стал погружаться в сон.

Во сне он стоял на краю поля и видел, как летят огромные стаи черных птиц, намереваясь опираться на трупах павших воинов. Кружатся, кричат, выпускают кривые когти. Затем вдруг, будто почувствав что-то неладное, резко взмывают вверх и торопливо улетают за горизонт. Будто почувствовали засаду, думает во сне Хепат. Боятся, что схватят их мертвцы, сомнут жесткими, плохо сгибающимися, холодными пальцами... И станут вместе с перьями засовывать в рот... А они будут пищать... пронзительно и жалобно.

Резкий звук заставил проснуться. Хепат сел и прислушался. Стер пот со лба, успев удивиться, как же он так вспотел — ведь было довольно прохладно. Правда, как всегда — душно. Странное сочетание — прохлада и духота. Хепат сидел

и слушал. Но ни единным звуком не нарушалась тревожная, чуткая тишина...

Немного успокоившись, гном снова лег, размыляя о том, почему же не проснулся Конан. Может, не было никакого звука? Может, это во сне?

И снова он стоял на краю поля. Только теперь шевелились трупы. Глухо ворчали, пытаясь поднять окровавленное оружие, тяжело поворачивали головы, стараясь увидеть мутными, потускневшими глазами противника. И с ужасом замечал гном, что некоторые воины уже смотрят прямо на него, и вспыхивают в мертвых глазах зловещие огоньки, и лязгают в гневе зубы: «Зачем пришел ты смеяться над нашей бедой, над нашей смертью?!»

Со сдавленным криком вскинулся Хепат и уставился невидящим взором в темноту. Все никак не мог проснуться, все мстилось ему, что таращатся на него мертвцы и скрежещут зубами, хотят дотянуться до него холодными руками, ухватить скрюченными пальцами...

И вновь какой-то звук раздался в ночи. Только на сей раз не короткий, а тягучий, зауныванный, как вой одинокого волка. Оцепенев, слушал Хепат, последний гном из племени Вармина, этот странный и страшный вой, плывущий в ночи над полем, усеянным мертвцами.

На сей раз проснулся и Конан. Сел, прислушиваясь и качая головой.

— Это шакал пришел пировать... Нужно его отогнать, иначе их набежит целая стая, и мы больше не уснем.

Молча, в каком-то оцепенении наблюдал Хепат, как киммериец поднялся, опоясался мечом и скользнул в темноту, растворился, будто и не было его, будто сидел тут Хепат всю жизнь один, сидел и слушал тосклиwyй, наводящий ужас вой.

— Шакал?! — прошептал он. — Нет... это не шакал воет... не шакал...

Словно замерзший, сидел Хепат, прислушиваясь к малейшему шороху. Скоро он перестал чувствовать свое тело. Затекло, онемело, исчезло — остался один разум... А тело, может быть, лежит на поле, рядом с другими...

Нет, нет, просто слишком долго сидел он в одной позе, замерев, как мертвец. Словно и сам превратился в мертвеца... И показалось, что действительно лежит он на поле, среди других трупов, уже тронутых разложением, вдыхает смрадный воздух, шарит глазами, не в силах повернуть голову... Но и глаза его не видят ничего, кроме серой, мертвеннной пелены, только какое-то странное шевеление вокруг, будто ползет кто-то, скребет землю скрюченными пальцами...

Огромным усилием Хепат заставил себя пошевелиться. С трудом встал на ноги, сделал несколько движений, чтобы размяться, походил вокруг мирно пасшихся животных. Где же Конан? Как долго он ходит там — ищет шакала? Ему давно пора бы вернуться...

А Конан, неслышно ступая, обходил поле битвы, стараясь разглядеть при тусклом свете спрятавшейся за неизменными тучами луны, хоть какое-то движение. Шакал должен быть где-то там,

он не может сидеть неподвижно, он должен пожирать добычу, отрывать куски плоти, довольно урвать, давиться... Какая-то возня должна быть среди трупов... Шакал не может быть неподвижным, как те... чьим мясом он думает полакомиться...

Что-то шелохнулось на расстоянии в два человеческих роста. Конан остановился, пристально вглядываясь. Шакал? Нет, вероятно, показалось... По-прежнему никакого движения. Ни малейшего шороха... И луна, как назло, совсем скрылась за темными тучами.

Конан присел и замер. Если это шакал, то он рано или поздно выдаст себя. Он не сможет, затаившись, сидеть рядом с такими лаковыми кусками... Обязательно схватит, будет рвать...

Тишина над полем... Сидит неподвижно Конан, сидит, затаившись, шакал. Ничто не тревожит вечный сон павших воинов. Разве только... Вот! Конан услышал звук. Кажется, будто кто-то ползет. Шуршит, подползая... Очень осторожно пробирается между трупов, но чуткое ухо киммерийца улавливает малейшие шорохи.

Конан покрутил головой, пытаясь определить, откуда доносится шорох. Странное дело — он услышал еще один подобный звук, потом еще и еще. С разных сторон поля доносился до него шорох подползающих тел. Даже послышался звон оружия. Упал и покатился чей-то шлем... Это уже не шакалы...

Конан неслышно поднялся и отошел на несколько шагов. Колдовской морок? Или просто воображение разыгралось?

Луна показалась, наконец, в просвете между двумя тяжелыми тучами. Не выглянула — только чуть лучше осветила поле, оставаясь все так же скрытой за вечной пеленой серых облаков. Но все же стало чуть светлее.

Конан всмотрелся и почувствовал, как волосы у него встают дыбом — все поле шевелилось. Мертвецы, подтягиваясь на окоченевших руках, лезли прямо к нему. Теперь в этом не было сомнений — трупы, оживленные какой-то дьявольской силой, шевелились. И ветерок донес запах тления. Все же мертвецы уже начали разлагаться... Удушилый, сладковатый запах гнили чувствовался все явственней.

Луна тотчас скрылась за тучами, будто кульник, решивший показавший только одну сценку и поспешно задернувший шторы. Почти полная темнота окутала поле. Но звуки доносились по-прежнему четко. Вот кто-то натужно застонал, кто-то будто заскрипел зубами... Что-то круглое покатилось и остановилось у самых ног киммерийца. Кром! Отрубленная голова!

Конан нагнулся и в неверном свете разглядел тусклый взор мертвых, но в то же время непостижимым образом живых глаз.

Чувствуя, как струйки холодного пота стекают по спине, Конан смотрел в эти глаза, не в силах отвернуться. Кто, во имя богов, кто смотрит сейчас на него этими мертвыми глазами?!

Губы головы затрепетали, и послышался хриплый шепот:

— Ты должен... служить мне... ты видишь мое

могущество... по моему знаку мертвецы разорвут тебя в клочья... ты уже окружен... ты должен служить мне...

Пытаясь сохранить спокойствие, Конан оглянулся. Вокруг — шевелящиеся покойники. Пожалуй, можно попытаться проскочить, отмахиваясь мечом...

— Я дам тебе все: богатство, славу, самых красивых женщин, ты будешь жить во дворце...

— А что взамен? — Конан пытался говорить спокойно и равнодушно, хотя, как всегда при столкновении с колдовством, в нем поднимался инстинктивный страх.

— Служба мне... верная служба! Скажи, что бы ты хотел иметь в этой жизни?

Несмотря на весь ужас и нелепость ситуации, Конан задумался. Действительно, чего бы он хотел? Вот так — сразу. По волшебству. Богатства? Конечно... Но богатство нужно завоевать — так он считал. Только в этом случае оно доставит радость. А получить его просто так? Впрочем, не просто так — за службу некоему демону... или богу?

Что еще? Любовь? Но любовь у него уже была... И еще будет...

— Я могу дать тебе мощь! Ты будешь обладать не просто физической силой, но несокрушимой мощью демона! Ты сможешь покорять, подчинять себе людские сердца и души! Ты сможешь летать в небесах, подобно легкому облаку, проходить сквозь стены, жить под водой, превращаться в любых животных! Твоя сила будет безгранична!

— Но я не буду свободен! Я буду служить тебе, выполнять твои приказы, какими бы они ни были!

— Да, это так.

— Скажи, прежде всего, кто ты?

— Я хозяин этого мира. Это я подарил тебе кружку. Это я привел тебя сюда. Я великий Аскеледон! Один из семи демонов, властствующих над миром!

Чувства Конана обострились до предела. Он слышал шуршание мышей в поле, он слышал даже дыхание зловредного, затаившегося шакала, которого так и не удалось прогнать с поля. Киммериец каким-то образом ощущал тяжелую неподвижность мертвцев и их готовность броситься на него — живого человека. Он чувствовал, как напряжены его мышцы. Мышцы просили действия — рубить, бежать, двигаться, уворачиваться от вражеских клинков...

Но... приходилось беседовать, торговаться с демоном!

— Миром правят семь демонов? А как же боги?

— Боги заняты своими делами... Им нет дела до смертных...

Конан усомнился, но решил промолчать. Спорить с демоном сейчас не стоило. Гораздо важнее выяснить его намерения.

— Но ты хотел меня убить! Послал ящерицу...

— Ты ведь легко одолел ее в поединке, правда? Я просто хотел тебя заинтересовать. Чтобы ты отправился в это путешествие и пришел сюда.

— Но почему именно я? — Конан старался

протянуть время до момента, когда луна вновь хотя бы на миг выглянет из-за туч. Тогда можно будет попытаться бежать...

— Почему ты? Ты — славный воин, герой своей эпохи... А герои должны служить мне!

Луна, наконец, одной половиной показалась в рваном проеме туч.

— Не спеши убегать, Конан, — произнес демон. — Ты можешь уйти совершенно спокойно, мертвцы тебя не тронут... Пока не тронут. Завтра приходи ко мне с ответом. Дорогу найдешь.

Ощущая полную нереальность происходящего, Конан смотрел, как голова откатилась и замерла возле тела, посреди широких плеч которого чернела кровавая рана.

Осторожно переступая через неподвижные тела, Конан направился к месту ночлега. Странные дела творятся в этой серой стране...

* * *

— Конан, мы едем уже третий день, а замок так и не приблизился... странно, — Хепат кивнул на закрывающий панораму огромный, сверкающий замок.

Собственно, на замок это прозрачное сооружение походило мало. Скорее, на дворец — построенный из прозрачного, искрящегося камня, гордо вознесшийся под самые небеса и указывающий многочисленными шпилями на невидимые за облаками звезды. Строения такой величины Конану видеть не приходилось. Разве только колонны

древних развалин могли поспорить с этим сверкающим великолепием.

— Приблизился, — ответил Конан, помолчав, — просто он очень большой, кажется, будто рядом... а до него еще ехать, да ехать...

— Из чего же он построен? — не унимался гном. — Сверкает так, будто это искусно отшлифованный алмаз!

— Может, и алмаз, — проворчал Конан.

Друзья умерили бег уставших животных. Хоть рысью, хоть шагом... Дворец по-прежнему оставался еще очень далеко.

— Конан, а ты не спросил у головы, что это за страна, и как нам отсюда выбраться?

— Да не у головы... у демона... Нет, не спросил, он бы все равно не сказал, — киммериец сердито глянул на любопытного гнома. — Он заставляет меня поступить к нему на службу! А ты... «как выбраться»?...

Хепат поджал губы и умолк. Конан тоже молчал. Пытался представить, что скажет этому демону, хозяину страны — Аскеледону. Перехитрить его вряд ли удастся. Впрямую отказаться? Тогда, скорее всего, — смерть. А если и нет — не выбраться из серой страны...

— А ты заметил, Конан, что дворец возник как-то внезапно — не было его, и вдруг из марева встает такая громада... — Хепат был явно расположен поговорить.

— Заметил, все заметил... Заметил, что хозяин страны — могущественный демон...

— А как же боги?

— Что — боги?

— Миром правят семь демонов? А боги?

— Это он так говорит, что семь демонов... Как на самом деле — неизвестно. Я думаю, он преувеличивает...

— Ну тогда, может, нам попросить помощи у богов?

Конан задумался. Пожалуй, это мысль... Вот только Кром — точно не будет помогать. Он дал воину все, что нужно, еще при рождении — силу, мужество, находчивость. Дал — и забыл о мальчике, которому суждено стать мужчиной, стариком, умереть.

Как киммериец распорядится своей жизнью и дарами Крома — дело самого киммерийца. Сурвому богу северян-горцев нет до этого никакого дела... А другие божества... К кому обратиться? К Митре? Нужно подумать...

Подняв голову, Конан увидел, что путь преграждает еле заметная прозрачная стена.

— Все-таки приехали, — он усмехнулся, — а ты говорил...

Хепат, раскрыв рот и запрокинув голову, пытался разглядеть вершину замка. Насколько хватало глаз, все тянулась вверх сверкающая стена. Серые тучи мягко обволакивали ее, будто заботливо укрывая пуховым одеялом.

— Будем искать вход, — вздохнул Конан, подумав, что он ведь так и не решил, что ответить демону. Самое разумное будет, пожалуй, согласиться — пока... для виду... а там, по возвращении в родной мир, обратиться за помощью к бо-

гам... Хотя бы для начала поговорить с волшебниками...

— Вот он, вход, — радостно возвестил Хепат, будто они приехали не в логово демона, а на ярмарку, где будет бесплатное угощение.

Высокий пандус, широкие, гостеприимно распахнутые ворота, сделанные из этого же сверкающего минерала...

Друзья спешились. Конан невольно вздрогнул, когда к ним, откуда ни возьмись, резво подбежали чешуйчатые слуги и с поклонами увели лошадь и верблюдов. Другие ящерицы, выстроившись вдоль прозрачной стены, очевидно, указывали дорогу.

— Такие же твари, как та, в харчевне... — прошептал гном, крутя головой.

— Естественно... Но ему служат и люди — ведь на поле битвы ящериц не было.

Люди не замедлили появиться. Огромные, мускулистые негры стояли рядами, скрестив руки на груди. На поясе у каждого висел увесистый ятаган. Конан, нахмурившись, неторопливо шагал вдоль шеренги полуобнаженных чернокожих воинов.

Коридор казался бесконечным. Негров сменили смуглые южане, черноволосые, черноглазые и, наверное, быстрые в движениях. Сейчас они не подвижно замерли, провожая спутников горящими глазами. Южане были вооружены легкими кривыми саблями и большими, изогнутыми кинжалами.

По мере приближения Конана, слуги демона

молча слегка склоняли головы в знак приветствия...

Хепат шел немного позади, как и полагается оруженосцу. Ему очень понравилось это слово, услышанное недавно в одной из харчевен Шадизара. «Оружено́сец!» Верный помощник воина, друг, который носит оружие и подает нужное по мере надобности.

Свое оружие, Конан, правда, носил сам, но разве в этом дело?! Все равно, он, Хепат — последний из племени славного Вармина — оружено́сец великого воина, прославленного во всех цивилизованных, да и варварских странах.

Бесконечный коридор все тянулся. Все также стояли вдоль стен воины. Так же слегка склоняли головы, приветствуя проходящих. Конан пытался разглядеть, что там, за прозрачными стенами... Но перспектива искалась, виделись бесконечные отражения шеренги воинов, дальше переливы радуги, сверкания граней...

Наконец коридор закончился, и друзья вошли в тронный зал — огромное помещение с почти невидимыми стенами и сводами. Блики света порхали вокруг, подобно бабочкам. Казалось, сам воздухискрился, и блестал, и слепил глаза. Вдоль далеких стен все так же маячили воины. Все те же смуглые южане с кривыми саблями.

«Почему это я решил, что они южане? — мельком подумал Конан. — Потому, что смуглые?»

Сделав еще несколько шагов, друзья остановились у подножия трона. Высокое, резное, сияю-

щее невероятным светом, огромное кресло и... странное существо на нем. Человеческое тело и голова ящерицы. Или змеи. Тело, в принципе, тоже не совсем человеческое. При внимательном рассмотрении Конан отметил непропорционально огромные руки со страшными, перевитыми венами, мышцами, длинные когти на пальцах рук и ног... Существо не имело одежды, за исключением набедренной повязки, и можно было видеть его короткие, кривые, как у пещерного медведя, ноги. Голова ящерицы была довольно изящной, по сравнению с телом, и Конан заметил, что глаза у демона вовсе не злые, как можно было ожидать. Скорее, в них сквозили холод, равнодушие к смертным и глубокое, потаенное знание.

Странно, но, глядя на демона, Конан не испытывал страха. Там, на поле мертвцевов, было страшно по-настоящему... А здесь, в веселом, наполненном бликами света дворце, не нашлось места страха.

— Это один из моих любимых обличков, — гулко, с присвистом произнес демон. — Вообще-то я могу принять любое обличие... Так что ты решил, Конан?

Неожиданно для себя и других Хепат вывернулся из-за спины друга и пропищал:

— Мы есть хотим! Ты бы накормил гостей, потом спрашивал!

На долгий миг повисла напряженная тишина. Затем демон рассмеялся:

— С таким оруженосцем не пропадешь!

Аскеледон чуть повернул голову, и по залу заскользили прозрачные столы, установленные яствами. Конан вспомнил, как катался в детстве с ледяных гор... Вот так же он скользил, быстрее и быстрее, и ветер радостно пощипывал его раскрасневшееся лицо...

Но здесь был не лед... Камень... Прозрачный минерал...

— Из какого камня построен твой дворец?

— Ты еще не догадался? — демон фыркнул, — Это бриллиант! Хорошо отшлифованный бриллиант.

Аскеледон протянул вперед когтистую лапу. На толстом, волосатом пальце его сверкал камень невероятной величины.

— Мы тут, внутри этого камня. Я постоянно ношу свой дом с собой.

— Но... разве такое возможно? — Конан, не смотря на все чудеса последнего времени, был, совершенно сбит с толку.

— Это возможно для тех, кто обладает силой! Если ты будешь служить мне, я дам тебе силу почти равную моей!

— Все же — «почти», — вновь пропищал Хепат, подняв палец. — «Почти»!

«Почему у него стал такой тонкий голос?» — удивился Конан, а вслух сказал:

— Уймись!

Демон щелкнул пальцами, и гном вдруг жалобно замычал. Он силился и не мог открыть рот. Пытаясь пальцами разомкнуть губы, Хепат жалобно смотрел на друга.

— Но как же он сможет отведать твоё угощение? — со смехом вопросил Конан. — Слишком жестоко показать ему вино и не дать попробовать!

— Хорошо, но пусть пообещает молчать! — Аскеледон вновь щелкнул пальцами, а Хепат торопливо закивал, показывая, что готов молчать.

И действительно, на протяжении всего обеда гном не промолвил ни слова, что было и неудивительно — такого изобилия яств он не видел никогда. Разве что во дворце демона Уробаха...

Сколько изящных кувшинов с превосходным вином опустошили друзья, не ведал даже Аскеледон. Вначале он, задумавшись, неподвижно восседал на троне, ожидая, когда гости насытятся. Но поскольку во время похода рацион друзей был весьма скучным, процесс насыщения сильно затянулся. Хотелось попробовать каждое блюдо, отведать вина из каждого кувшина...

В очередной раз мельком взглянув на трон, Конан заметил, что демон исчез. Очевидно, улетел по делам, устав от бесплодного ожидания. Хепат, который теперь мог говорить, не опасаясь, что ему вторично заклеят рот, тем не менее, оставался молчаливым, и только челюсти его двигались с неимоверной быстротой. Особенно нравилось ему нежное копченое мясо, превосходившее вкусом все, что он когда-либо пробовал. Немного смущала неопределенность — из какого животного приготовлено это дивное блюдо? Кто знает, может, демон готовит окорока из пропившихся рабов?

Конан же налегал на вино и фрукты. Такого вина он не пил никогда... Вот, разве что — у демона Уробаха...

Когда, наконец, Аскеледон появился на троне, он застал друзей в состоянии безмятежного блаженства. Посему не представлялось возможным понять, согласен или не согласен Конан служить ему, хозяину серой страны, одному из семи великих демонов, управляющих миром.

Серьезный разговор пришлось перенести на завтра. В зале появились прекрасные полуобнаженные рабыни, которые и увели Конана и Хепата в опочивальни. Сидя на троне, Аскеледон нетерпеливо и задумчиво барабанил когтями по алмазному подлокотнику. Ну, что ж, завтра так завтра...

Проснувшись утром, Конан с удивлением обнаружил, что голова его совершенно чиста — никакой тяжести! Вот только в носу немного свербит... Самочувствие в целом отменное — будто и не сидел он вчера за роскошным столом, не пил в неимоверных количествах вино. Да, у демона Аскеледона превосходное вино — тонкое, игристое и совершенно лишенное примесей, образующихся в результате неумелого сбраживания, от которых наутро так болит голова. Виноделы демона знают свое дело...

Не открывая глаз, Конан улыбнулся, вспомнив, как ублажали его две молодые рабыни, какими изысканными ласками награждали, как тонко, как умело возбуждали его после каждой разрядки...

Удовлетворенно вздохнув, он опять почувствовал что-то неладное с носом... Запах... Да, запах смерти, запах трупа... Уже зная, что он увидит, киммериец открыл глаза. Рядом с ним по обе стороны лежали два хорошо разложившихся трупа. Кожа давно слезла со вздувшихся, почерневших лиц, а в пустых глазницах копошились черви. Зловонная жидкость, образующаяся при гниении трупа, насквозь пропитала белоснежную простынь, и Конан обнаружил, что лежит в луже. Невольно вскрикнув и отбросив обнимавшую его руку — с гнилой, отстающей от кости плотью — он вскочил с мокрой постели, и только найдя глазами меч, немного успокоился.

— Ну что ж, Аскеледон, твоя шутка достойна демона.

Оторвав от простыни чистый лоскут, он вытерся, затем оделся, опоясался мечом... и замер.

Позади раздался хриплый голос. Одна из мертвых женщин, призываю протягивая костяные руки, шептала нежные слова — те самые, которые вчера произносили ее нежные губы. С ужасом и отвращением смотрел Конан, как ласковые речи натужно падают со вздувшихся, почерневших губ.

Второй мертвец также зашевелился. Силился что-то произнести, но гниющий язык вывалился изо рта, и Конан поразился его длине. Люди ли они — эти красавицы-рабыни? Точнее, были ли они людьми? Может, это некие твари, созданные волей демона?

Не оглядываясь, Конан направился в тронный

зал. Аскеледон сидел на троне, будто не сходил с него со вчерашнего дня.

— Ну, как тебе мои красавицы, Конан? Доволен ли ты их ласками? — На сей раз, голос демона струился, подобно освежающему потоку горного ручья.

— Доволен, — спокойно отозвался Конан, — только разбудили они меня слишком рано.

В зал вошел шатающийся Хепат. Судя по его вытаращенным глазам и ошалелому виду, с ним произошло тоже самое.

— А вот и наш любезный гном, — на змеиной физиономии демона появилось подобие улыбки, — и его тоже разбудили раньше времени!

Хепат хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Возможно, от негодования, но не исключено, что он вспомнил вчерашнее предупреждение демона.

Гном молча плюхнулся в жесткое прозрачное кресло и молча покачал головой.

— Так что же ты ответишь, Конан? Я еще разлагаю тебе службу. Откажешься — и мертвецы всех миров будут вечно преследовать тебя! Где бы ты ни находился, они будут вылезать из могил и стремиться убить тебя, разорвать в клочья, и клочья эти — клочья твоей прекрасной плоти — сжевать, сожрать, а затем обгладать твои кости...

— А если я соглашусь? — перебил Конан.

— А если согласишься — получишь такую мощь, о которой даже не мечтал ни один смертный. Я тебе уже говорил: ты сможешь летать,

как птица, силой мысли подчинять себе целые народы, мгновенно перемещаться из одного мира в другой, ты сможешь...

— Я согласен! — громко сказал Конан, вновь невежливо перебив демона. — Я согласен, дай же мне силу!

Аскеледон осекся и посмотрел на киммерийца внимательным, пронизывающим взглядом.

— Не так сразу! Ты должен понимать, что силу — этот необычайный дар — нужно заслужить! Следует выполнить хотя бы первое задание, тогда ты получишь часть силы — для выполнения следующего задания...

— А для выполнения первого задания мне сила не требуется? — с некоторой насмешкой спросил Конан.

— Для выполнения первого задания вполне хватит той силы, что дал тебе твой Кром! Теперь слушай. Вот что ты должен сделать...

* * *

Снова серая, выжженная степь, снова над головой тяжелые тучи, к которым друзья уже успели привыкнуть.

Солнце все также стыдливо прячется за пеленой, но, несмотря на это, пот заливает путникам воспаленные от зноя глаза.

— Конан, ты заметил, когда исчез дворец? Мы отъехали совсем немного, а его уже нет... — Хепат озабоченно покрутил головой.

— Что? — В последние несколько часов Конан

пребывал в мрачной задумчивости. — Нет, и я не заметил...

— Ты действительно хочешь выполнить приказ демона? — не унимался Хепат, пытаясь отвлечь друга от тягостных мыслей.

— Если выполнить один приказ — тут же по следует другой, третий... Нет, нужно что-то придумать...

Некоторое время друзья ехали молча. Затем Хепат стал вполголоса напевать старую песню гномов. Длинную, навевающую самые разные чувства. Иногда — неизбывную грусть, иногда — судорожное веселье, в чем-то похожее на отчаяние окруженнного врагами воина, решившего дорого продать свою жизнь.

Конан много раз слышал эту необычную песню и полюбил ее мелодию. Однажды он попросил друга рассказать, о чем в ней поется, и Хепат долго и вдохновенно переводил текст песни с языка гномов на язык людей. В ней говорилось о великой подземной стране, расположенной под огромной, одинокой горой, о сверкающих самоцветах, украшающих тронный зал мудрого правителя, о нелегком труде копателей, о великих мастерах, умеющих изготовить оружие, равного которому не было в мире...

Слушая бесконечную песню, Конан задремал. Почувствовав некоторую вялость седока, конь перешел на неторопливый шаг, а затем и вовсе остановился.

Конан спал, уронив голову на грудь.

Хепат давно закончил петь и с тревогой смот-

рел на друга. Что за странный сон? Но гном знал — почему-то он очень хорошо знал — прерывать этот неурочный сон сейчас нельзя...

* * *

Лицо Итилии расплывалось, как в тумане. Она что-то говорила, во всяком случае, губы ее шевелились. Конан напрягал слух, но ничего не мог разобрать.

«...доверяй демону...», — донесся обрывок фразы. Вероятно, она хотела сказать «не доверяй демону».

А, может, наоборот? «Полностью доверяй демону»? А можно ли демонам верить? Держат ли они свое слово?

Писклявый голос Хепата заскрипел в ухо: «Демоны не боги... не боги...». Почему вдруг он стал так пищать? Со страху?

Из-за камня опять вышел пещерный лев. Придется убить его еще раз, потом еще, и еще, и так — до бесконечности... Это все задания демона... И с каждым разом отказаться будет все труднее... А сила? Конан вдруг почувствовал, как в него вливается мощь. Теперь он может многое. А меч в руке горит пламенем. О, да! Теперь меч его стал огненным! Он в состоянии отныне не только рассекать плоть, но и плавить камни, поджигать воздух, разрубать звезды...

Итилия что-то говорит... Показывает на восток... Из темноты выступает смуглое лицо... Добрые, но отстраненные карие глаза... Митра! Ити-

лия советует... Обратится... Хепат... Почему ты прекратил петь?

* * *

Конан вздрогнул и поднял голову. Недоуменно глянул в глаза другу, заметил его беспокойство...

— Все в порядке! Похоже, Итилия дала мне знак... Она советует обратиться к Митре.

Хепат невольно посмотрел на солнце. Митра, податель жизни... Захочет ли он помочь двум бродягам? Может быть, боги действительно заняты исключительно своими делами и миром управляют демоны?

Друзья вновь пустили животных рысью, и скоро Конан указал на темное пятно, появившееся на горизонте:

— Вот они!

Подъехав ближе, друзья увидели две небольшие армии, стоящие друг против друга. Одна почти сплошь состояла из наемников, за исключением небольшой личной охраны командира, вторая же была весьма разнородной. Конан заметил огромных негров из алмазного дворца, смуглых южан с легкими саблями и даже безобразных ящериц — верных слуг Аскеледона. Очевидно, демону пришлось подготовить к бою все резервы.

Суровые наемники, построились клином и приготовились к атаке. Конан невольно залюбовался этими бывальми воинами, профессиональными убийцами, воюющими под знаменем того, кто хорошо заплатит. Да, этот клин войдет во

вражескую армию, как нож в масло, и ничто в мире не способно будет его остановить...

Почти ничего.

— Кажется, это и есть твое задание? — Хепат посмотрел на отделившуюся от армии демона группу всадников, направляющуюся к ним.

— Да, наемники уже выставили поединщика...

Хепат в который раз удивился тому, что не помнит задания, данного Аскеледоном его другу, хотя присутствовал при разговоре.

Теперь все становилось на свои места — Конан должен выступить поединщиком за армию демона. Очевидно, воюющие стороны не могут и не хотят больше терять своих людей. Проще решить дело по старинному обычаю, который, в принципе, давно уже никем не соблюдается. Но если правители дадут слово...

Группа людей — все смуглые южане — подъехала ближе.

— Я приветствую тебя, Конан, — церемонно произнес один из них, судя по дорогим доспехам и сверкающей самоцветами сабле, командир армии демона.

Киммериец неучтиво промолчал, мрачно глядя на чопорного, гарцающего на белом коне командира.

— Аскеледон очень рад, что ты будешь сражаться за него, — продолжал южанин как ни в чем не бывало. — Он уверен в твоей, а, значит, и нашей победе! А теперь — поспеши, противник ждет!

«Похоже, нет шанса избежать поединка», —

думал Конан, спешиваясь, ибо биться предстояло пешим. Воля демона привела его сюда.

* * *

Он с горечью вспомнил, как пытался несколько раз повернуть на юг, но после нескольких минут пути, оказывалось, что они вновь едут на север. Хепату он ничего не рассказывал — незачем зря пугать друга. Да и что это могло изменить? И вот теперь он должен выполнить задание или умереть. Ах, Итилия! Возможно, ты опоздала с советом!

Хепат потянул Конана за палец.

— Ничего, это задание придется выполнить... Деваться некуда! Но дальше... Мы отыщем ближайший храм Митры, и он нам поможет! Обязательно поможет!

Хепат не сомневался в победе друга, хотя, взглянув на воина, которого выставили наемники, почесал затылок. Перед строем высился огромный детина самого мрачного вида. Шрамов на лице у него было не меньше, чем у Конана, и меч, который он держал в толстой, как бревно, руке, был никак не короче меча его друга.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Наёмник, улыбаясь, медленно положил меч, снял кольчугу, мягкую кожаную рубашку-подкольчужник, затем нижнюю, заскорузлую от пота рубаху и остался по пояс обнаженным. Сделал несколько разминочных движений, и по рядам наемников пронесся гул одобрения. Огромные мыш-

цы на покрытом шрамами теле богатыря действительно выглядели впечатляюще. Они вздувались буграми и обивали тело, как толстые лианы обвивают дерево в джунглях. То была грубая, неодухотворенная, все сметающая на пути сила.

Сверкающий злобным торжеством мрачный взгляд из-под низкого лба дополнял впечатление свирепости и несокрушимости воина, которого выставили наемники. Взявшемеч в правую руку, он высоко вскинул ее, и остро отточенная, полированная сталь засверкала на солнце. Глядя на Конана свирепым взглядом, наемник зарычал, будто потревоженный медведь. Затем громче. Еще громче. Теперь рычанию вторили его товарищи.

Наемник издал громкий, хриплый рык — и тысяча глоток повторила его. Полубронированный воин задрожал от ярости и заревел так, что казалось, содрогнулись небеса. Тотчас ему ответила ревом армия, и тут уж небеса действительно задрожали. По полу прошел ветер, взметнулась пыль, закрутились небольшие смерчи.

Теперь даже Хепат усомнился в победе друга. Казалось, одолеть такого зверя невозможно.

Конан, между тем, вел себя на удивление спокойно. Он знал этот наемнический ритуал — церемонию подготовки к бою. Изменить свое сознание, почувствовать себя зверем, непобедимым зверем-убийцей, бесстрашным и беспощадным! Это был один из способов достигнуть состояния берсерка. Киммериец им не пользовался, предпочитая более короткие и действенные пути.

Когда наемник стал раздеваться, Конан, ус-

мехнувшись, также снял доспех и обнажил торс. И хотя он обладал мускулатурой не менее впечатляющей, все же по сравнению с гигантом выглядел, как молодой кузнец-молотобоец рядом со старым, огромным, немного ожиревшим, но гораздо более сильным и опытным хозяином кузницы.

Хепат часто видел таких кузнецов — больших, как горы, со вздувшимися, мокрыми от пота мышцами, без устали ударяющих молотом по наковальне. Казалось, эти люди имеют не одно, а два сердца. Часами, без отдыха они работали не-подъемным для простого смертного молотом, выковывая мечи, уплотняя сталь бесчисленными ударами до тех пор, пока не скажет старишок-мастер «хватит», не махнет рукой, останавливая разошедшегося молотобойца.

Примерно таким «молотобойцем» и был наемник, рыком доводивший себя до исступления. А Конан выглядел, скорее, сильным, очень сильным, ловким, быстрым, но все же юношей, только недавно познакомившимся с кузнецким делом.

Хепат тряхнул головой, прогоняя эти, как ему показалось, неуместные мысли о кузнецах. Перед ним были воины. Мощные, опытные, давно потерявшие счет убитым противникам...

Рассвирепевший гигант вряд ли будет в схватке таким быстрым, как Конан, размышлял гном. Наверняка он привык полагаться на грубую силу и огромный, тяжелый меч. Хепат сравнил мечи — тот, которым потрясал наемник, и тот, что

держал в руках Конан, — с широким, вороненым лезвием. Да, мечи были достойны своих хозяев! По размеру и весу, пожалуй, одинаковы...

Гном дрожал мелкой дрожью и ничего не мог с собой поделать. Его возбуждение было так велико, что еще немного — и он с криком бросится в бой, нападет на этого громилу-наемника, вонзит в его необъятную грудь кинжал!

Да, грудь, плечи у верзилы были такой ширины, что хватило бы на двоих, а то и на четверых человек. Хепат с тревогой глянул на Конана. Вообще-то у киммерийца, если взглянуться, плечи не уже... никак не уже. Просто он более гибкий и, пожалуй, немного ниже противника, поэтому кажется по сравнению с ним, чуть ли не юношей. Гном покрутил бородавку на носу. Трудно придется Конану...

Вышли вперед секунданты — от обеих армий по два человека. Вполголоса еще раз обговорили условия поединка. Отошли в сторону и дали сигнал. Гулко пропел рог. Противники заняли позиции друг против друга.

Наёмник, продолжая хрюпать и держа меч одной рукой, стал выписывать восьмерки, осторожно, каждый раз на полшага, продвигаясь вперед. Конан замер, как статуя, удерживая меч двумя руками и направив его на врага.

Наёмник внезапно сделал длинный шаг вперед — скользящий, неожиданный — и, пользуясь инерцией своего огромного тела, обрушил меч на Конана. Это был его излюбленный прием — никто не мог выстоять... никто! Каким бы щитом

ни закрывался противник, какой бы клинок ни подставил под удар — ничто не могло задержать стремительного продвижения разящей стали! Как правило, противник оказывался разрубленным надвое вместе со щитом и кольчугой!

Но на сей раз что-то не сработало. Конан скользнул чуть вбок и встречным ударом едва не выбил оружие из руки противника. То был один из любимых приемов Конана. Встречный и немного сбоку удар — и меч врага обычно ломался, как игрушечный. Однако прием киммерийца также не достиг цели.

Противники отступили, с некоторым удивлением глядя друг на друга. На губах наёмника выступила пена, но глаза его были вполне разумны — он просчитывал следующий ход.

Искусственно раздутая ярость не мешала ему оценивать противника и действовать расчетливо и обдуманно.

Конан также обдумывал ситуацию. Похоже, теперь этот гигант попытается взять натиском. Его коронный трюк не достиг цели... Он попробует серию непрерывных ударов, надеясь на свою выносливость...

Так и произошло. Наёмник с рычанием бросился в атаку. Его меч превратился в сверкающее облако. На Конана обрушился такой град мощных ударов, что спасал киммерийца только звериный варварский инстинкт. Глаз не мог уследить за движениями клинка и, тем не менее, каждый удар был отражен, каждая атака отбита.

Некоторое время слышались только лязг ста-

ли и рычание наемника. Выдержать такой темп обычный воин не мог. Но бились не обычные люди — каждый из них стоил в бою нескольких десятков. Конану даже жаль было убивать такого богатыря. В победе он не сомневался — знал, что еще немного — и наемник выдохнется, несмотря на свою силу и выносливость. Его удары уже стали слабее...

Солнце склонялось к горизонту, а воины все рубились в прежнем темпе. Казалось, это демоны войны — равные по силе и опыту — сошлись в жаркой, смертельной схватке. Но Конан чувствовал, что противник устает. В этот момент главное — не пропустить удар... Пусть еще выложится... А потом настанет время контратаки.

Рычание наемника стало слабее. И, пожалуй, в нем появились жалобные нотки. Время пришло! Издав боевой клич, Конан бросился в атаку.

Такой быстроты, такого натиска от утомленного человека наемник не ожидал. Он теперь думал только о защите. И чувствовал, что долго не продержится. С отчаянием в глазах, отступая с каждым шагом, он приближался к шеренге своих соратниц, и они с тревогой и изумлением следили, как добивают их лучшего бойца. Как ловко, в каком темпе работает мечом этот странный варвар, почему-то вызвавшийся сражаться за проклятого демона, который опустошил эту некогда прекрасную страну!

Конан не ослаблял темп, хотя и сам уже изрядно устал, но теперь, как никогда важно было не дать отдыха противнику, дожать, добить...

Меч выпал из усталых рук наемника. Пытаясь поднять его — ежесекундно ожидая последнего, смертельного удара — уставший воин упал на колени, и руки его попытались обхватить рукоять своего, такого привычного и родного оружия. Пальцы не слушались, не гнулись, соскальзывали с рукоятки.

И заплакал от бессилия воин. Опустил голову, признавая поражение, приглашая противника нанести последний удар...

Замер Конан с поднятым мечом. Замерли обе армии. Стих ветерок. Остановили свой бег тучи. Остановилось солнце, желая посмотреть, чем кончится поединок... И раздался в тишине тонкий голос Хепата:

— Не убивай его, Конан...

И опустил киммериец уставший меч, воткнул его в землю и помог подняться с колен противнику, по лицу которого текли слезы бессилия.

И наемники — эти суровые убийцы, не знающие жалости, но знающие, что такая воинская честь — все, как один, подняли зазубренные, побывавшие не в одном сражении мечи, и издали приветственный крик, чувствуя великодушного победителя.

— Почему же ты выступаешь на стороне демона? — слабым голосом спросил побежденный наемник, которого поддерживали под руки его товарищи.

— Это временно, друг... временно.

Окруженный личной охраной, подошел правитель страны — Конан поймал себя на мысли,

что даже не знает, в каком мире, в какой стране он оказался...

Правитель, немолодой грузный человек с седыми висками и уставшим взглядом, сухо произнес:

— В соответствии с договоренностями мы уходим.

Потом грустно посмотрел на Конана и проговорил ту же фразу:

— Почему ты на стороне демона?

Конан, блестящий от пота, сверкающий в лучах закатного солнца, оперся на меч и тихо, но твердо ответил:

— Он меня вынудил... Но скоро я найду способ разделаться с ним!

Что-то блеснуло в усталых глазах правителя и, уже собираясь уходить, он прошептал:

— Моя армия в твоем распоряжении... Мы будем ждать...

* * *

С армией-победительницей, ни один из воинов которой на сей раз даже не взмахнул мечом, Конан вернулся в алмазный замок. Опять незаметно, как и раньше, возник из марева огромный сверкающий дворец, и Конана с Хепатом провели в тронный зал.

Существо с телом человека и головой ящерицы все так же величественно восседало на прозрачном бриллиантовом троне.

— Поздравляю с победой, Конан, — сказал де-

мон, — ты блестяще справился с первым заданием. Скоро будет второе, а пока — отдыхай.

— А как насчет обещанной силы?

— Я же говорил, что сила будет даваться постепенно и в первую очередь для выполнения заданий.

— А после выполнения заданий — будет ли она оставаться со мной? — Конан решил сделать вид, будто полностью принял условия демона и ни о чем другом, кроме обещанной силы, не помышляет.

— Все мои дары будут оставаться с тобой до тех пор, пока я существую в этом мире! — усмехнулся Аскеледон. Во всяком случае, Конан посчитал, что слегка перекошенная морда ящерицы означала усмешку.

— Но долго ли ты намерен оставаться в этом мире? Может быть, тебе скоро надоест, и ты найдешь лучший?

— Не пытайся меня перехитрить! — Аскеледон фыркнул. — Ты прекрасно понял: сила покинет тебя с моим исчезновением.

— Разве демоны смертны? — удивился Конан.

— Нет, конечно! Я сказал про «исчезновение» из этого мира — всего лишь. Но не пытайся выведать больше, хитрец! — И демон, совсем как какая-нибудь старая скряга с окраин Шадизара, погрозил Конану согнутым, корявым пальцем. Правда, этот палец, в отличие от старушечьего, был украшен огромным, острым когтем.

Несколько дней Конан и Хепат провели в пирах. Демон не показывался, в тронный зал их по-

ка не приглашали, и друзья проводили время в зале, очевидно, предназначенному для приема гостей. Алмазные столы ломились от обильной закуски, а что касается вин, то выбор был настолько богатый, что друзья так и не успели попробовать их все.

Никакой прислуги не было. То и дело столы отъезжали в сторону, уступая место другим. Хепат, успевший привыкнуть к волшебству, щелкал пальцами и указывал место, куда должен встать очередной стол. И столы его слушались, как собачки. Конана смешил важный вид гнома, с необычайным достоинством командующего мебелью, как полководец армиями.

Наконец, явилась ящерица и жестами показала, что Конана ожидает властитель. Хепату, также жестами, велели оставаться на месте.

Аскеледон выглядел вялым и уставшим. Конан заметил, что одну руку демон держит неестественно. А на груди его прямо на глазах исчезали шрамы от огромных, рваных ран, нанесенных, очевидно, острыми когтями.

— Хочу дать тебе второе задание, Конан, — ровным голосом промолвил хозяин серого края. — Восстал один из младших демонов. Он застал меня врасплох... Потребно время, чтобы восстановить силы, но его нет...

Демон не скрывал от Конана своего поражения. Он был честен — во всяком случае, пока.

— Я дам тебе необходимую силу. Где найти смутияна — ты будешь знать. А теперь ложись и постарайся расслабить мышцы.

Не говоря ни слова, Конан улегся на жесткий алмазный пол. Раскинул руки и ноги. С выдохом расслабился. Как всякий воин-профессионал, он умел отдыхать в короткий срок. Искусство состояло в том, чтобы постепенно, начиная с пальцев ног, расслабить все тело, превратить мышцы в мягкое, текучее тесто. Затем ощутить тепло, приятную тяжесть, прилив горячей крови. А душой устремиться ввысь. Летать, как пушинка, в голубом, безоблачном небе. Раствориться в прозрачной синеве.

Таким образом наемники восстанавливали силы, и десяти минут такого отдыха оказывалось достаточно, чтобы встать бодрым и готовым к бою, словно позади была долгая, спокойная ночь.

Но в данном случае долго расслабляться Конану не пришлось. Мягким, упругим толчком в него вошла сила. Невероятная, нечеловеческая, волшебная сила демонов. Хотелось вскочить, бросится в битву, сокрушать врагов...

Второй толчок — и пришло знание. Он узнал уязвимые места демонов, он понял, как лишить их колдовской силы с помощью длинного, сложного заклинания. И страшные слова заклинания намертво впечатались в его память.

* * *

Хепат с опаской поглядывал на алмазный дворец, возвышающийся неподалеку. Ожесточенно чесал в затылке. Переминался с ноги на ногу.

— Тебе не обязательно ехать со мной, — Конан

с сочувствием посмотрел на друга. — Можешь остаться и еще попировать...

— Мне эти пиры уже... Вот где! — Гном постучал себя шершавой ладонью по горлу.

— Ну, тогда поехали... — сказал Конан, опоясываясь мечом. Затем, прищурившись, тоже глянул на сверкающий дворец демона. — Теперь я знаю, как он умудряется носить свой дом на пальце...

— Как же? — рассеянно спросил Хепат.

Все мысли его были направлены на предстоящую битву с демоном. С очень сильным демоном, победившим самого Аскеледона! И с ним сражаться?! Это же самоубийство! Аскеледон дал Конану силу? Так ведь его силы-то как раз и не хватило...

— Не сумею я тебе это объяснить, — с досадой проговорил Конан, подтягивая подпругу и провевя, хорошо ли приторочены дорожные сумки. — Просто этот дворец — искусственный мир, который можно надеть на палец...

Конан махнул рукой и вскочил в седло. Хепат, кряхтя, забрался на верблюда. Тронулись.

Пожухлая трава рассыпалась под ногами животных. Утренней свежести не чувствовалось — невидимое солнце уже накалило воздух, и друзья ощущали приближение жаркого, душного дня.

— Душно будет... — сказал Хепат

Конан молчал, нахмурившись. Очевидно, размышлял о предстоящей схватке. Хепат тоже попытался представить себе битву с демоном и... закрыл глаза от накатившего ужаса.

Вспомнилось, что так же он поступал в детстве, когда его собирался наказывать отец. Кряжистый, сильный гном — любитель спиртного и пьяных драк — иногда снисходил до того, чтобы «поучить» детей уму-разуму. Порка была, скорее, для виду, но Хепат, когда до него доходила очередь, закрывал глаза, чем вызывал язвительный смех братьев.

Оглянувшись, гном не увидел сверкающего дворца. Вместо него колыхалось жаркое марево. Повернувшись, Хепат с удивлением взорвался на горы, появившиеся невесть откуда на горизонте.

— Ну, чудеса... — протянул гном, искося глянув на друга и пытаясь понять, видел ли он внезапно вставшие на пути громады гор.

Конан мельком глянул на Хепата, затем на горы и кивнул. Значит, видел... Стало быть, так все и должно происходить — по воле демона...

Горы приближались так, словно Хепат и Конан летели к ним на крыльях. Уже заметны стали распадки, отдельные скалы... Скоро горный массив закрыл небо, и друзья очутились в царстве вечной тени — в узком ущелье, на тропинке, повторяющей все изгибы небольшой речки, которая весело журчала по истертым камням.

Хепат испуганно озирался. Животные шли размеренным шагом, а пейзаж вокруг менялся с невероятной быстротой. Путники уже миновали ущелье и остановились на небольшом, но достаточно просторном плато, рядом с неглубокой пещерой.

Впереди высился покрытые снегами пики.

Поднимаясь выше и выше, устремляясь к самому солнцу, они, казалось, дерзко бросали вызов небу и богам.

— Здесь мы закусим и переноочуем, — сказал Конан, осматриваясь, — а поутру сразимся с демоном. Не забыть бы слова заклинания... Как это там?.. Забыл...

И, видя ошелевший, полный отчаяния взгляд друга, Конан громко захохотал.

— Да нет же, заклинание крепко сидит в голове. Аскеледону невыгодно мое поражение, он свое заклятье мне вбил навечно.

— Точнее сказать, — до тех пор, пока не исчезнет сам демон, — уточнил гном. — Вместе с ним исчезнут и твоя сила, и данные демоном знания.

— Я не буду об этом жалеть, — спокойно сказал Конан. — Кром вручил мне все, что нужно, а подарки от демона меня не радуют.

Смеркалось. Тени от валунов удлинялись, подкрадываясь к Хепату, отчего ему становилось немного не по себе. Конан жевал вяленое мясо — обычную пищу в походах — и размышлял, вероятно, о предстоящей схватке. Хепат следил за тенью от одного небольшого камня, лежащего недалеко от входа в пещеру, где они собирались устроиться на ночь.

Тень вела себя неправильно. Странно. По мере того, как закатывалось солнце, тени от камней удлинялись к востоку, а эта странная тень упрямо отклонялась к северу. Недоуменно смотрел гном на валун, внешне ничем не отличающийся от других. В чем тут дело? Хепат, с кряхтением —

все-таки уже не молод — поднялся, подошел и стал с опаской рассматривать трещины на камне. На миг показалось, что они походят на рисунок какого-то неведомого существа. Затем — на буквы... Гном затряс головой. Чепуха какая-то... Обычный камень...

Вернувшись на место, Хепат извиняющимся тоном пробормотал:

— Странный камень... тень от него неправильная...

Конан, закончив трапезу, так же молча направился в пещеру. Расстелил одеяло и лег. Заметив его упрямо сжатые губы и складку меж бровей, Хепат понял, что не следует накануне схватки беспокоить друга по пустякам. Вздохнув и в последний раз бросив взгляд на камень, гном вперевалку — затекли ноги — вошел в пещеру, и тоже улегся, подложив под голову согнутую руку.

Поднявшийся было ветерок к ночи стих. В пещере стало душно. По телу Хепата то и дело ползали муравьи, и он передвинулся ближе к выходу. Но оказалось, что именно там и пролегала привычная муравьиная дорога. Маленькие твари теперь не просто пробегали, направляясь по своим, муравьиным делам, а злобно набрасывались на непрошенного гостя и кусали его, стремясь очистить дорогу, по которой они бегали испокон веков.

В конце концов, гном вышел из пещеры и устроился под открытым небом. Звезды глянули на него далекими, холодными глазами. И тут Хепат сел от неожиданности — на небе не было ни од-

ного привычного созвездия! Сплошная мешанина, путаница!

— Ну да, конечно, — пробормотал он. — Ведь это другой мир... другой...

Однако непривычный вид звездного неба до того взволновал гнома, что он с отчаянием понял: теперь не заснуть. Но отдохнуть необходимо — завтра схватка, а он оруженосец!

Из пещеры доносились мерное похрапывание Конана. Гулкое эхо отклинулось на далекий горный обвал. Хепат лежал с открытыми глазами. Его раздражало собственное сопение. Решив очистить нос, он приподнялся и... оторопел. Камень — тот самый, с неправильной тенью, — был почти рядом. Но ведь Хепат хорошо помнил, что специально лег от него подальше. Хотя... конечно... в сумерках можно и ошибиться...

Забыв, что собирался высморкаться, гном скатал одеяло и забрался опять в пещеру. Пусть лучше будет немного душно...

Между тем взошла луна, и вновь у камней появились тени. И вновь тень от странного валуна тянулась в другую сторону. Если бы Хепат не заснул, он мог бы заметить движение — медленное, но неуклонное перемещение камня в сторону пещеры. Но спит Хепат. Спит Конан. Тяжелые сны витают под сводами пещеры.

Хепату снится река. Бурная, темная река. Из последних сил плывет он по ней, тщетно пытаясь зацепиться за плывущие рядом коряги. Острые корни царапают его, не дают ухватится, отталкивают и смеются, злорадно смеются... И кусают

корни маленькими ртами, и ползают по телу, как муравьи...

Хепат пробудился и вскочил. Полная луна мертвенным светом залила пещеру. По телу действительно ползали муравьи — опять гном перегородил им дорогу. Торопливо отряхиваясь, он глянул на камень и задохнулся: валун лежал в пещере, недалеко от головы друга.

Гном успел издать только слабое карканье, а Конан был уже на ногах и с мечом в руке. Хепат закивал на камень. Конан вспомнил слова гнома о странном валуне, успел посетовать, что не придал им значения, и понял наконец, что это за камень...

Мгновение спустя перед ним, касаясь головой свода пещеры, стоял огромный демон. Гораздо больше и мощнее Аскеледона. «Конечно, — както вскользь подумал Конан, — он мне не стал сообщать о размерах и силе этого «младшего демона» — зачем пугать? Как же ловко тот прикинулся камнем!.. Если бы не Хепат...»

И пока в голове Конана бродили эти мысли, киммериец громко читал заклинание. В сущности, он начал его читать сразу, как только увидел демона, но впечатанные в память слова были длинными, заковыристыми, и Конан не знал, как поведет себя демон: будет спокойно стоять и ждать, когда его лишат силы?!

Краем сознания Конан заметил, что Хепат, преодолев страх, скользнул с кинжалом в руках за спину чудовища. Только бы не поторопился! Только бы не начал действовать раньше времени!

Страшные, грубые звуки складывались в не- понятные, жуткие слова. Конан размеренно произносил заклинание. Демон поднял толстые, копьевые, как стволы векового карагача, руки. Открыл зубастую пасть и заревел. Только у Конана появилось время заметить, что голова демона отличалась от головы его «старшего брата» Аскеледона. Тут явно не ящерица! Скорее, крокодил... Только морда тупее, короче...

Четко, убийственно точно ложились слова колдовской формулы на сущность демона. Ничего не мог он поделать с самого первого услышанного им звука. Он уже знал, что демоническая сила сейчас оставит его и придется биться в рукопашную. Но схватка с этим слабым, маленьким существом не пугала демона... Впрочем, немного смущало то, что ненавистный Аскеледон послал к нему именно этого слабого человека. Может быть, первое впечатление обманчиво? Аскеледон!.. Мерзкий старик! Ему давно пора уступить власть! Последнюю схватку он проиграл вчистую и спасся только благодаря случайности... Но случайностей больше не будет!

Конан закончил произносить заклятье и внимательно следил за демоном. Что дальше? Пожалуй, пока звучали волшебные слова, чудовище не могло драться. Сейчас, наверное, сможет...

Демон стоял, по-прежнему подняв руки и, казалось, с любопытством разглядывал Конана. Затем кивнул в сторону выхода из пещеры и, тяжело переваливаясь, первым двинулся на площадку, где еще несколько минут назад лежал в виде

камня. Конан с обнаженным мечом последовал за ним. Гном выскользнул из пещеры незамеченным.

Демон пригнулся, присел и застыл в неестественной, на первый взгляд, позе — с поднятыми когтистыми лапами и слегка опущенной головой. Но Конан наметанным взглядом уловил, что перед ним опытный боец. Опущенная голова с ороговелой чешуей прикрывает горло, лапы в любой момент могут отразить или нанести удар, а согнутые ноги, подобно пружине, — бросить мощное тело на противника. Единственной уязвимой точкой у демона была шея. Чуть ниже подбородка. Это знание Конан получил от Аскеледона — только одна точка на шее...

Толстая шкура складками покрывает огромное тело, и ее невозможно проткнуть мечом. Только шея...

Конан двумя руками воздел меч, как бы отдавая салют, и почувствовал, как в нем забурлила сила. Он мог поднять огромный валун и зашвырнуть его на луну, мог оторвать скалу и растереть ее в порошок, мог расшатать и опрокинуть гору! И уж конечно, мог одним щелчком убить этого жалкого демона!

Но расчетливый ум опытного воина подсказал: не горячись, у демона сила не меньше твоей, и победить его можно только в тяжелом бою.

Конан сделал вид, что собирается нанести укол мечом в брюхо, но в последний момент крутился и нанес рубящий удар, нацеленный в горло чудовища. Меч со звоном отскочил от ро-

говых пластин на морде демона. И в тот же миг демон удариł — то был быстрый взмах могучей, кривой лапы с когтями длиной в локоть!

Конан сумел увернуться, и вновь свистнул его меч — удар пришелся по ноге демона и был так силен, что породил эхо. В ущелье многократно повторился глухой, тяжкий звук.

Но демон обратил внимание на это не больше, чем мясник на надоедливую муху. Он с рычанием прыгнул на Конана и подмял его под себя. В повадке демона было что-то медвежье. Так же огромный медведь стремится навалиться всей тушей, придавить, лишить возможности двигаться, а затем разорвать беспомощную жертву когтями. Конан не успел увернуться и оказался в объятиях демона. Смрадное дыхание чудовища обжигало лицо, слюна капала в глаза, а когти впились в бок и спину.

Киммериец напряг мышцы. Сила! Не та сила, что дал Аскеледон — та уравновешивалась мощью демона — а та, которую дал ему Кром! Природная сила варвара! Со стоном Конан оторвал от себя смрадную тушу. Крокодилья морда теперь находилась на расстоянии вытянутой руки, и можно было хорошо разглядеть глаза чудовища. Желтые, выпуклые, с вертикальными зрачками, они источали такую ненависть, что у Конана закружилась голова.

Быстрым движением варвар поднял согнутую ногу — это прием он часто применял в детстве — и упер лодыжку в шею чудовища. Резкий толчок — и демон опрокинулся на спину. Конан

оседлал бесформенную тушу, удерживая корявые руки с ужасными когтями. На какой-то момент наступило равновесие. Конан не мог схватить лежащий рядом меч — отпустить лапы демона, значит, получить смертельные раны от его страшных когтей; а демон не мог пошевелиться — настолько сильной оказалась хватка киммерийца.

И тут перед глазами противников мелькнула маленькая рука, полыхнуло холодным светом лезвие кинжала, и несколько глубоких ран на шее демона заставили потускнеть горящие желтые глаза.

Конан с отвращением ощущал судороги издыхающего чудовища, но разжал пальцы только после того, как демон, издав последний предсмертный рёв, наконец, затих и обмяк.

Некоторое время друзья молча разглядывали мертвое чудовище.

— Хороший у тебя кинжал... — пробормотал, наконец, Конан.

— И это вся твоя благодарность?! — возмущенно вскричал Хепат.

— Ты же мой оруженосец! Оруженосец просто обязан помогать своему господину... а уж другу — тем более!

* * *

С первыми лучами солнца друзья засобирались в обратный путь. Мертвое тело демона за несколько часов успело основательно разложить-

ся и смердело так, что находиться около пещеры стало невозможno.

— Почему же он так быстро протух? — плевался Хепат.

— Тело, это, я думаю, было очень старым. Кто знает, сколько ему тысяч лет... И как только душа демона покинула его...

Конан не договорил. Он заметил, что в глазах мертвого чудовища уже копошатся черви.

— Интересно, где она сейчас — душа демона? — не унимался Хепат.

— В другом мире, надо думать, — проворчал Конан.

Он в последний раз окинул взором площадку перед пещерой — не забыли ли чего — и вскочил в седло. Поддавшись неожиданно нахлынувшей радости от победы над демоном, от ощущения бурлящей в мышцах силы, Конан поднял жеребца на дыбы и весело рассмеялся. Затем пустил коня рысью вниз по тропе. Хепат на верблюде заструсили следом.

И вновь дорога вела себя странно. Горы за спиной исчезли незаметно, хотя Хепат то и дело оглядывался, пытаясь не упустить момент... И вот — опять... Только что громоздились позади мрачные вершины... и растворились в жарком мареве за один миг. Скоро на горизонте показался алмазный дворец.

Конан резко остановил коня.

— Мне кажется, что ты давно хочешь провести одного знакомого. Ты с ним недавно подружился...

Хепат недоуменно смотрел на друга. О чём он говорит?! Конан невозмутимо продолжал:

— Помнишь? Огромный наемник, которому ты спас жизнь — не позволил мне нанести последний удар!

— Ну, да... помню... — забормотал гном. — Но я... не собирался...

— Ты собирался! — многозначительно перебил друга Конан, глянув на прозрачный дворец.

Хепат, наконец, начал что-то понимать. Ну да, конечно, если Конан победит Аскеледона — еще останется его небольшая армия... Слуги, рабы... Нужно привести наемников... Но где их искать?

— Да, нужно бы мне навестить друга, — громко проговорил гном. Если демон проделывает такие шутки с дорогой, он вполне может слышать, о чём они разговаривают.

— Если поедешь прямо на юг, то не заблудишься! А завтра, думаю, ты вернешься. Смотри, сильно не напивайся! — усмехнувшись, Конан тронул коня и уже через минуту его силуэт едва виднелся в колыхании марева.

Гном потянул уздечку и нацелил морду верблюда строго на юг.

— Я даже не знаю, что это за страна, — бормотал он себе под нос, понукая ленивого верблюда.

Где искать командира наемников или того, кто им платит? Да, именно! Нужно найти того, кто сказал Конану: «Моя армия в твоем распоряжении»... И следует поспешить — вероятно, бой с демоном произойдет уже завтра!

* * *

Конан, вернувшись в алмазный замок, не был допущен к демону. Прекрасные полуобнаженные рабыни увели его в зал, в центре которого находился бассейн с прозрачной, родниковой водой. Бриллиантовые вазы по углам курились ароматными дымами. На разные голоса играли невидимые свирели. Танцовщицы кружились в завораживающем танце...

И на утомленного киммерийца снизошел покой. Погрузившись в бассейн, он позволил нежным рукам служанок омыть свое уставшее тело, удивляясь их легким, порхающим прикосновениям.

Затем, осторожно взяв за руки, его вывели из бассейна и уложили на широкую лежанку. Несколько искусниц стали делать массаж. Его переворачивали то на живот, то на спину. Мягкие ладони, медленные, плавные, почти ритуальные движения...

Конан чувствовал, как расслабляются мышцы, как приятная теплота разливается по телу, он полностью отдался во власть прекрасных дев, казавшихся ему феями из детских сказок. Киммериец закрыл глаза, и постепенно дыхание его стало спокойным и незаметным. Так хорошо Конан не чувствовал себя, пожалуй, никогда.

Он неподвижно лежал на прозрачной скамье, ему шептали: «Слушай музыку, она прекрасна», — и он слушал, он был очарован переливами свирелей. Ему шептали: «Почувствуй прикосновения наших ладоней, они теплые, нежные», — и

он ощущал всю прелесть нежных ручек, ласкающих его тело. Ему шептали: «Внимай только нашим голосам, забудь обо всем. Ты слышишь только нас, только наш шепот. Ты слышишь нас, и тебе хорошо. Ты отдыхаешь, ты расслаблен, ты дышишь спокойно, медленно... тебе хорошо, как никогда... отдых... расслабление... сон... хорошо... все хорошо... ты отдыхаешь... ты спишь...»

Раскинувшись на лежанке, Конан действительно ничего не слышал, кроме чарующих — точнее, зачаровывающих — голосов ласковых фей. И только в глубине его души какая-то часть затухающего сознания призывала к осторожности:

«Феи околдовывают тебя, Конан... Неужели ты не видишь этого? Очнись, иначе никогда не проснешься!»

Какое-то время в сознании киммерийца боролись сладкие голоса фей и суровый голос разума.

«Спи... отдыхай... расслабься... забудь обо всем... слушай только нас...», — бормотали феи.

«Очнись... пробудись... не давай себя усыпить...» — призывал разум.

И Конан вдруг понял, что Аскеледон хочет лишить его силы. Именно для этого сейчас его усыпляют. Скоро придет демон и... Он, Конан, обладая силой, представляет для хозяина алмазного замка слишком большую опасность. Аскеледон не хочет рисковать.

Огромным усилием воли разорвал Конан чары, открыл глаза и увидел, что вокруг не прекрасные девы, а безобразные ящерицы. С глухим ворчанием, точно потревоженный медведь, под-

нялся воин с лежанки и нашел глазами меч. Не догадались его унести, спрятать, слишком уверены были ящерицы в успехе...

Позади раздался грозный рык разгневанного демона. Переваливаясь и косолапя, он вошел в зал. Но Конан уже держал в руках меч. Тряхнув головой, прогнал остатки навеянных ящерицами чар. Твердо посмотрел в глаза демона. Они понимали друг друга.

Хозяин серой страны спокойно слушал зловещие слова заклинания, которые, так же спокойно, размеренно произносил Конан.

«Жалкий человечишка, — думал демон, — я дал тебе силу, я мог бы тебя возвеличить, сделать наместником, полководцем... Вместо благодарности ты решил напасть на меня! Так умри же! Умри, как несчастный, провинившийся раб!»

Конан уже произносил последние слова заклинания. Тяжелые, непривычные звуки, лишающие силы демона, здесь, в его логове, во дворце, который он носил на пальце, звучали приглушенно, будто сами стены пытались помешать волшебству.

Но читал Конан, и содрогались стены. Трясся весь дворец, словно началось вдруг великое землетрясение. Откальвались от стен огромные куски и падали со звоном на потускневший, потрескавшийся пол. Сверкающей, алмазной пылью рассыпался волшебный дворец. С последними звуками заклинания осела блестящая пыль, и Конан увидел, что стоят они в поле, под низко нависшими серыми тучами, а вокруг — вооруженные люди.

С одной стороны — армия демона: негры, южане, ящерицы. С другой — армия наемников, и к Конану спешит Хепат, а чуть позади гнома идут командир и тот гигант, которому он, Конан, подарил жизнь в поединке.

Демон вертел змеиной головой, принюхивался, глухо, недовольно ворчал. Презрительно осмотрел свое воинство и понял, что не выстоять ему против закаленных наемников, понял, что придется опять договариваться о поединке — в этом его последняя надежда.

Конан стоял в мрачной задумчивости. Значит, вновь поединок... Только на сей раз противником его будет сам Аскеледон. Могучий демон, восстановивший силу после битвы с собратом. Но ведь собрата его Конан сумел победить! Не совсем один — об этом тоже следует помнить... Помог ему друг... Если бы не кинжал Хепата...

Гном подошел и обнял ногу огромного киммерийца.

Седой командир — бывший правитель серой страны — смело приблизился к демону и заговорил об условиях поединка.

А Конан вдруг осознал, почувствовал, что волшебная сила, данная демоном, его покинула вместе с последними словами заклинания. Естественно — он же сам уничтожил волшебство Аскеледона. Рассыпался дворец — и исчезла сила...

Конан глянул на огромную кряжистую фигуру противника — на две головы выше ростом, мышцы буграми перекатываются под толстой кожей. И эту кожу ни за что не пробить мечом!

Только шея... Но уж ее демон будет защищать особенно тщательно! Кривые лапы с огромными когтями. Мощный торс — толстый, как ствол баобаба. Разве можно человеку, не обладающему волшебной силой, в единоборстве победить демона?

Конан заметил тревожный взгляд Хепата — друг понял, о чем он думает, догадался, что волшебная сила исчезла. Но оставалась еще надежда в глазах бывшего правителя страны... И сочувствие в глазах наемника — его бывшего противника — Конан так и не узнал его имени...

Но ничего! Пусть киммериец и лишился колдовской силы, но у него еще осталась та, что дал ему Кром! Жаль, он не успел попросить помощи у Митры, как советовала Итилия...

Противники встали друг против друга. Желтые глаза демона сверкали торжеством. «Человек, лишенный силы — что сможешь ты сделать против демона?»

Конан замер, направив острие меча на противника. Каждый нерв его был натянут, подобно тетиве лука, каждая мышца готова к немедленному действию. Аскеледон размахнулся, намереваясь ударить правой лапой, но неожиданно ударили левой. Конан легко увернулся. На такие примитивные фокусы он не попадался.

Демон прыгнул вперед и нанес несколько быстрых ударов поочередно обеими лапами. Каждый раз страшные когти чудовища проходили в нескольких сантиметрах от лица Конана, но ни один удар не достиг цели. Демон взревел и бросился на ненавистного человека всей тушей. Лег-

ко нырнув под его кривые лапы, Конан ушел в сторону. Аскеледон завертел змеиной головой — он попросту потерял противника.

И Конан понял, что, в сущности, демон не умеет сражаться. Он привык использовать демоническую силу. Лишенный магической подмоги, Аскеледон превратился в неопытного новобранца — конечно, мощного, очень сильного, но неуклюжего и плохо понимающего тактику рукопашного боя.

Неожиданно для всех Конан рассмеялся. Хепат облегченно вздохнул. Он понял причину веселья друга.

— И все-таки будь осторожен! — крикнул гном, но голос его потонул в злобном реве демона.

Аскеледон тоже понял, почему развеселился его верткий противник.

— Ничего, — прошипел он, — ничего, поиграй, побегай... Надолго ли тебя хватит?

И он ринулся в атаку. Несмотря на кажущую неуклюжесть, демон наносил удары с завидной быстротой. Конан уклонялся, отпрыгивал, ускользал... Выбрав удачную позицию, он нанес несколько ударов мечом — безрезульятно. Сталь отскакивала от толстой шкуры чудовища, как от скалы.

Собрав всю силу, Конан попробовал нанести неожиданный укол в брюхо демона. Шкура прогнулась, Аскеледон получил ощутимый удар, но и только. Конан не знал, насколько чувствительны демоны к боли. Судя по реакции его противника — не очень.

Оставалось одно — ждать, когда хозяин серой страны забудется и откроет горло.

Внезапно Аскеледон остановился. Нет, он не устал, ему просто надоело без толку махать лапами. Конан понял, что сейчас противник сменит тактику. И действительно, демон, после некоторого раздумья, решил нападать по-другому. Того, что он сделал, не ожидал никто. Это настолько противоречило всем канонам рукопашной битвы, что предвидеть такой оборот было попросту невозможно.

Аскеледон ринулся вперед в странном, косо-боком прыжке, затем повалился на бок и покатился, как огромное бревно, на противника. И Конан попался. Такого приема он не ожидал и не успел отпрыгнуть достаточно далеко. Демон ухватил его за ноги и одним рывком бросил на землю.

Конан пытался освободиться от хватки когтистых лап, но через несколько секунд демон подмял его под себя и издал победоносный рев. И в этом была его ошибка! Заревев, он задрал морду и на миг оставил без защиты уязвимую точку на шее. Но чего ему было опасаться? Меч Конана лежал в стороне — до него не дотянуться, да и невозможно действовать мечом на близкой дистанции.

* * *

Впоследствии во всех тавернах серой страны шли горячие дискуссии: по правилам или вопреки всяким правилам Конан победил демона.

Большинство не видели ничего страшного в том, что оруженосец бросил своему господину кинжал — на то он и оруженосец! Другие возражали — в поединке-де надо биться только тем оружием, что есть при тебе!

Споры часто переходили в потасовки, и тогда правыми оказывались обладатели более мощных кулаков.

Но когда в таверну заходил огромный воин по имени Селидон — его имя Конан услышал только на пиру по случаю освобождения страны от власти демона — никаких споров не возникало. Ибо Селидон считал, что Конан и Хепат действовали правильно, и одного взгляда гиганта было достаточно, чтобы все с ним поспешно согласились...

* * *

Именно в тот момент, когда демон поднял морду и издал ликийющий рев, в воздухе мелькнул фамильный кинжал Хепата. Казалось, это оружие само легло в руку киммерийца. Каким образом Конан, не глядя, поймал клинок, остается загадкой, хотя гном иногда, загадочно улыбаясь, достает из кармана небольшую, вырезанную из янтаря статуэтку, гладит ее и бережно прячет обратно в карман.

Он считает, что ответил на вопрос, ибо статуэтка изображает самого Митру — бога солнца, подателя жизни...

Конан не знал о том, что его друг успел не только привести армию, но и отыскать храм Митры. Поэтому, когда на пиру киммерийца спрашивали, как же он все-таки поймал кинжал, он только пожимал плечами.

И когда резная рукоять кинжала легла в руку Конана, варвар нанес один-единственный, точный удар!

Труп демона разложился практически мгновенно. Видно, его тело было гораздо старше тела мятежного демона, убитого в горах.

Армия Аскеледона перестала существовать сразу после того, как покрытый ранами Конан, тяжело дыша, выбрался из-под туши чудовища и высоко поднял окровавленный кинжал. Ящерицы опустились на четыре лапы и разбежались в разные стороны.

Огромные, мрачные негры, молча сложили оружие и, выстроившись, ожидали решения нового хозяина — прежнего правителя страны — относительно их дальнейшей судьбы. Так же поступили и воины, которых Конан называл про себя «южанами».

Правитель поступил с ними великодушно и мудро — добровольцев принял к себе на службу, а остальных просто отпустил на все четыре стороны.

Труп демона превратился в прах еще до того, как его армия сложила оружие, и вскоре на месте поединка лежал только перстень с почерневшим, потрескавшимся камнем.

Но никто — ни один человек — к нему не

прикоснулся, и еще долгие годы лежал на огромной проплешине черный перстень демона.

А еще через несколько лет, после небольшого землетрясения, в земле образовалась трещина, которая и поглотила навеки перстень демона Аскеледона.

Два талисмана

Брошечный, игрушечный костерок горел как бы сам по себе. Казалось, убери аккуратную кучку хвороста — костер не погаснет, наоборот — разгорится, проглотит котелок, подвешенный на тонких прутьях, перекинется на пожухлую траву, дойдет до самого горизонта дымным палом, наполнит степь гарью и успокоится, только уткнувшись в реку или море...

Но не разгорается сверх меры костер, не прогорает хворост, не ломаются обуглившиеся прутики, на которых висит котелок, источающий удушающее зловоние. Аккуратно пылает волшебный костер, равномерно прогревают оранжевые языки закопченное днище котелка, кипит, варится пахучее зелье.

У костра в свободных позах расположились трое. Могучий, широкоплечий воин с гривой черных волос, загорелым лицом и неожиданно сини-

ми глазами; стройный, небольшого роста человек с тонкими, подвижными пальцами и острым, как бритва, взглядом; и гном со спутанной бородой и длинным, крючковатым носом, на котором радостно красуются две бородавки, поросшие жесткой седой щетиной.

— Колдуны в царстве Вармина тоже умели обходиться несколькими поленьями, а костер горел бесконечно... — Гном тяжко вздохнул.

— Мне жаль, Хепат, что так случилось с твоим племенем, — сказал человек с острым взглядом. Сказал, впрочем, без всякой жалости, скорее, даже весело. — Эти дикари никого не щадят... Действительно, мне очень жаль.

Широкоплечий воин досадливо поморщился и подвинулся к костру — прохладная ночь исстари заставляла людей прижиматься к огню. Однако костер был так невелик, что воин крякнул с досады. И только протянув к огню широкие, твердые ладони, почувствовал, наконец, тепло.

Еще раз убедившись в том, что ветер относит ужасный запах варева на того, кто его варит — то есть на человека, чересчур весело произносящего слова соболезнования, воин пробурчал:

— Очень уж ты весел, Эскиламп. Твой учитель, помнится, тоже часто смеялся, пока его не сожрала гигантская змея...

Эскиламп в очередной раз искренне рассмеялся. Он не был злым или бессердечным человеком. Просто — веселым от природы. И даже освоенное в совершенстве темное ремесло колдуна не изменило его нрава.

— Ах, Конан, ведь это ты рассчитал так, чтобы змея набросилась на моего бедного учителя... Но я не сержусь — он ведь хотел тебя обмануть.

— Хотел-то еще бы ладно, — зачастил Хепат, — он на самом деле нас обманул! Обещал сокровища дракона! А они оказались под неподъемной каменной плитой!

— Но у вас остались драгоценные камни короны! Их нужно было продать, пока они не превратились в булыжник!

— Продать-то мы продали, только ненадолго хватило, — проворчал Конан.

Он покачал головой и усмехнулся. Хепат, очевидно также устремившись мыслью в прошлое, закряхтел и поскреб затылок.

— А что там было дальше — ты сумел вернуть колдовской кинжал своего «бедного учителя»?

Конан придирично оглядел колдуна — оружия на нем не было.

— Конечно. Пришлось заставить змею выплюнуть свою добычу... — На сей раз Эскиламп не смеялся. Задумчиво извлек откуда-то из недр плаща изящный кинжал в украшенных самоцветами ножнах, медленно, мягким, текучим движением обнажил клинок.

Конан помнил рассказ Актиона, погибшего наставника Эскилампа, об этом необычном артефакте. Многие тысячелетия передавался от учителя к ученику чудесный кинжал — символ могущества и волшебной силы. Изготовил его в неизвестные времена безымянный мастер, а великий чародей, имя которого осмеливались произ-

нести только посвященные в высшие таинства колдовства, придал клинку невиданную волшебную силу.

И пронесли это грозное оружие через бесчисленные тысячелетия великие колдуны — духовные потомки могучего чародея, жившего, по преданиям, задолго до возникновения цивилизации хайборейцев.

Некоторое время все трое молчали, не сводя глаз с кинжала. Первым очнулся Конан. Отвел взгляд, тряхнул головой.

— Я помню, как трудно с ним расстаться, если взять его в руки...

Эскиламп спрятал кинжал и стал помешивать жидкое варево в котелке.

— Уже скоро... Скоро, Конан ты узришь свое ближайшее будущее...

— А мое? — всполошился гном.

— Твое? — колдун сделал вид, что задумался. — Ты ведь оруженосец Конана... Значит его будущее — это и твое тоже!

Хепат успокоился. Путаясь пальцами в пышной бороде, почесал подбородок. Затем опасливо потянул носом воздух:

— И мы должны будем это выпить?

— Это должен выпить Конан! — Колдун снял котелок с огня и поставил поодаль — остудить.

Костерок горел неугасимо. Хворостины исторгали огонь, оставаясь только чуть-чуть обугленными.

Пронзительно закричала ночная птица, заставив Хепата вздрогнуть.

Успокоившись, гном подозрительно оглядел товарищей — не заметил ли кто его испуга? Получалось, что никто не заметил: Конан был занят своими мыслями, Эскиламп, чему-то усмехаясь, переливал зелье из котелка в кружку.

— Хорошая у тебя кружка, Конан, — колдун внимательно рассматривал барельефы странных существ, почти касавшихся друг друга в застывшем, неоконченном танце. Казалось, посмотришь достаточно долго и внимательно — и сам застынешь, оцепенеешь, а они возьмут друг друга за лапы и понесутся в жутком, нелепом хороводе.

— Ее подарил мне демон Аскеледон, — просто сказал Конан.

Эскиламп с любопытством вскинул брови.

— Да, я слышал... Интересно, как тебе удалось победить одного из семи демонов?

Киммериец усмехнулся:

— Он сам научил меня заклинанию, лишающему демонов волшебной силы!

Эскиламп чуть не выронил кружку. Затем осторожно поставил ее на землю и только тогда осторожно осведомился:

— Ты его помнишь, заклинание? Сможешь вспомнить?

Конан покачал головой. Затем, нахмутившись, пояснил:

— Вместе с волшебной силой исчезли все дары демона, в том числе и заклинание... Я много раз пытался... Не помню ни единого слова!

Хепат гулко откашлялся.

— Я помню, что слова там были... корявые, ка-

кие-то... страшные! У меня мурашки бежали по спине, когда Конан их произносил...

— Жаль... — Колдун поднял кружку на уровень глаз, еще раз полюбовался изображением драконов и прочих гадов, приготовившихся ожить сразу же — как только прозвучат волшебные слова.

— Жаль, — повторил он задумчиво, — а ты знаешь, Конан, кружка до сих пор сохраняет связь со своим первым хозяином! Я чувствую присутствие демона. Он, конечно, очень далеко, но... кто знает...

Колдун замолчал, прислушиваясь к ночным звукам, будто ожидая внезапного появления ужасного Аскеледона.

— Я вот не понимаю, — начал Хепат. — Конан же его убил...

— Невозможно убить демона, друг мой, — терпеливо пояснил Эскиламп. — Конан уничтожил его тело, но не сущность. И в любой момент Аскеледон может облечься в новую плоть и вернуться... Если, конечно, захочет...

— Если захочет отомстить? — тонким голосом уточнил Хепат.

— Да, если захочет отомстить, — согласился волшебник. — Но, я думаю... у него есть дела поинтереснее. Так что — не бойтесь.

— Да мы и не боимся! — Хепат глянул на Конана, ожидая поддержки.

Киммериец смотрел на кружку в руке волшебника.

Эскиламп понюхал зелье.

— Запах исчез полностью, теперь пора! — Он протянул кружку Конану.

Хепат, тревожно озираясь, прислушивался к ночным звукам. Какая-то птица очень уж резко кричала... Не к добру это... И еще — постоянно чудились шаги... Будто кто-то подкрадывался к костру...

Конан единим духом осушил кружку. Прислушался к ощущениям. Ничего нового. Не спеша, чувствуя пристальный взгляд колдуна, сунул кружку в седельную сумку. Завязал тесемки и удивился, что узел получился кривой — придется повозиться, когда потребуется развязать...

Костер вдруг вспыхнул зеленоватым светом. Стал разрастаться, жадно поглощать пространство... Вскоре пляшущие языки достигли звезд... А если попробовать подняться? Вечные, манящие звезды...

Конан рванулся ввысь...

Он знал, что по-прежнему сидит у костра. Он видел озабоченные глаза Хепата и острые, царапающие — колдуна. И в то же время — летел среди таинственных, мерцающих звезд.

Да, взгляд у Эскилампа — как острая секира... Того и гляди — полоснет по горлу. Нужно его, пожалуй, остерегаться, хотя ничего плохого он не сделал. Но остерегаться вообще нужно всех колдунов, без разбора...

Мимо проносились светящиеся точки звезд... Как же далеко он залетел? Кто это там... летит следом? Аскеледон, не сумевший облечься в тело?.. Его дух? Его поганая сущность? Бешеные

звездные скачки... Демону не догнать... Он проиграл бой, он слишком слаб!

Кто это летит рядом? Прекрасная фея... Черные, как ночь, глаза... Итилия? О боги! Она держит в руках чью-то голову! Посмотреть ближе... Кто это? Кого ты убила, женщина-воин, прекрасная, как пери, и опасная, как невидимый, заговоренный клинок? Кто это? Это твой муж — веселый купец? Его глаза смотрят с укоризной и горечью...

Хепат приложил ухо к груди — слушает, не остановилось ли у меня сердце в этой безумной скачке... Эскиламп его успокаивает...

Впереди битва... Сражаются странные существа... Полудраконы-полулюди... Невероятно древние создания — старше демонов... Они пришли на землю задолго до того, как она стала пригодна для жизни... Но они на ней жили...

Путешествие среди звезд... Означает ли это вечное странствие? Вечные скитания? Или просто душа не знает покоя?

Опасность! Позади огненный дракон! Еще миг — и его крылья-сполохи поглотят, сожгут, испепелят! Но кто это? Красавица, сияющая, как бриллиант в солнечном свете, взмахом руки отводит огонь и, лучезарно улыбаясь, смотрит в глаза. Прекрасная пери! Сверкающая звездочкой в кромешной тьме... Она всегда мне помогала и всегда будет помогать... хотя никогда я не узнаю ее имени... Наверное, не узнаю... Моя душа, мое тело, мой меч — все у твоих ног, богиня...

Назад... назад к Земле... Вниз! В самые недра.

Глубже... Туда, к самым корням гор, где не бывал даже гном...

Темнота... затем мягкий зеленоватый свет... Необъятные подземные лабиринты... Пожирающие друг друга чудовища... Злобно чавкающие, ненасытные, непрерывно набивающие утробу кровавыми кусками плоти детей, братьев, родителей... Вся мерзость земли, опускаясь в глубины, просачиваясь сквозь камень, многие сотни тысяч летий накапливалаась в недрах, находя воплощение в ужасных, кровавых чудовищах...

Дальше, ниже... Туда, где в ожидании дремлют слуги вечного Хаоса. Существа, сотканные из тьмы... Противники богов, некогда сотворивших Землю... Нет, их увидеть невозможно... Они придут, когда настанет время...

Но пора возвращаться... действие зелья заканчивается... Волшебный костер горит все так же весело... Потрескивают, но не сгорают сучья... О боги! Как болит голова!

— Воды!.. Дайте воды!

Хепат принес баклагу. Со стоном Конан припал воспаленными губами к влажному горлышку. Вода смывала остатки волшебного сна, возвращала в действительность. Медленно, неохотно исчезала головная боль. Родниковая вода — это сама жизнь... Это первоисточник...

С трудом оторвавшись от баклаги, Конан перевел дух.

— Расскажи, что ты видел, Конан, и я постараюсь это растолковать, — Эскиламп усился поудобнее и приготовился слушать...

* * *

Чернокожий мальчик по имени Ариан, коренной житель страны Куш, сидел в пыли посреди окраинной улицы города Ксутал, и наблюдал за колченогим жуком-скарабеем. Утопая в пыли, отчаянно перебирая лапками, жук упорно катил слепленный из навоза шар.

— Он катит свое маленькое солнце.

Мальчик неохотно оторвался от наблюдений и поднял голову. Перед ним стоял высокий, худой старик, по виду дервиш.

Как это он сумел так неслышно подойти? Мальчик был умен и потому подозрителен. Конечно, пыль приглушает шаги, но все же...

— Солнце на небе! — Ариан для наглядности показал пальцем, затем зажмурился, а когда открыл глаза, вместо дервиша увидел только оранжевые круги. Глаза вновь пришлось закрыть. И только через некоторое время удалось внимательно рассмотреть странника.

Тот спокойно стоял, опершись худыми руками о посох. Седая борода скрывала большую часть изрезанного морщинами лица. Только сверкали странным блеском глаза — совсем молодые, как у ...как... Ариан задумался: с чем сравнить странные глаза дервиша? Где-то он уже видел этот взгляд... Во сне? В далеком детском сне...

Он, Ариан, лежал на большом, плоском камне на вершине горы... Неподвижно стоящие вокруг люди монотонно пели заунывную, жуткую песню... Может, это был не сон? Слишком ясно пом-

ниться ужасная мелодия... Зловещие силуэты людей в плащах с низко надвинутыми капюшонами... Может ли сон быть таким ярким? И этот взгляда...

Мальчик чуть не вскрикнул. Но жизнь научила его сдерживать эмоции. Он вспомнил, где видел эти глаза... Неожиданно появился высокий человек... Нет, скорее, расплывающийся силуэт высокого человека... Только глаза... Человек, если это был человек, что-то отрывисто произнес, и люди в капюшонах в страхе попятались... Убежали... И он, Ариан, остался один на вершине горы... А вокруг бушевал ветер и холод пробирал до костей...

Странник по-прежнему стоял перед ним. Худой и высокий. Длинный, золотанный халат, густо покрытый дорожной пылью, висел на нем, как на вешалке. Но странное дело — на пальцах дервиша вдруг сверкнул кровавым светом невероятных размеров рубин.

Заметив удивленный взгляд мальчика, старик сказал:

— Иногда властители слишком щедро благодарят меня за советы...

— Солнце на небе! — возвратился Ариан к прежней теме, требуя пояснений относительно жука с его шаром.

— У каждого свое солнце, — сказал странник и загадочно добавил: — Если ты не поймешь, мне придется искать другого...

— А у тебя какое солнце? — Ариан внимательно посмотрел на дервиша.

— У меня свое, тайное, скрытое от других... Теперь слушай! — Дервиш наклонился и заглянул в самую душу Ариана. — Через три дня в вашей стране погаснет солнце. Ненадолго. Но народ испугается. Будет выть и посыпать голову пылью. Ты не бойся. Солнце вернется. А сейчас иди в дом купца Гассана и расскажи, что тебе было видение про скорое светопреставление. Купец сумеет извлечь из этого выгоду, нужно только убедить его, что ты не лгун. Потом он возьмет тебя к себе в услужение и будет ждать новых пророчеств.

Мальчик слушал, не перебивая. Он, конечно, знал купца Гассана. Видел и его красавицу жену. Знатный и богатый купец, по слухам, являлся первым советником правителя. Придти и рассказать о видении? Вряд ли поверит...

— Как же мне так рассказать, чтобы он поверил?

— Так и расскажи, как есть... И еще начертите вот такой знак, — странник с удивительной быстротой нарисовал в пыли странный знак. Казалось, его посох сам летает по воздуху, оставляя за собой, то прямые, то изогнутые линии.

Ариан внимательно изучил рисунок. Квадрат. Двумя горизонтальными линиями разделен на три равные части. В верхней части изображено что-то вроде колеса без обода. Или, скорее, спицы от колеса... А, может, это обозначение какой-нибудь звезды? В середине старик начертил перевернутый полумесяц. А в нижней части — совсем странные знаки, сплошные закорючки.

Присмотревшись внимательней, мальчик заметил, что слева нарисована не закорючка — просто маленький круг, а вот дальше... Округлые завитушки, затем прямая линия с какой-то чашкой на конце... И следующий знак — похож чем-то на предыдущий, только расположен по-другому... Трудно будет запомнить...

Но возникло странное ощущение... где-то он уже видел похожий чертеж. Но где?

Наверное, мальчик слишком долго изучал рисунок, потому что, когда он поднял глаза, дервиша рядом не было. Ариан удивленно огляделся. Редкие прохожие, спешившие по делам, совсем не походили на его недавнего собеседника. Может, действительно, это было виденье? Он задремал на солнце, и ему пригрезился странный, высокий старик в рваном халате и с кровавым перстнем на пальце

* * *

Купец Гассан жил в красивом, новом доме. Высокие, расписанные глазурью стены были великолепны и непрестижны. Золотые купола блестели в лучах полуденного солнца. Узорчатые окна прикрывались решетками, сработанными в виде деревьев, цветов и даже драконов.

Поговаривали, что его жена, красавица Итилия, заставила супруга продать старое, мрачное жилище и взамен выстроить этот чарующий дворец. Купец ни в чем не мог отказать любимой женщине и, изрядно потратившись, выполнил ее

просьбу. Рассказывали, что Гассан слушается жену, как почтительный сын — престарелого, мудрого отца.

Робея, Ариан взялся за дверной молоток, изготовленный в виде головы какого-то мерзкого чудища. Клыкастая морда с вытаращенными глазами окончательно лишила мальчика душевного покоя.

Вышедший на стук чернокожий привратник презрительно выслушал сбивчивый рассказ Ариана о некоем важном сообщении для хозяина дома и молча захлопнул дверь.

Однако через некоторое время, все с таким же высокомерием, но и с каким-то странным смиренением он вновь появился на крыльце и кивком пригласил мальчика войти. Купец Гассан любил новости и решил незамедлительно выслушать странного нахального оборванца, якобы принесшего важное сообщение.

Ариан приготовился убедительно рассказать о своем видении — он уже верил, что встреча со стариком ему попросту пригрезилась. Семеня по коридору за высокомерным холуем-привратником, мальчик пытался представить, как встретит его купец.

Скоро подошли к большой резной двери. Ариан вздохнул и сглотнул тяжелый комок, давно сидевший в горле. Привратник открыл дверь, мальчик вошел и... оказался на кухне.

Несколько толстых женщин-кухарок со смехом усадили растерявшегося гостя за стол, а привратник встал почему-то у него за спиной.

Одна из женщин — самого необъятного размёра — принесла два серебряных блюда. На одном — ароматно дымилось мясо, на другом — аппетитной горкой лежали фрукты.

Вечно голодный мальчик, преодолев смущение, принял за еду. Немного мешал высокомерный привратник, столбом стоявший за спиной и хранивший презрительное молчание. Но Ариан решил не обращать на него внимания и, громко чавкая, основательно набивал рот. Затем появились двое охранников — могучих воинов с тяжелыми ятаганами у пояса.

Последний кусок мяса Ариан дожевывал на ходу. Его провели его в зал, посреди которого восседал, как на троне, седой мужчина средних лет. Высокое кресло действительно походило на трон, а богато украшенный золотыми нитями, жемчугом и бисером халат не стыдно было бы носить и королю.

Но не жемчужины на шелковом халате купца привлекли внимание Ариана. Рядом с Гассаном, на похожем кресле-троне, устроилась необыкновенной красоты женщина. Блестящие черные глаза, изогнутые в ласковом удивлении брови, вьющиеся черные волосы и тонкие черты лица, словно выточенные искусственным мастером из слоновой кости...

Ариан, всю жизнь считавший, что красавицы бывают только чернокожими, в этот день изменил свое мнение. Он так неприлично долго смотрел на жену Гассана, что купец потерял терпение и немного раздраженно сказал:

— Что же ты хотел сообщить мне, мальчик?

Опомнившись, Ариан низко поклонился хозяину дома.

— Господин, сегодня мне было виденье. Мне явился высокий, худой старик с длинной бородой. Похож он был на дервиша, но на пальце у него я заметил кольцо с большим рубином... Он сказал... он сказал, что через три дня потухнет солнце... Ненадолго — а потом опять загорится. И еще он велел начертить знак... — Мальчик огляделся. — На чем бы я мог его начертить? Я хорошо запомнил...

Гассан хлопнул в ладоши, и что-то сказал подбежавшему рабу.

Скоро принесли большой лист пергамента и графитовый стержень. Ариан старательно нарисовал знак, затем почтительно передал лист Гассану.

Заметно побледнев, купец долго не мог произнести ни слова. Его жена, успевшая досконально изучить все проявления чувств супруга, с тревогой спросила:

— Тебе знаком этот знак? Чей он?

Порывисто вздохнув, Гассан с трудом отвел взгляд от рисунка.

— Как странно... Это печать самого... Нет... Я потом как-нибудь расскажу... Потом...

Итилия обратила на Ариана пронзительные черные глаза.

— Ты не обманываешь, мальчик? Не шутишь? Может, ты просто решил таким образом получить несколько монет и хорошо поесть?

— Клянусь, я не обманываю! — ответил Ариан с таким жаром, что женщина смягчилась.

— Хорошо, я верю тебе. Опиши подробнее, как выглядел этот старик.

Ариан засопел, вспоминая. Затем, словно рассматривая что-то на потолке, начал рассказывать:

— Ну, высокий... Худой, в заплатанном халате... С длинной белой бородой... И глаза!.. Он смотрел прямо в душу!..

— А посох?! — перебил Гассан. — Был у него посох?

— Ну да... Он же дервиш... Как же без посоха?

— А какой он был? Деревянный или?..

— Да, я не обратил внимания на посох... Вроде, деревянный... Хотя...

— Может, он был синего цвета? — Гассан подался вперед, на лбу у него выступили капельки пота. Итилия с удивлением заметила, что ее муж вне себя от волнения.

— Да... возможно... — забормотал Ариан. А затем произнес уже более уверенно: — Мне кажется, он как-то переливался, блестел в солнечных лучах...

— Посох из ляпис-лазури! — Гассан вскочил и в волнении заходил по залу. — Посох... — бормотал он. — Посох из ляпис-лазури...

— Мальчик точно непомнит, — мягко заметила Итилия.

— Но печать!.. Посох и печать... И сам его вид... Несомненно, это он...

Женщина повернулась к мальчику и спросила:

— Что насчет солнца?.. Он сказал, что оно потухнет?

— Да, — с дрожью в голосе ответил Ариан, — но ненадолго... И еще он сказал... чтобы я передал это Гассану, что он сумеет извлечь из этого выгоду.

— Выгоду? — Купец задумался. — Да, пожалуй... пожалуй... Люди решат, что пришел конец света, и могут продать за бесценок все что угодно...

— Мне кажется, в этот момент им будет не до продаж, — возразила Итилия, — они будут молиться, каяться...

Гассан погладил аккуратно завитую, ухоженную бородку. В нем заговорил купец.

— Нужно им внушить, что спасется только нищий! Только того спасут боги, кто лишен богатства!

— А они спросят: почему именно нищих будут спасать боги? Почему не праведников, а вот именно — нищих?

Гассан надолго задумался. Страх и волнение прошли. Теперь им владел азарт торговца.

Ариан вдруг выпалил:

— Проще верблюду пролезть сквозь ушко иголки, чем богатому попасть в рай!

Итилия и Гассан с удивлением взорвались на мальчика.

— Потому что все богачи обязательно кого-то обманывали... Иначе они не скопили бы богатство... — Поняв, что говорить такое самому богатому в стране купцу, по меньшей мере, неразумно, Ариан сник и опустил кудрявую голову.

Гассан усмехнулся:

— Не смущайся, мудрый мальчик... Ты прав.

Хлопнув в ладоши, купец призвал помощника в торговых делах — ловкого и расторопного парня по имени Киас.

Прибежав, и окинув быстрым взором Дриана, Киас низко склонился перед хозяином.

Дриану не понравился этот пронырливый, сътый, с бегающими глазками, молодой негр. Не понравилось, как презрительно тот глянул на него — оборванца, посмевшего потревожить хозяина. Мальчик отошел в угол и присел на корточки, наблюдая, как проныра Киас с благоговением выслушивает приказы хозяина.

Гассан действовал разумно и быстро. В кратчайшие сроки помощник должен собрать самых сообразительных нищих и сделать из них «пророков». Заплатить, естественно, не скупясь. Нищие должны возвещать истину о богатых и бедных, о том, что проще верблюду — и так далее... Продавцов — всех, кто продавал на базарах города товары Гассана — с наступлением темноты отправить скупать драгоценности, скот, дома, рабов и все, что представляет хоть какую-то ценность...

Гассан в азарте потирал руки. Итилия задумчиво смотрела на раскрасневшееся лицо мужа. Дриан сжался в углу, бросая недобрые взгляды на пританцовывающего от нетерпения Киаса.

— Вот так! — глаза купца блестели. — Скоро я скуплю все! Все! — Он сжал кулак. — Они все станут нищими!

— И попадут в рай... — тихо напомнила Итилия.

Купец прекратил хождение по залу, жестом отпустил помощника и недоуменно взглянул на жену.

— Что? В рай? Но это же... — Он натянуто рассмеялся: — Это же...

— Ты думаешь, мальчик сам придумал эту фразу? — негромко продолжала Итилия. — Этот мальчик, вероятно, служит тому, кого ты узнал... Тому, чью печать он нарисовал.

Гассан изменился в лице, в глазах его вновь мелькнул страх. Он подошел к Дриану и притворно ласково, елейным голосом спросил:

— А кто тебе сказал... про верблюда и иглу?.. Про ушко иглы?.. Кто?

Мальчик замотал головой. Он действительно не знал, почему вдруг выпалил эту фразу. Он и иголку-то видел только раз и никогда ею не пользовался... Верблюдов, правда, встречал часто.

— Я... не знаю... она сама, как-то... вылетела... — Он виновато смотрел в пол. В блестящих, отполированных, аккуратно уложенных камнях искаженно отражался Гассан — обманщик, который никогда не попадет в рай.

Купец протянул руку, намереваясь погладить Дриана по голове, но мальчик в страхе отпрянул — в отражении привиделось: тянется к нему когтистая, волосатая лапа демона, а голова купца вдруг как бы отделилась от туловища и висела сама по себе, ухмыляясь искаженными, окровавленными губами.

— Не бойся, мальчик, — проговорил Гассан уже обычным голосом. Казалось, азарт покинул его — так же, как недавний страх и недавнее волнение.

— Не бойся, — повторил он, задумчиво. — Я, пожалуй, сделаю тебя одним из помощников... Хочешь жить у меня?

Дриан, конечно, хотел. Еще бы — так вкусно, как на кухне этого купца, он не ел никогда в жизни.

* * *

Всю дорогу Конан ворчал. Даже вступив в пределы страны Куш, он не переставал выражать неудовольствие:

— Я оставил эту женщину в хороших руках! Раскаявшийся и ставший добродетельным купец должен был стать ей хорошим, надежным мужем. Что еще надо?! Зачем мы едем?

— Но ведь она тебя зовет, Конан, я же объяснял... — сказал Эскиламп скучным, монотонным голосом.

Хепат, ехавший на своем ленивом верблюде, как всегда последним, ухмыльнулся. Колдун имел невероятное терпение — несколько недель убеждать Конана в необходимости путешествия! Он, Хепат, не смог бы день за днем толмачить об одном и том же! Хотя ему-то как раз безразлично — куда и зачем ехать. Лишь бы быть рядом с другом, помочь ему мудрым — в это гном не сомневался — советом или ударом кинжала. Ведь

Конан не будет отрицать, что обоих демонов он убил благодаря фамильному кинжалу верного оруженосца! Друг его, конечно, великий воин, с этим никто не спорит. Пожалуй, Конан такой один на все цивилизованные страны. Да и на варварские — тоже, если на то пошло! Да и сам он — как был варварам, так и остался! И все же Хепат — верный оруженосец, не раздумывая, отдаст за него жизнь!

Гном расчувствовался и украдкой вытер глаза. Полуденное солнце жарило так, что подкожный жир, которым в последнее время оброс Хепат, казалось, плавился и шипел, точно кусок жирного мяса на сковороде. Запах жухлой травы забивал ноздри. Вдобавок, пыль, поднятая копытами коней Конана и Эскилампа, скрипела на зубах и оседала на бороде. Но гном не отчаялся.

Через два-три дня пути должен показаться столенный город страны Куш — Ксутал. Мерзкий, пыльный городок с отвратными, чернокожими жителями! Единственное его украшение — прекрасная Итилия, которую когда-то чуть не убил, а потом выходил, вылечил Хепат — последний гном из славного племени великого Вармина.

Верблюд угодил ногой в яму, и Хепата изрядно тряхнуло. Ах, чтоб тебя!.. Глаза гнома подернулись поволокой. А ведь, если честно сказать, не был Вармин великим царем! Куда там! Все племя-то его насчитывало не больше тысячи гномов... Какое там величие?! Зачем врать самому себе?!

— Не переживай, друг мой, — услышал гном

спокойный голос Эскилампа. — Оставь воспоминания, не вороши прошлое... Пусть все будет, как было!

— Да... да конечно... — закивал гном, а затем вскинулся: — Откуда ты... как ты узнал?

— Да у тебя все на лице написано, — оглянувшись, грубо хохотнул Конан. — Тут и колдуном не надо быть, чтобы понять...

— Да, друг мой, — подтвердил Эскиламп, — по лицу твоему можно читать, как по книге.

Гном насупился, затем расслабил мышцы лба, щек, и — на всякий случай — губ, хотя они надежно прятались под бородой. Теперь физиономия его стала бесстрастной, как у мудрого свято-го отшельника.

Конан в очередной раз оглянулся и от души рассмеялся. Эскиламп пожал плечами и одобри-тельно кивнул.

А сухой степной ветер по-прежнему закручивал вдоль дороги маленькие пыльные смерчи.

Ночевали, как всегда, у волшебного костра.

— Хорошо путешествовать с колдуном, — усмехался Конан, — не надо собирать хворост...

— Ты еще не раз убедишься в справедливости этих слов, Конан, — спокойно сказал Эски-ламп, — в будущем я принесу гораздо больше пользы.

И снова ночь у костра... Конан запрокинул голову и долго смотрел на звезды, среди которых летал, испив волшебного зелья. Что же ему яви-лось? Эскиламп толковал, но как-то расплывча-то — в манере всех предсказателей. Можно по-

нять и так, и этак. Итилия — неугомонная ба-ба — убьет мужа? Его, Конана, спасет от неиз-вестной пока опасности некая богиня. Отведет рукой пламя... Колдун, похоже, знает, кто это... Не говорит... Толкователь!..

С востока надвигалась, закрывая полнеба, ог-ромная туча. Звезды, жалобно мерцая, печально гасли одна за другой, поглощенные надвигаю-щейся чернотой.

Конан прилег, закинув руки за голову. Что там еще было? Путешествие в недра? Ужасные, пожирающие друг друга монстры? И — что? К чему это?

«Тебе придется многое увидеть и многое ис-пытать», — сказал тогда Эскиламп. Мог бы и ни-чего не говорить — и так ясно!

Вдали громыхнуло, и небо на востоке освети-лось пульсирующими сполохами.

— Гроза идет, — беспокойно заметил Хепат, — не люблю я ночные грозы... Что-то есть в них тревожное...

— Да, друг мой, — серьезно сказал Эски-ламп. — Уж если демоны и решат сойти на зем-лю, так именно с ночной грозой! Окруженные молниями, в раскатах грома!

Гном обиженно промолчал. Конан также не был расположен к шуткам.

Колдун продолжал, уже без насмешки:

— Не бойтесь, на вас не упадет ни одна кап-ля — ведь вы путешествуете с волшебником! — И, немного помолчав, озабоченно добавил: — Хо-тя, честно говоря, мне эта гроза тоже не нравит-

ся. Уж слишком быстро движется — а ветра нет! Обычно перед грозой ветер поднимается...

— Вот и я говорю, — пискнул Хепат, — не то что-то... Тревожно на душе.

Небольшой ветер все-таки поднялся. Закружились над костром сухие листья, потянуло прохладой. Гром теперь гремел непрерывно. Огненные вспышки то и дело распарывали черноту, на миг освещая тревожно зашелестевшую степь.

Друзья молчали. Даже весельчик Эскиламп, казалось, приуныл и задумался. Конан слушал шуршание гонимых ветром листьев. Степь будто жаловалась на богов, решивших опалить ее молниями, оглушить громом...

Хепат пошел к стреноженным животным. Привести поближе, не то испугаются грома и — хоть и связаны у них передние ноги — разбегутся, страх сил придаст...

Медленно в ожидании ливня тянулось время. Почти непрерывные прочеки молний освещали степь. Конан видел, как Хепат торопливо ведет к костру лошадей и верблюда. Поглядывает на небо... Один раз даже кулаком погрозил... Забавный гном и хороший товарищ...

Конан вдруг напрягся. Он вспомнил еще одно виденье — промелькнувшее, как сон, неясное... Что-то связанное с Хепатом. Грозивший гибелью огонь... Прекрасная богиня... Что-то было еще... Конан с досадой стукнул кулаком по колену. Не вспомнить!.. Но, кажется, с его другом что-то случится... Не в этом походе... Может быть, потом...

На костер упали и зашипели с досады первые капли дождя. Эскиламп начал монотонно бормотать заклинания. Дождь усиливался. Хепат привязал животных к колышку и поспешил к костру. Вокруг уже стеной стояли мощные струи, но на костер не упала больше ни одна капля. Волшебник действительно знал свое дело.

Конан удивленно оглядывался и качал головой. Хепат чего-то ждал... В свете молний его бородатая физиономия выглядела особенно мрачно. Эскиламп улыбнулся, затем вновь стал серьезным.

— Что-то приближается! Конан, ты чувствуешь?

— Ни черта я не чувствую, — проворчал киммериец, наблюдая за манипуляциями, которые колдун проделывал с кинжалом, неожиданно появившимся у него в руках.

Эскиламп, что-то бормоча, потирал клинок, чертил в воздухе странные знаки, затем надрезал левый мизинец и позволил нескольким каплям крови упасть в костер.

Дождь разошелся настолько, что шум ливневых потоков и непрерывные раскаты грома заглушили все иные звуки. Что-то кричал Хепат с вытаращенными глазами, быстро шевелились губы Эскилампа — возможно, он читал заклинание. Шум грозы разделил друзей. Они были рядом, но не слышали друг друга, не могли поддержать товарища вовремя сказанным словом. Теперь каждый чувствовал себя одиноким перед надвигавшимся ужасом.

— Будем надеяться, что защита выдержит, — прокричал Эскиламп.

Он говорил что-то еще... Конан рассыпал обрывки:

— Если не... тогда хлынет дождь... Значит... не выдер... Мы узнаем...

Конан поднял глаза к мутной пелене, нависшей сверху, — и внезапно его, как из бочки, окалило холодной водой. Значит, не выдержала защита...

* * *

Третью неделю Ариан жил в доме купца Гассана. Он успел подружиться с Киасом, который оказался не таким уж плохим человеком. Просто в торговле без обмана не прожить. Ариан это понял, помогая в делах Киасу, а иногда и самому Гассану, который за время солнечного затмения во много раз увеличил свое богатство.

Все прошло так, как и планировал хитрый купец. Люди, сбитые с толку невесть откуда появившимися нищими пророками, за бесценок продавали последнее, стараясь заслужить милость богов.

На лице Гассана все чаще играла самодовольная улыбка сытого кота, поймавшего и замучившего жирную мышь. Прекрасная Итилия, как заметил Ариан, стала избегать довольного собой мужа и часто, отослав служанок, целыми днями молча сидела своей комнате. А иногда в темных глазах женщины вдруг зажигались мрачные ог-

ни, она брала в обе руки легкие, кривые сабли и устраивала изнурительные тренировки воинам, состоявшим на службе у супруга.

В такие дни нежная, изящная хозяйка дворца неожиданно превращалась в богиню смерти и разрушения. И если бы ее учебные сабли не были обшиты толстой воловьей кожей, через несколько тренировок у Гассана не осталось бы ни одного охранника.

Выходя на тренировочную площадку перед казармой, где жили неженатые, молодые воины, Итилия раздевалась донала и вызывала на бой всех желающих. Несколько сильных, ловких мужчин нападали на нее одновременно и через две-три секунды лежали на земле, корчась от боли. С мрачным блеском в глазах и развеивающейся черной гривой волос, женщина сражалась, как разъяренная пантера. Оставляя за собой тонкий аромат духов и разгоряченного женского тела, она тенью скользила меж ошеломленных мужчин, бесполково размахивающих мечами.

Даже лежащие в пыли, превозмогающие боль воины, наблюдая за обнаженным, гибким телом грозной хозяйки, невольно испытывали странные, неуместные в битве чувства.

После тренировок Итилия заставляла раздеваться смущающихся под ее пристальным взором охранников и с едва уловимым трепетом тонких ноздрей сама обрабатывала их синяки и ссадины мазью, изготовленной придворным лекарем.

Натирая черные, мускулистые тела, вдыхая

запах терпкого мужского пота, она всем естеством ощущала желание воинов... не обладать ею, нет — униженно подчиняться победительнице, госпоже, богине. Вдыхать аромат ее волос, терпеть сладостную боль, выполнять любые ее прихоти.

И иногда, прикасаясь животом или грудью к горячим телам воинов, она на долгий миг замирала, ощущая трепет избитых ею, покорных мужчин.

В один из таких дней, после особенно длительной тренировки, Итилия неожиданно послала за Арианом. Служанки нашли мальчика и, перешептываясь, повели его в отдаленный угол сада.

Солнце клонилось к горизонту, и дневная жара уступала место вечерней прохладе. В тенистых аллеях витал запах таинственных цветов, раскрывающих бутоны только с наступлением темноты. Ариан слышал немало историй об этих колдовских цветах. Как завораживает неосторожного путника вид их тонких, лишенных окраски лепестков. Как кружит голову их чарующий аромат, заставляя человека совершать странные и безумные поступки.

«Берегись горького медового запаха», — говорили все знающие базарные торговцы, которым Ариан иногда помогал подносить товар и уносить пустые корзины.

Именно такой запах — горького меда — окутал мальчика, едва он вступил в тенистые аллеи сада. В оплетенной выюшимися растениями беседке полулежала в кресле-качалке уставшая хо-

зяйка дома. Ариан остановился в смущении — Итилия была полностью обнажена. Рядом валялись две общитые кожей сабли.

— Не стесняйся, мальчик, заходи.

В полутораке глаза женщины казались темными провалами. Ариану почему-то стало жутко. Он вошел в беседку и остановился, не зная, что делать. Нужно ли в такой обстановке кланяться хозяйке или достаточно просто почтительно склонить голову? И можно ли смотреть?

Матовое белеющее тело женщины,казалось, повисло в воздухе — темное кресло исчезло в сумраке беседки.

— Расскажи мне мальчик, что велел тебе сделать старик после того, как мой супруг возьмет тебя в дом? — Голос хозяйки звучал ласково, однако Ариан безошибочно уловил в нем угрожающие нотки.

Невольно взглянув на кривые сабли, он просто ответил:

— Ничего больше он не сказал... Наверное, придет сам...

Ленивым движением женщина отбросила упавшие на лицо черные пряди, вздохнула и потянулась.

— Что-то долго он не приходит... — Она слегка раскачалась, и груди ее мягко колыхнулись в такт движениям кресла.

Ариан промолчал, невольно бросая испуганные взгляды на великолепное обнаженное тело хозяйки. Он надеялся, что в наступающей темноте не заметно, куда и как он смотрит.

— Подойди ближе! Я хочу видеть твои глаза, — Итилия, казалось, прочитала его мысли.

Дриан неуверенно приблизился на полшага. Женщина вдруг схватила его за руки и рывком поставила перед собой. Близко заглянула в глаза.

Мальчик задохнулся. От хозяйки исходил тот самый запах горького меда... И чего-то еще... Такого сладостного аромата он еще не знал... Голова пошла кругом. Как во сне он чувствовал горячие руки женщины, срывающие с него одежду...

* * *

Гассан с нетерпением выслушал ежеутренний доклад Киаса о торговых делах, и с гневом — обязательное секретное дополнение о проделках его красавицы супруги. Сжимая кулаки, он забегал по залитому утренним светом залу.

— Вначале она самолично, как рабыня, натирает мазью потных, вонючих охранников, а затем предается любовным утехам в саду! И — с кем? С ребенком! С мальчишкой, которого я приютил!

— Осмелюсь заметить, господин, — почтительно сказал Киас, — мальчик не виноват...

— Конечно, не виноват... Я его и не виню, — мрачно проговорил Гассан, — но я все равно отрубил бы ему голову, если б не... Словом, пока... я не могу доставить себе такую радость.

Небрежным движением руки купец отпустил помощника и надолго задумался.

* * *

Значит, не выдержала защита, подумал Конан и проверил, легко ли выходит из ножен меч. Вмиг друзья промокли до нитки. Но теперь это мало кого беспокоило. Надвигалось нечто страшное. С грозой пришел кто-то настолько могущественный, что легко сломал защиту, с такими ухищрениями воздвигнутую Эскилампом.

— Берегитесь, — прокричал колдун, — сейчас оно появится! Нам нужно... — Дальнейшие слова его потонули в грохоте ужасной грозы.

Как ни странно, костерок не потух. Плюясь и разбрызгивая искры, он упорно боролся с ливнем. Конан поймал взгляд Эскилампа, указал на костер и улыбнулся. Колдун улыбнулся в ответ и кивнул. Костер борется. Не все так страшно. Какой бы ужас ни надвинулся на них из темной грозовой пелены, они будут бороться!

И даже совсем приунывший было Хепат отбросил мокрый капюшон и решительно поднял голову, положив руку на резную рукоять кинжала.

Конан стянул мокрую одежду — будет только мешать — и стоял у костра, обнаженный по пояс, с мечом в руке. Струи хлестали по его великолепному торсу, бронзовому от загара и блестящему от влаги. Он стоял — готовый к любой неожиданности, спокойный и уверенный в себе варвар, вся жизнь которого была сплошным сражением.

Глядя на друга, Хепат с блеском в глазах поднялся и встал рядом, но чуть позади — где и дол-

жен находиться оруженосец, готовый в любой момент прейти на помощь.

Эскиламп сбросил промокший плащ и остался в тонкой, расписанной странными знаками шелковой рубашке. Держа в правой руке кинжал, а в левой — ножны, он спокойно занял место рядом с Конаном.

От непрерывного грохота закладывало уши, молнии хлестали особенно злобно, но... как бы остановившись поодаль, не приближаясь. Сквозь мутную пелену дождя друзья разглядели огромный, увенчанный молниями силуэт.

— Вот оно! — срывающимся голосом крикнул колдун.

Огромные мышцы Конана вздулись, он принял боевую стойку... и с изумлением, опустил меч.

Из тумана, внезапно заклубившегося там, где сверкали молнии, к нему вышел высокий, худой дервиш. Длинный, заплатанный халат его был совершенно сухим, даже пыльным. Седая борода закрывала большую часть лица. Опирался странный старик на посох, искусно выточенный из синего камня, а на пальце его сверкал огромный рубин.

Остановившись на расстоянии нескольких шагов, дервиш воздел руку, и гром мгновенно стих. Вслед за ним в течение нескольких секунд утих дождь.

— Теперь мы можем спокойно поговорить, — старик зорко оглядел стоявших у волшебного костра друзей.

— Нанна... — прошептал Эскиламп. — Старейший среди Скитальцев.

Конан вложил меч в ножны. Хепат, дрожащими руками спрятал кинжал. Эскиламп тоже собрался убрать кинжал, но старик жестом остановил его.

— Я узнаю этот клинок. Один из нас, воплотившись на Земле, дал ему силу... Это слишком грозное и опасное оружие — ему не место среди смертных.

Эскиламп с низким поклоном протянул кинжал Скитальцу.

— Нет, еще не время... Носи его, но помни — малейшая ошибка, и ты превратишься в пепел!

— Я это знаю, о великий Нанна, — Эскиламп вновь поклонился.

Старик внимательно посмотрел в глаза колдуну.

— Ты знаешь мое имя... Что ж, тем лучше. Слушайте, что вам надлежит сделать...

* * *

Гассан смотрел на мальчика взглядом кобры.

— Как смел ты, щенок, коснуться госпожи?! — Перед глазами Ариана мелькнули сведенные судорогой пальцы купца. — Ты знаешь, какую казнь я тебе придумаю?!

Мальчик заплакал. Он познал женщину, но по-прежнему оставался ребенком. Гассан заскрежетал зубами. В нем боролись жалость и злость. Чувство справедливости и желание разорвать щенка на части. Шумно дыша, он метался по

комнате. Ариан сквозь слезы наблюдал за разгневанным хозяином, и опять ему показалось, что голова купца странным образом отделена от туловища

— Я отрублю головы вам обоим! — зашипел Гассан, но вдруг смущился и застонал.

В зал стремительно вошла Итилия. Полы ее утреннего шелкового халата развевались, открывая взорам мужа и мальчика почти полностью обнаженное тело. В каждой руке женщина держала легкую, кривую саблю. Изогнутые клинки рассыпали по комнате солнечные зайчики.

Гассан побледнел. Он хорошо знал буйный нрав жены. Некоторое время супруги стояли молча. Черные молнии в глазах Итилии не оставляя надежда на мирное разрешение конфликта.

Ариан заметил испуг хозяина, когда женщина бросила ему одну из сабель. Увидел, как дрожат пальцы, судорожно обхватившие эфес и неожиданно для себя властно и спокойно сказал:

— Остановитесь!

Приготовившиеся сражаться супруги удивленно опустили сабли.

— Остановитесь! — Ариан говорил чужим голосом. От ужаса он вытаращил глаза.

Гассан гневно задохнулся, хотя в глубине души и надеялся, что мальчик как-то помешает дуэли.

— Вспомни мою печать и внимай, — продолжал Ариан. Глаза его теперь были закрыты, лицо бесстрастно, как у спящего.

— О боги.. Это Нанна... Великий Странник! — прошептал Гассан.

Он выронил саблю и упал на колени. Итилия растерянно смотрела на Ариана, впавшего в сонное состояние.

— Я позволил тебе сказочно разбогатеть, обманув жителей Ксутала, — продолжал Странник устами спящего мальчика, — на эти деньги ты соберешь самую большую в истории вашей страны армию. В соседних землях, которые вы называете «Черные Королевства», живет колдун по имени Мраава. У него хранится талисман — небольшой, черный камень. Колдуна необходимо убить, а талисман уничтожить. Достаточно расколоть его на две части, и волшебная сила исчезнет. Но сделать это может только смертный. Поэтому мне нужны вы.

Но не думайте, что Мраава не окажет сопротивления. Прежде всего, он соберет собственную армию и выступит вам навстречу. Кроме того, он опасный колдун, да к тому же владеющий талисманом... Но скоро к вам прибудет не менее сильный колдун, также имеющий старинный талисман. Вместе с ним прибудет тот, кто возглавит войско и приведет вас к победе.

— Но... зачем уничтожать талисман? — прошептал Гассан. — Может быть, лучше...

— Талисман необходимо уничтожить в ближайшее время, иначе мир ждут великие потрясения! Вы еще не готовы владеть такой силой... А возможно, и никогда не будете готовы. В будущем, вероятно, придется отнять у смертных все волшебные артефакты...

— То есть, в будущем — волшебство исчезнет? — спросила Итилия.

— Это произойдет еще нескоро... Пока равновесие должны поддерживать чародеи... Но настанет день, и мы удалим волшебство из вашего мира. Последствия сейчас трудно рассчитать... В любом случае, гибель человечеству грозит постоянно...

— Волшебство исчезнет... — Итилия задумчиво покачала головой. — Я знаю одного человека, который этому бы очень обрадовался!

— Этот человек скоро будет здесь! Он и возглавит армию.

Дриан медленно открыл глаза. Постепенно взор его стал осмысленным, и он очень удивился, увидев хозяина, стоящего перед ним на коленях.

* * *

Конан объезжал бесконечные ряды воинов. На вороном жеребце, в полном боевом доспехе, киммериец выглядел настолько внушительно, что даже скучные на похвалу наемники сопровождали его гулом одобрения. Хепат, следивший за другом на сонном верблюде, старался не замечать ухмылок солдат, заметивших, наконец, верного оруженосца.

Гассан остался в шатре, разбитом на небольшом холме, откуда можно было видеть собранное наспех воинство. Реальную силу представляли одни лишь наемники — закаленные в боях, мрачные убийцы, за хорошие деньги и возможность пограбить, продающие свои умения и мечи. Остальная часть армии — ополчение из крестьян и

ремесленников — набиралась купцом, скорее, для виду: авось, издали враг и не заметит, что вместо мечей у большей части солдат — вилы и плотницкие топоры.

Выходя из шатра, Гассан оглядел армию и с недовольным ворчанием уселся в походное кресло, установленное рабами в тени шатра. Итилия задумчиво раскачивалась в любимом кресле-качалке.

Солнце клонилось к закату, а Конан все еще объезжал нестройные ряды воинов. Колдун Эскиламп, усевшись на траву, весело болтал с Киасом, нарядившимся по случаю войны, в длинную, медную кольчугу, отливающую в лучах закатного солнца неприятным кровавым цветом.

— Непохож он на колдуна, — недовольно проговорил купец, с презрением кивнув в сторону Эскилампа.

— А ты видел его кинжал? — Итилия с усмешкой смотрела на мужа.

— Видел... и — что? Старинный...

— От него сила исходит! Я сразу почувствовала. Да и сам он, этот юный колдун — непрост. Смеется, а глаза острые...

Гассан нехотя кивнул. Он различал, конечно, внутреннюю силу приехавшего с Конаном волшебника. Но хотелось почему-то ворчать, ни с кем не соглашаться, брюзжать... Может, потому, размышлял купец, опустив голову, что появился Конан? Что «верная» жена Итилия так часто смотрит на него, раздувая тонкие ноздри, словно породистая кобыла? Что этот черный мальчиш-

ка — Ариан — постоянно вертится под ногами, напоминая своим видом о задании Странника?

Как было бы хорошо — просто жить! Ни с кем не воевать, не искать волшебные камни-амулеты... Просто жить в большом, хорошем доме с красивой, верной женой... А если жена будет неверна — отрубить ей голову и завести гарем! Почему — о боги! — почему он до сих пор не завел гарем?

Гассан вскочил и в волнении забегал перед входом в шатер. Почему он, как идиот, хранил верность этой шлюхе? Этой... этой...

Он невольно глянул на Итилию и смущился. Полные иронии, черные глаза супруги смотрели прямо в душу. Проникали, как всегда, в самые ее потаенные уголки.

«Не могла она догадаться про гарем, — поспешил отвернувшись, подумал Гассан. — Не могла... но догадалась!»

Эскиламп, оставив Киаса, подошел к купцу.

— Ты чем-то озабочен, господин? — Колдун был убийственно вежлив и так же убийственно снисходителен.

— Нет... ничего особенного... — Гассан поворотил носком сапога пожухлую траву. — Думаю вот, не завести ли мне гарем?

Эскиламп удивленно посмотрел на купца, затем перевел взгляд на скучающую Итилию, и покачал головой.

— Я думаю, она тебе не позволит этого, господин, — в глазах колдуна теперь светилось сочувствие и понимание.

Гассан прокашлялся и, понизив голос, сказал:

— А нельзя... как-нибудь... Словом, сделать так, что бы она... не изменяла?..

Эскиламп отыскал глазами мальчишку и кивнул. Купец поразился осведомленности волшебника. Казалось, тот знает все и про всех, читает самые потаенные мысли.

Он уже пожалел, что обратился к колдуну с такой унизительной просьбой.

— Как только мы выполним задание великого бога луны и будем свободны от обязательств перед ним, я с удовольствием займусь твоей супругой, господин, — с легким поклоном сказал Эскиламп.

Гассан, насупившись, молча повернулся и вошел в шатер. Двусмысленной фразой Эскиламп поверг его в смущение. И вдобавок напомнил о необходимости уничтожить чертов талисман. Он прав! Не о гаремах и не о верности шлюхи-жены нужно сейчас думать... Где там Конан? Выступать нужно, пожалуй, завтра на рассвете!

* * *

Деревня состояла из нескольких кривобоких мазанок. Сплетенные из гибких прутьев и обмазанные глиной хижины теснились у самой границы пустыни. Но, как ни странно, к этому небольшому поселению тянулась широкая, наезженная дорога. Заканчивалась она на небольшой площади посреди деревни. Дальше не было ни дорог, ни тропинок — за последними жалкими строе-

ниями начиналась Великая Пустыня, простиравшаяся, как известно, до конца света.

Из высокой хижиной вышел худой, словно высушенная мумия, черный, как головешка, маленький, как обезьяна, и сморщеный, как зад крокодила, человек. На шее его висел небольшой, отполированный до блеска, черный камень.

Человек стремительно прошел на средину площади и воздел руки. Из соседних мазанок к нему потянулись жители селения — молодые, крепкие мужчины, гибкие, грациозные женщины, седые, сгорбленные старики и орава детей самого разного возраста. Все это были родственники человека с камнем на шее. Его братья, сестры, дети, внуки, правнуки и праправнуки, ибо очень стар и очень мудр был худой, сморщеный человек — великий колдун Мраава. Он мог вызвать дождь, воскресить мертвого, наслать порчу, заставить любого правителя униженно ползать перед ним на коленях.

И конечно, он мог бы, если захотел, жить во дворце, но предпочел хижину почти на самом конце мира. Севернее и западнее располагались большие города, и в каждом был свой царек, имеющий в распоряжении, хоть небольшую, но армию. Но все они — и цари, и вожди полудиких племен — приходил на поклон и нему, великому колдуна Мрааве. Это он, владелец талисмана объединял страну, не позволяя местным властителям враждовать, истреблять попусту свой народ.

Люди должны плодиться! Женщины — рожать

воинов, мужчины — готовиться к великой войне и обучать юношей.

И когда настанет день, все Черные Королевства двинутся на север — завоевывать мир! И никто, ни одна армия не устоит перед силой талисмана и силой духа великого колдуна! Падут северные города и царства, настанет день великого торжества, и он, Мраава, разбудит всесильного и ужасного Ктулху, повелителя мира. И величайший из Древних, спящий до поры в подводном городе Рлиех, вновь будет властвовать над этим жалким миром.

А рядом с ним, обретя космическое величие, всегда будет его верный раб и помощник — Мраава.

Но день еще не пришел. Его народ не готов к великой войне. А проклятый всеми служителями Ктулху глазный из Странников, бог луны — Нанна выслал армию для захвата и, вероятно, уничтожения талисмана.

— Идите во все города! — кричал Мраава. — Доберитесь до самых дальних пределов! Пусть все цари, все вожди дадут мне лучших воинов. Я должен собрать великую армию! Идите и скажите — близится конец нашего мира! И только я могу помочь! Только я и наш талисман — залог благополучия и богатства.

И побежали, побредли, поковыляли в разные стороны родственники колдуна собирать великую армию для разрушения коварных замыслов бога Нанны, главного и старейшего из плеяды Странников.

* * *

Огромная армия, поднимая клубы пыли, медленно двигалась на юго-восток. Конан, Хепат и Эскиламп ехали во главе конного отряда наемников — главной ударной силы войска.

За конниками нескончаемыми ровными колоннами двигалась легко вооруженная пехота. И уж в самом конце нестройными рядами шествовало ополчение.

Позади армии шестерка великолепных лошадей тянула огромную повозку, в которой под балдахином возлежали купец Гассан и его красавица супруга. Покой хозяина охраняли многочисленная челядь и отряд телохранителей. Очень мешала пыль. Гассан ругался и чихал, но не желал ехать в авангарде армии — полководец, коим он себя вдруг вообразил, должен обозревать армию и возможный театр военных действий.

Итилия, когда лежать под балдахином становилось невмоготу, вскакивала на коня и, чувствуя неодобрительный взгляд супруга, мчалась вперед. Втискиваясь между Конаном и Эскилампом, она жадно слушала долгие рассказы колдуна о свойствах волшебных артефактов или отрывистые, ни на что не похожие песни гномов царства Бармина в исполнении Хепата. А когда друзья умолкали, просила Конана рассказать о любовных приключениях последнего времени. Киммериец, по простоте душевной, поведал пару историй, за что был награжден гневным, ревнивым до безумия, взглядом разъяренной фурии.

Последняя ночь на территории страны Куш выдалась неспокойной. У костров возбужденные ополченцы переговаривались и спорили до утра. На следующий день предстояло вторгнуться в чужие пределы. Для многих это было внове. Кто-то судорожно принимался точить топор, кто-то радостно доказывал, что из походов все возвращаются богачами. Другие, более разумные, возражали — самим бы вернуться, какое там богатство...

Уже под утро со всех сторон вдруг раздался волчий вой. Затем рычание, визг, стоны.

Лагерь был атакован сотнями, тысячами волков. Звери, совершенно не страшась огня, бросались на людей. Многие падали в костры вместе с воинами, которым они намертво вцеплялись в глотки.

Ополченцы с вытаращенными глазами в панике метались между костров, преследуемые обезумевшими зверями. Наемники, за несколько минут очистив от волков свою территорию, бросились помогать бывшим крестьянам и ремесленникам.

К утру все становище было усеяно волчьими трупами, а половина ополченцев получила серьезные покусы, и возможность их дальнейшего участия в военных действиях вызывала серьезные сомнения.

Конан осмотрел с десяток раненых и заметил, что волки, если не удавалось вцепиться в горло, старались разодрать у человека правую руку.

— Несомненно, этих милых животных направ-

лял наш друг Мраава, — бесстрастно произнес Эскиламп.

— Да, им приказали убить или вывести из строя. Покусать правую руку...

Конан мрачно огляделся. Около сотни ополченцев лежали с разорванным горлом, другие корчились от боли.

— Значит, черный колдун уже знает о нашем приближении? — спросил Хепат

— Он знает о нас все! — резко ответил Эскиламп.

Прибежал запыхавшийся Ариан:

— Господин, беда! Беда! — Он указывал на шатер Гассана, установленный, как всегда, на небольшом возвышении.

— Беда! — повторил мальчик, отдышавшись. — У господина отрублена голова, а жена его исчезла...

Крепко выругавшись, Конан поспешил к шатру. Выли служанки, мрачно и растерянно бродили телохранители. Поодаль валялись несколько десятков волчьих трупов — охранники поработали на славу.

Конан и Эскиламп, а за ними Хепат и Ариан вошли в шатер. Бросился в глаза беспорядок — перевернутый столик, опрокинутые кувшины, лежащее на боку кресло. У походной кровати своего господина понуро стоял Киас. Обезглавленное тело купца он заботливо уложил на пропитанную кровью простыню.

— А где его голова? — Конан с недоумением огляделся.

— Голова... она... — В глазах юноши стояли

слезы. — Ее... бросили волкам. Они ее начисто обгладали...

Хепат присвистнул, а Ариан закрыл лицо руками. Эскиламп же только задумчиво понурился, будто соглашаясь с невидимым собеседником.

— Начальника охраны ко мне! — гаркнул Конан.

Высокий негр могучего сложения вошел в шатер и с достоинством поклонился.

— Рассказывай!

— Мы несли службу, как обычно. Господин и госпожа собирались отойти ко сну. Все было тихо. Когда напали волки, мы окружили кольцом шатер и отражали атаки. Ни волк, ни человек не могли пробраться к хозяину. Это сделала... его убила... сама госпожа.

Охранник замолчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну! Говори! — нетерпеливо бросил Конан.

Негр опустил голову и продолжал:

— Она не любила нашего господина... изменяла ему... Почти каждый из нас... — Главный телохранитель смущенно закряхтел.

— Вот как? — насмешливо проговорил Эскиламп — А часто они ругались из-за этого?

— Бывало... Но хозяин ее боялся. Очень уж она была... как бы это сказать... бешеная, что ли... И в любви — тоже.

— Если вы стояли вокруг шатра — как же она сумела убежать? — Конан был мрачен и подозрителен.

Рассказы о распутстве Итилии оставляли не-

приятный осадок. С некоторым удивлением он обнаружил, что эта странная женщина до сих пор ему не безразлична.

— Я не знаю, куда она делась! Должно быть, выскользнула, когда мы отбивались от волков! — четко ответил начальник охраны. Чувствовалось, что этот вопрос телохранителями уже обсуждался.

— Ты ведь сам не веришь в то, что говоришь, — вкрадчиво начал Эскиламп. — Я колдун и могу заставить тебя сказать правду! Подумай об этом.

Негр тяжко вздохнул и, помедлив, промолвил:

— Исчез один из наших... Лучший воин. Я думаю, они...

— Ясно! — Конан кивнул, жестом отпустил охранника и, отвернувшись, задумался.

Хепат подошел к нему и потянул за палец.

— Я думаю, у нее были причины убить купца. Вспомни, как Гассан служил кровавому богу Мбомбо, лик которого проступал на потолке! Скольких рабов он принес в жертву!.. Возможно, он и сейчас... — Гном с надеждой глянул на Эскилампа.

— Да, — кивнул колдун, — вполне возможно, что на нашего друга оказал пагубное воздействие другой наш приятель — тот, чей талисман мы собираемся уничтожить.

— Вот видишь, Конан! — радостно воскликнул гном. — Она ни в чем не виновата! Она вынуждена была!

— Да что ты меня утешаешь?! — рявкнул Конан.

И, глянув в грустные глаза друга, уже мягче продолжал:

— Возможно, и вынуждена... А, возможно... Ты ведь знаешь, кем она была раньше... Убийцей на службе у... — киммериец посмотрел на Эскилампа. — У Актиона, наставника нашего колдуна! Может, она вспомнила, чему ее учили с самого детства?

Хепат опустил голову. Эскиламп же, напротив, услышав имя своего наставника — оживился.

— Да, Акцион умел воспитывать нужных людей! И не только людей! Если бы знали, какие еще существа ему служили! При всех его недостатках, это был великий человек и сильный волшебник.

Затем, выглянув из шатра, колдун добавил:

— Солнце уже высоко, давно пора выступать. Я советую челядь отправить домой вместе с ранеными ополченцами, а телохранителей оставить при себе — посмотреть, каковы они в настоящем бою.

— Я так и сделаю, — сказал Конан, — а выступим сразу, как похороним убитых.

* * *

Колдун Мраава, как черная статуя, восседал на носилках. Четверо сильных мужчин, стараясь двигаться ровно и плавно, чтобы не прогневить великого мага, несли его среди леса колыхающихся копий. Великое черное воинство готовилось к выступлению. Горели хитро устроенные в

ямах костры — с длинными дымоходами, на конце которых коптилось мясо буйвола — лучшая еда для воина в походе.

Вокруг других костров — обычных — плясали местные колдуны, разжигая в мужчинах страсть к битве и к женщине. Проводить мужей на великую войну пришли многие молодые жены — те, чья красота и грация еще не увяли, чьи танцы могли возбудить самые дикие, первобытные инстинкты человека — убивать и совокупляться.

На утро великий Мраава назначил выступление, и черные колонны мускулистых воинов с рассветом будут готовы двинуться навстречу врагу. Но ночь — последняя ночь перед походом — принадлежала колдунам и женам. И с наступлением темноты запылали костры, источая едкий дым волшебных снадобий. Колдуны, приплясывая и выкрикивая заклинания, бросали и бросали в огонь заранее заготовленные, плотно увязанные пучки травы. Жадно вдыхали сизый дымок воины, обступившие костер, и дикое веселье наполняло их сердца. Тянулись к костру женщины, стоящие именно там, куда ветерок относил волшебный дым.

И туманились глаза у молодых женщин, глубже и чаще дышала их грудь, становилось легким, невесомым, воздушным гибкое тело. И хотелось танцевать, петь, извиваться в сладостном ритме тамтамов, и любить, любить подряд всех воинов, отправлявшихся добывать великую славу.

Мраава приказал носильщикам остановиться у одного из самых больших костров. Удобно уст-

роившись на подушках, невидимый в темноте, он с одобрением наблюдал за действиями местного мага.

Еще молодой, но, судя по быстрым, уверененным действиям, опытный колдун, бросал в огонь травы, бормотал, а временами — выкрикивал заклинания, приплясывал, — словом, проделывал все, что требуется в таких случаях.

И вот, над огромным, невиданным доселе скопищем людей разнеслись пока еще тихие удары тамтамов. Мужчины отодвинулись от костра, уступая место женщинам.

Барабаны зазвучали громче, и жены молодых воинов, содрогаясь в такт сладостным звукам, цепочкой двинулись вокруг костра.

Частота ударов увеличилась, и теперь даже Мраава ощущал острое желание танцевать, извиваться, биться в едином для всех ритме.

Мужчины приплясывали, ритмично напрягая мышцы живота и ног. Женщины двигались по кругу. Их тела, блестящие в свете костров, округлые и гибкие, находились в постоянном движении. Ритм невидимых в темноте тамтамов пронизывал каждую клеточку тела.

Из темноты выскочил местный колдун и, извиваясь змеей, стал в бешеном ритме проделывать характерные, естественные движения тазом, поочередно прикасаясь к каждой из танцующих женщин.

Мужчины не выдержали напряжения и, двигаясь в общем ритме танца, устремились к костру. В огонь полетели набедренные повязки.

Невероятная энергия колдуна доводила танцующих до безумия. Женщины также метнули в пламя набедренные повязки, и теперь черные, блестящие от пота, обнаженные тела воинов и их жен, бесновались в переменчивом свете.

Вокруг каждой женщины содрогались в танце не менее десяти-пятнадцати мужчин. Тамтамы выдавали самый быстрый ритм, на который были способны опытные, закаленные в празднествах барабанщики.

Мраава горящими глазами наблюдал за происходящим. Дергающимися движениями мужчины подходили к женщинам и, как бы в изнеможении, откатывались назад. Колдун неистовствовал. За короткое время он успел коснуться каждой женщины — каждой жены, давно потерявшей из виду своего мужа. Прикосновения колдуна производили невообразимый эффект. Запах его пота доводил женщин до исступления. Они ощущали себя львицами, пантерами, самками леопарда. Выгибаясь, они наклонялись, царапая ногтями землю. Мужчины, орошая потом выбранную ими женщину, с рыком бросались к ней и со стонами отступали. Но с каждым разом отступление было короче, а натиск активнее.

Мраава, конечно, знал, чем заканчиваются подобные празднества, но ощущал удивившее его самого желание досмотреть все до конца.

В свете догоравшего костра метались черные тени, слышался пронзительный голос колдуна, выкрикивающего заклинания, сладостные крики женщин, рычание мужчин. Теперь уже никто не

танцевал. Возбуждение достигло последней стадии и требовало немедленного выхода. На каждую жену воина приходилось не менее десятка мужчин. Мраава знал, что после этой ночи женщины долгое время не смогут даже думать о любовных утехах. И в этом был большой смысл, ибо мужчины надолго покидали молодых жен. А многие — навсегда отправлялись в страну духов.

Мраава преклонялся перед мудростью предков, завещавших живым такие нужные, полезные обычай.

Впав в сладостное оцепенение, он наблюдал завершение праздника. А спустя долгое время, приказал опустить носилки и, тяжело дыша, ощущая растекающееся внизу живота тепло, неутвердой походкой подошел к костру. Все закончилось. Вокруг каждой женщины, без сил, вполвальку лежали воины. Никто не шевелился. Переступая через неподвижные тела, Мраава выбрал себе женщину — молодую, стройную, с детским лицом, на котором застыли одновременно и торжествующая улыбка, и гримаса отвращения.

Наклонившись, великий колдун долго всматривался в детские черты женщины — чьей-то жены, ставшей сегодня женой многих сильных, неистовых в страсти воинов. И содрогнувшись всем телом, не в силах более себя сдерживать, колдун с громким стоном упал на распростертное перед ним неподвижное тело.

* * *

В армии Конана теперь царил образцовый порядок. Большинство ополченцев решили уехать вместе с ранеными. Конан не препятствовал — необученные ремесленники были только обузой. Гассан набрал их для массовости, не понимая, что большая, но неповоротливая, подверженная панике армия гораздо хуже маленькой, но хорошо организованной и мобильной. Именно такую — небольшую, состоящую из опытных воинов армию — и вел теперь Конан в сердце загадочной страны под названием Черные Королевства.

Солнце еще не коснулось горизонта, а Конан объявил привал. Засветло заготовили сушняка для костров. Выставили усиленные дозоры, выслали в разных направлениях опытных разведчиков. Эскиламп развел свой волшебный костер и что-то долго бормотал над ним, бросая в огонь щепотки разноцветных порошков. Хепат издали наблюдал за манипуляциями колдуна, не решаясь спросить, что же он затеял.

Конан, окруженный бывшими телохранителями Гассана, объезжал посты. На душе было неспокойно. К ночи усиливался ветер, солнце садилось в тучу. Следовало ждать ночную грозу. А учитывая способности Мраавы, можно было предположить, что гроза придет не простая.

— Что он придумает на сей раз? — бормотал под нос Конан. — Будет хлестать нас молниями?

Вернувшись к шатру, в котором подобало но-

чевать командиру, киммериец остановился у костера, над которым в неестественной позе застыл Эскиламп. Поодаль стояли Хепат и Ариан, а за ними возвышался Киас в надраенном до солнечного блеска медной кольчуге.

Троица выглядела до того забавно, что Конан невольно усмехнулся. Самым маленьким и самым старшим был гном — с окладистой бородой, крючковатым носом, с бесстыдно вылезшими напоказ бородавками и сердитым взглядом. Он заметил усмешку друга и слегка обиделся.

Рядом стоял самый младший — черный мальчик Ариан — на голову выше пожилого гнома, с тонкими, худыми ножками и копьем в руке. И великаном выглядел рядом с ними помощник покойного Гассана — Киас. Казалось, что эти трое некой высшей силой собраны из разных эпох для выполнения задания. Впрочем, задание у них действительно есть...

Конан задумчиво поскреб гладко выбритый подбородок. Со смертью Гассана и исчезновением Итилии перед ним встал еще один вопрос — финансовый. Насколько было известно, купец выдал наемникам задаток, пообещав основную сумму выплатить по окончании похода. Кто теперь станет распоряжаться богатством Гассана, было совершенно неясно. Возможно, все перейдет в казну правителя... Но, приняв армию под свое командование, Конан автоматически принимал на себя и долги Гассана. Сложное и скверное положение...

Неслышино подошел Эскиламп. Крайне уста-

лый вид всегда бодрого и веселого колдуна удивил Конана.

— Я встретился сейчас с Мраавой. Хотел уз-
нать его планы. Это очень сильный колдун!
Очень... Я едва выдержал его атаку...

Эскиламп в изнеможении опустился на землю.
Конан присел рядом.

— Ну и... Узнал ты его планы? Что он приду-
мает этой ночью?

— Он уже придумал. Ночь у нас будет весе-
лая... Я, правда, сумел его на некоторое время
обезвредить, так что непосредственно руково-
дить ими он не сможет...

— Кем руководить? — нетерпеливо спросил
Конан.

— Армией зомби...

* * *

С воплями бежали оставшиеся ополченцы.
Киас в своей отливающей золотом кольчуге, за-
крыв голову руками, в страхе содрогаясь всем те-
лом, лежал на земле. На армию Конана надвигал-
ся ужас. Полусгнившие трупы, распространяя
смрад и роняя остатки плоти, дергающимся ша-
гом шли в атаку. Каждая костяная рука сжимала
меч, на каждом оскаленном черепе плотно сидел
измазанный в земле шлем. У многих были щиты
и копья.

Но не вооружением брали эти давно погибшие
воины. Они побеждали страхом. Великий Мраава
редко использовал армию зомби. Только в самых

крайних случаях, когда проиграть войну было
равносильно личной смерти. Смерть воинов кол-
дуна не трогала... Значение имела только угроза
его драгоценной жизни. И только в этом случае
он призывал на помощь армию мертвцев. И
платил за это частью своей жизни.

Нынешней ночью колдун решился вновь вы-
звать зомби. Слишком велика была ставка — его
жизнь и сохранность талисмана, а значит, и воз-
можность пробуждения великого Ктулху.

И шли в атаку мертвцев, скаля в вечной ус-
мешке гнилые зубы, и в страхе бежали перед ни-
ми живые...

Но суровые наемники не дрогнули. Стройны-
ми, склонившимися рядами встретили они ско-
пище гнили. Не дрогнул и Хепат, сражаясь ря-
дом с Конаном, хотя и бледно было его лицо, и
слегка дрожали руки.

— Как они держатся — кости? Почему не рас-
падутся? Ведь у них все сгнило! — кричал гном,
перекрывая шум битвы.

— Колдовством держатся, черт побери! —
рявкнул Конан, круша своим огромным мечом
наседавших мертвцев.

Уже целая груда мерзких шевелящихся кос-
тей лежала перед ним, а зомби все лезли и лезли,
размахивая ржавыми мечами. Краем глаза ким-
мериец заметил, что изрядно потрепанные наем-
ники, теснимые мертвцевами, медленно отступа-
ют. Хепат что-то кричал, показывая направо и
налево. Конан понял, что возникла угроза окруж-
ения. Приходилось, отмахиваясь мечом, отхो-

дить вслед за наемниками. А зомби напирали, лезли, упрямо продвигались вперед — так велел разбудивший их колдун Мраава.

Вскоре Конан с оставшимися наемниками оказался в окружении. Образовав круг, воины стояли насмерть. А вокруг колыхалось море мертвецов. Мраава поднял из земли всех, кого смог.

И бесчисленные легионы зомби теснили оставшуюся в живых горстку мужественных воинов

В центре круга, ссугулившись, стоял Эскиламп, нараспив читая заклинания. Хепат также вышел из битвы — теперь он ничего не мог сделать со своим кинжалом. Конан сражался рядом с капитаном наемников — пожилым воином, заметно уставшим и уже с трудом отражавшим удары ржавых мечей наступающих зомби.

Киас, устыдившись своего малодушия, встал в ряды сражающихся и, получив проникающий удар в живот, упал под ноги мертвецов. Смерть его была ужасна — истекающего кровью юношу затоптали костяные ноги трупов, обутые в тяжелые сапоги.

Чернокожий мальчик Ариан, не успевший убежать вместе с последними ополченцами, жался к Эскилампу и Хепату. Волшебник, содрогаясь он напряжения, выкрикивал самые страшные заклинания из своего арсенала. И постепенно удары зомби становились слабее, натиск стихал. Мертвецы все чаще падали на землю, роняли мечи и копья.

С последними словами заклинания, Эскиламп, вместе с поддерживающим его Хепатом, без сил

рухнул на землю. Но падали и зомби. Последние из них, вяло размахивая мечами, пытались атаковать Конана, но мгновенно были превращены в груду костей.

Хепат кричал в самое ухо бесчувственному Эскилампу — сообщал радостную весть о победе.

Колдун с трудом поднял голову и слабо улыбнулся.

Утирая пот, Конан оглядел ряды оставшихся в живых воинов. Горстка израненных, уставших, пеших солдат... Те, кто не успел спешиться и сражался верхом, погибли в первую очередь. Кони пугались смердящих зомби и сбрасывали седоков...

Пал в схватке капитан наемников, полегли все до единого телохранители Конана. Сам киммериец получил несколько легких ранений — Хепат наложил мазь и перевязал его раны.

Нечего было и думать продолжать поход за волшебным талисманом — следовало как можно скорее убираться из этой страны, где воюют даже мертвые.

* * *

Перевязав раны, воины ловили разбежавшихся лошадей и готовились к бесславному возвращению на родину, когда Ариан закричал:

— Смотрите! — И в этом крике было столько отчаяния, что сердце Конана дрогнуло.

На горизонте показалась армия чернокожих воинов Мраавы. Это приближалась верная ги-

бель. Израненные наемники, несмотря на умение сражаться и мужество профессиональных воинов, не смогут долго продержаться против свежего войска, возглавляемого, к тому же, великим колдуном — обладателем талисмана..

— Садитесь на первых попавшихся коней и скажите! Мы их задержим. Всем не убежать... — Конан помог подняться Эскилампу.

— Нет, — прохрипел колдун, — я должен восстановить силы и противодействовать Мрааве.

Он выхватил кинжал. После ночного боя с армией зомби прошло несколько часов. Взошло солнце, и в его лучах ослепительно засверкал волшебный клинок Эскилампа.

— Мне нужна кровь... Кровь, отворенная на заре кинжалом, даст силу...

Конан молча протянул руку.

— Нет! — крикнул Хепат. — Тебе нельзя терять больше крови! Возьми мою! — Он повернулся к волшебнику и закатал рукав.

Незаметно мелькнул клинок над веной гнома, и Эскиламп, как вампир, поспешно припал к ране. Напившись свежей крови, он закрыл глаза и прилег, вытянувшись и расслабив мышцы.

Бледный Хепат сел рядом. Ариан, в ответ на грозный взгляд Конана, покачал головой. Он тоже решил остаться и разделить общую судьбу.

Наемники готовились к смерти. Каждый помолился своему богу и поцеловал висевший на шее талисман.

— Круг! — крикнул Конан, и солдаты встали плечом к плечу, образовав пока еще довольно

большой круг. С грустью представил себе киммериец, как будет уменьшаться это кольцо, пока последние воины не падут под ударами дикарей...

Черные, как головешка, полуголые воины армии Мраавы, нахлынули, точно морской прилив. С визгом, потрясая копьями, они неустранимо бросались на мечи наемников. Они умирали сотнями, но их были тысячи. Воля колдуна заставляла дикарей с пеной у рта бросаться в атаку и чаще всего погибать, не успев нанести ни одного удара. Но из задних рядов, затмевая солнце, летели копья. И падали воины Конана, не успевая отбивать летящую смерть.

Горстка уцелевших воинов с трудом отражала атаки дикарей, когда из середины круга раздался зычный голос Эскилампа. Он стоял, подняв сверкающий кинжал, и голос его был подобен грому. Откатилась черная орда, замолкла, и вышел вперед маленький, сморщеный человек с черным камнем на шее.

Он поднял обе руки и прокричал заклинание на языке Древних. Согнулся от боли Эскиламп, но, застонав, тут же выпрямился, и вновь засверкал его волшебный кинжал. Отблеск упал на лицо Мраавы — и рухнул на колени черный колдун, закричав от невыносимого страдания. С рычанием поднялся чародей, держась за отполированный камень, и вновь завопил на забытом языке Древних. На языке чудовищного Ктулху, дремлющего до поры в подводном городе Рлиех.

На сей раз упал навзничь Эскиламп и долго

не мог подняться. Жутким смехом засмеялся Мраава. Сорвал свою набедренную повязку, обернул ею копье. Что-то прошептал, и вспыхнула тряпка — бросил он копье в центр круга и снова засмеялся.

Жарким пламенем вспыхнула земля вокруг поверженного Эскилампа. И одновременно двинулись в атаку черные воины колдуна.

Конан бросился к охваченным пламенем друзьям. Вынес из огня Эскилампа. А Дриан помог выбраться обескровленному Хепату. Но пламя разрасталось. Странным образом друзья опять оказались внутри огненного круга. Из-за стены пламени раздавались крики наемников — огонь добирался и до них. Мраава решил силой талисмана сжечь оставшихся врагов заживо.

И вдруг зазвучала чудесная, тихая музыка. Бессильно опали языки пламени, и перед друзьями предстала невероятной красоты женщина. Легкое белое платье развевалось на ветру, задувавшем огонь. Чело богини украшала тонкая, почти невидимая корона с огромным бриллиантом в центре. Ее чистые глаза луцились тихим, загадочным светом.

— Иштар, — прошептал Эскиламп, — великая богиня... Царица Инанна, это ее другое имя... Как и было предсказано, она пришла спасти... нас... тебя, Конан...

Богиня повела рукой, и пламя с шипением потухло. Черное воинство пало ниц — дикари, подаваясь от страха, лежали, зарываясь лицом в песок. Мраавы среди них не было.

— Попешите, — Голос богини струился, подобно журчанию прозрачного ручейка в священной роще. — Догоните черного колдуна и уничтожьте талисман. Дикари вас больше не тронут. Мрааву вы найдете в пещере одинокой горы на юге страны. Прощайте и поторопитесь. Колдун попытается разбудить Спящего... Любой ценой ему надо помешать...

* * *

— Так... почему, она, царица эта, то бишь, богиня, дальше нам не поможет? — Хепат вопросительно глянул на Эскилампа.

Небольшой конный отряд наемников сопровождал Конана, Эскилампа, Хепата и привязавшегося к ним Дриана на юг, к одинокой горе, о которой говорила богиня. Остальных солдат Конан отправил в Ксутал с приказом дождаться его скорого возвращения.

Эскиламп недовольно глянул на любопытного гнома:

— Боги не могут прямо вмешиваться в эти дела... Ктулху тоже действует через adeptов своего культа.

— Да кто такой, этот Ктулху? — не унимался Хепат.

— Величайший и ужаснейший из древних! — отрезал Эскиламп и слегка пришпорил коня, давая понять, что разговор окончен.

К одинокой горе подъезжали на закате. Зияющая черная пасть пещеры выглядела зловеще.

Приказав солдатам разбить лагерь, Конан, нахмурившись, повернулся к Эскилампу:

— Ты можешь точно узнать, где сейчас находится Мраава? Пещера, как мне думается, имеет множество разветвлений!

— Я постараюсь узнать... — Колдун сосредоточенно забормотал заклинание.

Хепат тем временем сделал несколько факелов, связал их и забросил за спину. Затем проверил, легко ли выходит из ножен кинжал, и объявил, что он готов идти хоть в самую преисподнюю.

Конан ждал, нетерпеливо расхаживая у входа в пещеру. Наконец Эскиламп вскинул голову:

— Я знаю, где он! Нужно спешить, он уже начал...

Друзья устремились в недра горы. Пещера действительно имела множество разветвлений, но колдун уверенно выбирал дорогу, ни разу не остановившись. Миновали множество гротов с разноцветными сталактитами и грядьями летучих мышей. Наконец Эскиламп указал на небольшой, малозаметный тоннель.

— Он там... Подождите, я должен подготовиться.

Сосредоточившись, волшебник долго что-то шептал, вынув кинжал и приложив его ко лбу.

* * *

Небольшая пещера освещалась несколькими закрепленными на стенах факелами. Посредине

на плоском камне лежала связанныя черноволосая женщина. Рядом, с горящими безумием глазами, суетился рано поседевший, исхудавший воин. Он то и дело поправлял веревки, затем отбегал в сторону и наклонялся над длинной расщелиной, наискось пересекающей пещеру.

— Он идет! Он идет! — кричал безумный воин, глядя на сидящего поодаль маленького, сморщенного человека с плоским черным камнем на шее.

Из расщелины — этого жуткого провала в бездну — доносились странные звуки. Казалось, нечто, шурша и царапая когтями стены, поднимается наверх.

Сморщенный человек простер руку, и воин пал перед ним на колени. Затем, завывая, как бездомный пес, отполз в сторону и затих, свернувшись у стены. Никто не должен мешать великому таинству пробуждения Спящего.

Мраава подошел к связанной женщине.

— Тебе будет оказана великая честь! Ты станешь невестой самого Ктулху!

Распростертая на алтаре жертва испуганно смотрела на мерзкого, сморщенного человечка. Кляп во рту мешал не только говорить, но и дышать. От недостатка кислорода кружилась голова, и все происходящее казалось просто жутким сном.

Еще недавно она была женой самого богатого человека в стране. Он, правда, стал жутко ревнивым, и его пришлося обезглавить, но это мелочи. Вместе с самым неутомимым любовником она со-

бидалась вернуться в Ксутал, собрать несметные сокровища покойного мужа и выехать с караваном на север.

Но любовник попал под влияние черного колдуна — и вот она, обнаженная и беспомощная, лежит на алтаре в недрах горы. Как переменчива судьба! Как зло она шутит над людьми...

Мраава подошел к расщелине и прислушался. Царапание приближалось. Из глубины ужасного провала потянуло запахом тления. Послышался далекий, тусклый вой.

— Это еще не он... это его слуги... — бормотал колдун, вслушиваясь в доносящиеся звуки.

И обернувшись к женщине, уже громко продолжал:

— Сейчас тебя заберут в Рлиех! И когда великий Ктулху проснется и познает твое тело, выпьет кровь и пожрет плоть, он сумеет выбраться на поверхность и восстановить власть, утраченную в битве со Старшими Владыками!

Мраава захихикал и потер сухие шершавые руки.

Безумный воин вдруг вскочил и быстрым движением обнажил меч, с которым не расставался даже во время сна. В пещеру быстрым шагом вошел Конан. За ним — Эскиламп и Хепат.

— Убей его! — крикнул Мраава безумному слуге, указывая на Конана.

Воин с рычанием бросился в атаку. Сумасшествие придавало ему силы, и некоторое время киммериец едва успевал отбивать удары, наносимые с неимоверной быстротой.

Это лучший воин из телохранителей Гассана, вспомнил Конан. Он успел заметить связанныю Итилию на алтаре и все понял. Телохранитель стал слугой черного колдуна и предал любимую женщину.

Эскиламп и Мраава стояли друг против друга, как каменные изваяния. Каждый держался рукой за свой талисман, и оба древних артефакта вибрировали, испуская силовые волны.

Хепат подбежал к Итилии и поспешил разрезал веревки. Женщина, рыдая, обняла гнома, не в силах вымолвить ни слова. А из расщелины доносились звуки приближающихся неведомых существ. Сильнее потянуло затхлым смрадом.

Злобный вой теперь слышался отчетливо. Казалось, вот-вот из бездонной трещины вынырнут ужасные твари.

Конан, наконец, отбив очередной выпад противника, левой рукой нанес ему удар в подбородок. Бывший телохранитель опрокинулся на спину, как кошка, вскочил, приготовился к новой атаке, но меч Конана уже вошел ему в средину груди. Безумец испуганно глянул в синие глаза убившего его человека, затем, уже осмысленным, просветлевшим взором окинул пещеру, заметил Итилию, Хепата, Эскилампа. С ненавистью долго смотрел на застывшего черного колдуна, а затем улыбнулся и сказал Конану:

— Убейте колдуна... Убейте тех, кто сейчас появится... Спасите женщину... Спасите мир...

С трудом вынул Конан меч из грудины умершего, одним прыжком достиг места, где застыли

в невидимой схватке маги, и быстрым ударом снес с плеч Мраавы его сморщенную, мудрую голову.

— Скорее, — крикнул Эскиламп, — разбей талисман!

Плоский черный камень с веревкой, продетой в небольшое отверстие, лежал рядом с обезглавленным телом колдуна.

— Скорее! — повторил Эскиламп. — Не касайся его руками! Разбей ударом меча!

Конан медлил. Камень был таким красивым! Камень хотел служить ему, великому воину, Конану, сделать его властителем всех цивилизованных стран, сделать его королем, волшебником... Камень принесет удачу, богатство, славу! Камень поможет достичь истинного величия...

Резкий удар меча — и наваждение исчезло. Одна половинка потускневшего камня лежала у алтаря, другая — отлетела к трупу несчастного телохранителя.

— Я уж боялся, что он зачарует тебя, — улыбнулся Эскиламп. — Это был очень сильный талисман. Пожалуй, даже сильнее моего... — И он любовно погладил лезвие кинжала.

— Да, этот камень сулил... много чего... — буркнул Конан и повернулся к Итилии. — Зачем ты убила...

Оглушающий вой раздался в пещере. Распространяя ужасное зловоние, из расщелины выскочили две чешуйчатые твари. Словно ожившие вдруг горгульи они заковыляли к алтарю, поводя налитыми кровью глазами.

— Это самые низшие существа, они почти не имеют разума, — пояснил Эскиламп. — У них задание — доставить приготовленную жертву.

Твари в недоумении остановились у алтаря.

— Может, подбросить им тело великого колдуна, лишившегося головы и талисмана? — Конан с усмешкой повернулся к Эскилампу.

— Не стоит злить попусту Древних... Тем более, самого Ктулху... Подождем, эти твари сейчас уберутся...

Итилия подошла к Конану и, вздрагивая, скользнула в его объятия. Киммериец удивленно посмотрел на женщину — он вовсе не был склонен обнимать ее после всего, что она натворила...

«Горгульи» тупо оглянулись, увидели расщелину, быстро засеменили к ней и с воем бросились вниз, оставив после себя ужасный запах гниющих трупов.

Конану удалось, наконец, оторвать от себя испуганную, обнаженную женщину.

— Зачем ты убила Гассана? — повторил он вопрос.

— Он ревновал, как... как идиот! И собирался отрубить мне голову... Кажется, собирался...

Эскиламп мягко коснулся плеча Конана и вкрадчиво произнес:

— Купец Гассан погиб в битве с силами тьмы! Мы все это знаем... Итилия, его верная жена, а теперь вдова, наследует дворец и все, что принадлежало покойному. Я думаю, она щедро заплатит всем, кто спас ее от смерти!

— Пусть заплатит наемникам — кто остался в

живых — и вдовам погибших ополченцев! — пробурчал Конан, направляясь к выходу из пещеры.

Хепат с факелом поспешил следом. Итилия с благодарностью глянула в смеющиеся глаза Эс-килампа.

— А тебе, великий волшебник, я заплачу столько, сколько скажешь! Особенно если ты уговоришь Конана хоть несколько дней попировать у меня во дворце...

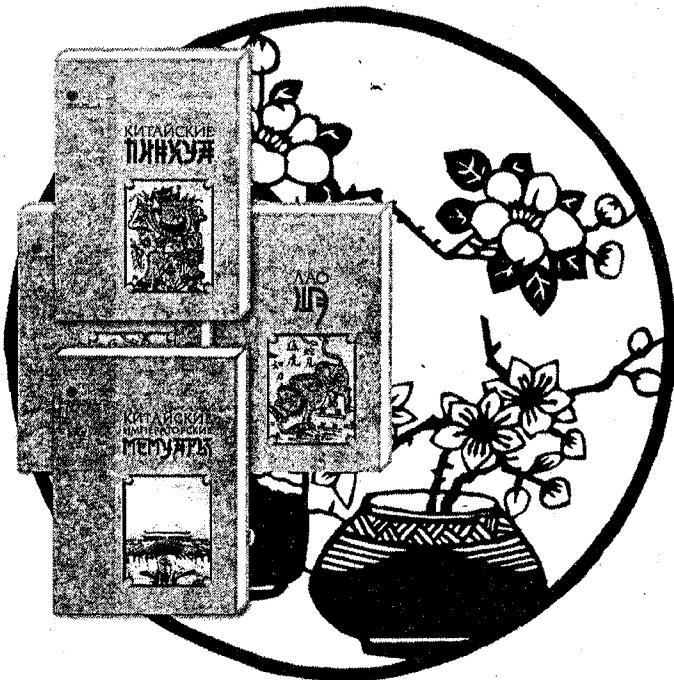
СОДЕРЖАНИЕ

Брэнт Йенсен. Чародеи Юга	7
Николас Харрис. Демон алмазного замка	265
Два талисмана	336

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет:

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В серии изданы:

- Лао Шэ
Цзи Юнь
Юань Мэй
Китайские пинхуа
Китайская лирика
Китайская классическая драма
Китайская классическая поэзия
Китайские императорские мемуары

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет:

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В серии изданы:

- ИХАРА САЙКАКУ
ВОЛШЕБНАЯ ЯПОНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЯПОНСКИЕ ДНЕВНИКИ
ДЗИНЬИТИРО ТАНИДЗАКИ
ЯПОНСКИЕ САМУРАЙСКИЕ СКАЗАНИЯ
ЭДОГАВА РАМПО
ЯПОНСКАЯ НОВЕЛЛА

издательство
СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС

представляет:

БАРБАРА ХЭМБЛИ “ХРОНИКИ ДАРВЕТА”

**ВРЕМЯ ТЬМЫ
ВОЗДУШНЫЕ СТЕНЫ
ВОИНСТВО РАССВЕТА
МАТЬ ЗИМЫ
ЛЕДЯНОЙ СОКОЛ**

Издательство

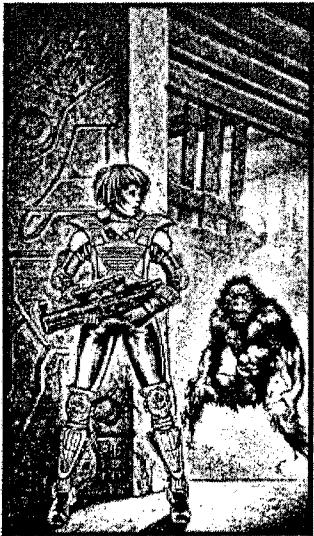
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет
знаменитый цикл исторической фэнтези

«БОЯРСКАЯ ГОНЯ»

Земля мертвых
Череп епископа
Донос мертвеца
Царская дыба
Дикое поле
Люди меча
Слово шамана
Камни Юсуфа
Черный легион

Корсары Балтики
Старая крепость
Русский булат
Наследники Борджиа
Пленники вечности
Хрустальный крест
Власть чародея
Скитальцы

Издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
представляет
научно-фантастический сериал

НАЕМНИКИ КОСМОСА
КРЫЛАТЫЙ ДЕСАНТ
КОНТИНЕНТ АВАЛОН
ЧЕРНАЯ ПУСТОШЬ
КОЛЬЦО ОГНЯ

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2005 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — **«БАТАЛРИАНСКИЙ ДЖИХАД»**!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

Анджей Сапковский
ВЕДЬМАК

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ
"ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко — и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор — все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высыпает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж, т. 741-46-05
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95

- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Литературно-художественное издание

КОНАН И ЧАРОДЕИ ЮГА

Руководитель проекта *Дмитрий Плаксин*

Составитель *Наталья Басулина*

Художественный редактор *Игорь Багданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наш электронный адрес: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И СЛУГА ТУМАНА	64	КОНАН И АНК ЗВЕРИ	65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ	66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ	67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА	68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ	69	КОНАН И ТАНЦЫ ПУСТОГИ	70	КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА	71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ	72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА	73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ	74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ	75	КОНАН И ДУХИ ГОР	76	КОНАН И СОСНОВИЦА ТАРАНТИЗИ	77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК	78	КОНАН И УВИДИЦЫ ЧУДОВИЩ	79	КОНАН И СТРАНИЦЫ МОРЕЙ	80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ	81
КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА	82	КОНАН И НАРДА НАЕМНИКА	83	КОНАН И АЛТИОН ЗАРИ	84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ	85	КОНАН И ТРООН ВЕДЫМЫ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМАПРИИ	87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАННИЯ	89	КОНАН И ВОЛЧья БАШНЯ	90
КОНАН И КАЛТВА БАРВАРДА	91	КОНАН И СОННИКЕР МАДА	92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА	93	КОНАН И АЛТИОНДА ЛЕМУРИИ	94	КОНАН И ГРОСТЬ ТИТАНОВ	95	КОНАН И ТАЙНА ПЕСКОВ	96	КОНАН И РАБ ТАЛАНСМАН	97	КОНАН И ПРОХОД В ОКРЕННЫХ	98	КОНАН И ЧАРЫ КОЛДУНЫ	99
КОНАН ГЕРОЙ ХАЙБОРГИ	100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И ЗАМОКИ РОКА	102	КОНАН И ПАРОДА СНА	103	КОНАН И БРЮХА ЛУПЫ	104	КОНАН И АЛЫЙ СТИРИЙ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК	106	КОНАН И КЛЫКИ АСУРЫ	107	КОНАН И СУД БОГИНН	108
КОНАН И ЦИТ ВЕЧНЫЙ	109	КОНАН И АНКИ АХЕРОНА	110	КОНАН БЕЛЖАВАЛЬНЫЙ ОСТРОВ	111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТЕПЕЙ	112	КОНАН И ЧАРОДЕЙ ЮГА	113								

ISBN 5-17-029822-6

9 785170 298228